МАРШАЛЫ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Каждый солдат носит в своем ранце маршальский жезл!» – любил повторять Бонапарт. Всего в наполеоновскую эпоху появилось 26 маршалов Франции. Никогда более в истории военного искусства не было такой блестящей плеяды командующих. Эта книга посвящена самым знаменитым из них: Бертье, Мюрату, Массена, Бернадоту, Сульту, Ланну, Нею, Даву, Сюше. Каждый был щедро одарен талантом, а некоторые соперничали с самим Бонапартом. Яркие, запоминающиеся образы, легкий своеобразный язык в сочетании с высокой точностью исторических деталей и глубоким погружением в материал делают книгу настоящим подарком для любителей истории Наполеоновских войн.

- Я. Н. Нерсесов
- Пролог, или Вечная слава Франции – наполеоновские маршалы
-
-
-
-
-
- Андре Массена «Любимое дитя победы»
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
- Луи Николя Даву «Я прожил жизнь честно»
-
-
-
-
-
-

- Жан Ланн «Я взял его к себе пигмеем, а потерял исполином»
- Луи Габриэль Сюше Этот недооцененный мастер на все руки
- Николя Жан де Дье Сульт Лучший мастер маневра и главный… негоциант!
- Луи Александр Бертье Неверная «жена императора»

- Жан Батист Жюль Бернадот Хвастливый гасконский петух или дальновидный выжидала?
- Мишель Ней Les Brave des Braves («храбрейший из храбрых»)
- Иоахим Мюрат «Храбрейший из королей и король храбрецов»
- Эпилог, или Àla guerre comme àla guerre
- Иллюстрации

Я. Н. Нерсесов
Маршалы Наполеона

Светлой памяти моего прадеда Шарля Омона и моей бабушки Мари Омон-Нерсесовой посвящаю…

Человек растет с детства.

Древнеперсидская поговорка

Мы живем один раз, но если жить правильно, то одного раза достаточно.

Древнеперсидская пословица

Свет показывает тень, а правда – загадку.

Древнеперсидская пословица

Мой долг передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всему я не обязан…

Геродот

Все дело в мгновении. Оно определяет жизнь.

Франц Кафка

Пролог, или Вечная слава Франции – наполеоновские маршалы

Сегодня вы открыли первую страницу отнюдь не первой книги о маршалах Наполеона Бонапарта. Все они, условно пользуясь классической со времен римской армии терминологией, могли считаться ближайшими помощниками полководца – легатами, т. е. командирами легионов (во времена Наполеона – армейских корпусов). В случае необходимости легаты, как и маршалы, должны были брать на себя руководство боем не только отдельного фланга (крыла), но и всей конницы, в крайнем случае, всей армией. Полагаю, что, начав листать эту книгу, вы не разочаруетесь и прочтете ее до конца. Счастливого вам плавания по бурным волнам ярких и не всегда однозначных судеб самых знаменитых наполеоновских маршалов-легатов – этой Вечной Славы Франции.

Начнем с того, что 19 мая 1804 г. во французской армии было восстановлено высшее звание, которое отменила революция, свергнув власть короля, – маршал Франции.

Император Наполеон I и военачальники французской армии. Литография. 1825–1830 гг.

...

***Кстати** , это звание существовало в монархической Франции с XI в., но тогда у маршалов были несколько иные функции. Впрочем, не будем вдаваться в историю этого, без условно,*

интереснейшего вопроса, а лишь констатируем, что во всех остальных европейских государствах максимум, на что мог претендовать высший офицер, – это звание генерал-фельдмаршала, т. е. военный становился лишь на высшую ступень иерархии генералов. Уже много позже руководители других стран переняли практику французов, в частности Иосиф Сталин с его блестящей плеядой «сталинских соколов», нанесших фашистской Германии знаменитые «десять сталинских ударов». Но это уже другая история, лежащая за пределами нашего повествования…

Поначалу чин маршала получили 18 наиболее достойных полководцев французской армии: несостоявшийся юнга, начинавший контрабандистом и торговцем фруктами Массена, бывший лакей, перебивавшийся хлебным ремеслом учителя танцев для дам бальзаковского возраста Ожеро, в прошлом военный инженер Бертье, несостоявшийся священнослужитель Мюрат, бывший младший лейтенант Даву, ученик красильщика Ланн, бывший старший сержант Бернадот, несостоявшийся деревенский пекарь Сульт, не доучившийся на цирюльника Бесьер, ученик бочара, сбежавший в гусары, Ней, юрист, не ставший писателем, Брюн, полуангличанин Мортье, коммивояжер (бродячий торговец галантереей) Журдан, другой юрист Монсей, бывший подпоручик Келлерман-старший, бывший гусар Лефевр, бывший старший сержант-гренадер и любитель латинских афоризмов Периньон и младший лейтенант Серюрье.

Четверо последних были объявлены почетными маршалами. Так тогда вознаградили за заслуги перед Отечеством эту уже немолодую четверку.

Позднее к первым маршалам добавились: в 1807 г. – начинавший барабанщиком Виктор; в 1809 г. – сын шотландского эмигранта кадет Макдоналд, артиллерист и приятель-однокашник Бонапарта Мармон, бесстрашный гренадер Удино; в 1811 г. – доброволец Сюше; в 1812 г. – несостоявшийся инженер и блестящий чертежник Сен-Сир; в 1813 г. – профессиональный военный, чернобровый красавец-ловелас поляк Понятовский и в 1815 г. – печально известный волонтерреволюционер дворянских

кровей Груши.

Всего в наполеоновскую эпоху появилось 26 маршалов Франции. Никогда более в истории военного искусства не было такой блестящей плеяды маршалов – это исторический феномен.

…

***Кстати** , создавая новый республиканский маршалат, Бонапарт не только рассчитывал на них как на опору в армии и государстве, но и устанавливал некий паритет между двумя крайне амбициозными, недолюбливавшими друг друга генеральскими группировками революционных братьев по оружию – итальянской (здесь служили его выдвиженцы) и рейнской (там мужали такие будущие легенды французского оружия, как Ней и Даву). Характерно, что каждая группировка оказалась представлена в маршалате равным количеством заслуженных генералов. Маршалы прекрасно осознавали свое совершенно особое положение в государстве, но воспользовались им лишь один раз, правда, в самый критический для их благодетеля момент…*

Скажем сразу, что среди военных, в разное время получивших это престижнейшее звание, были люди разного социального происхождения: сыновья дворян Груши и Периньон, сын польского князя Понятовский, сын военного инженера Бертье, сыновья офицеров Даву и Мармон, сыновья адвокатов Монсей и Брюн, сын прокурора Бернадот, сыновья врачей Бесьер и Журдан, сыновья нотариусов Сульт и Виктор, сыновья торговцев Массена, Мортье, Сен-Сир, Удино и Сюше, сын придворного служащего Серюрье, сын лакея Ожеро, сын бочара Ней, сын владельца постоялого двора Мюрат, сын эмигранта-дворянина Макдоналд, сын мельника Лефевр, сын крестьянина Ланн, сын правоведа Келлерман. Все они были совершенно не похожи друг на друга по

темпераменту, интеллекту и в различной мере наделены полководческими талантами. Почти все, кто был назначен на высшие должности в армии Наполеона, не имели специального военного образования. Их знания и навыки пополняла сама жизнь.

...

Между прочим *, среди маршалов Наполеона, вышедших из простого народа (Ожеро, Ланн, Массена, Лефевр, Мюрат, Ней, Удино), было много первоклассных полководцев. Эти даровитые люди «от сохи» чувствовали, что революция, покончившая раз и навсегда со всякого рода привилегиями, протекциями, прислужничеством, открывает широкую дорогу таланту, что ни одна искра дарования не будет затоптана, как это случалось при королевском режиме. Неудивительно, что все они любили революцию и эту любовь пронесли через всю свою жизнь. Как, например, маршал Макдоналд, который, оказавшись как-то раз за одним столом с королем Людовиком XVIII, разговорился о революции с графом Артуа, наследником престола и одним из заклятых врагов революции: «Как мне не обожать революцию! Она выдвинула меня, она меня возвысила! Разве без нее имел бы я честь завтракать сегодня за королевским столом рядом с вашим королевским величеством?» Графу Артуа не осталось ничего другого, как похлопать маршала по плечу и сказать ему, что он ценит такую откровенность. При старом порядке никто из них не перешел бы чина сержанта или навсегда остался*

бы капралом. Волна патриотизма увлекла их и заставила отдать все свои недюжинные силы делу защиты Отечества. Именно поэтому революционные войны Франции породили такое количество талантливых военачальников.

Наполеон удивительно умел угадывать людей с выдающимися способностями: Бертье, Мюрат, Массена, Ожеро, Бернадот, Сульт, Ланн, Мортье, Ней, Даву, Бесьер, Виктор, Макдоналд, Мармон, Удино, Сюше, Сен-Сир, Понятовский… Но только четверо из них – Массена, Даву, Ланн и Сюше – умели успешно воевать самостоятельно и даже выигрывать крупные битвы!

Ни одного маршала нельзя назвать бездарностью (правда, степень их дарования была, естественно, разной), получившей чин благодаря происхождению или родству, как это случалось в других государствах. Неудивительно, что армия Франции побеждала. К своим военным Наполеон предъявлял исключительные требования: точное выполнение поставленной задачи, умение проявить инициативу и работать на износ, – но зато и щедро награждал их.

…

***Кстати** , каждому маршалу полагался символ его звания – 50-сантиметровый маршальский жезл, обтянутый синим бархатом, с 32 вышитыми золотыми орлами. С торцов жезл окольцовывался золотом. По верхнему ободку вилась латинская надпись: «Ужас войны. Щит мира», а по нижнему – имя и фамилия обладателя жезла и дата пожалования звания. Кроме того, по торцам шел венок из золотых лавровых ветвей. «Каждый солдат носит в своем ранце маршальский жезл!» – любил повторять Бонапарт, но на самом деле все было не так просто. И вы в этом*

убедитесь, если дочитаете эту книгу до последней страницы.

Маршальские мундиры представляли собой настоящие шедевры. Сказать, что они были великолепны, значит ничего не сказать. Поскольку для их описания потребуется целая глава, скажем лишь, что каждому маршалу полагалось четыре комплекта маршальской формы: церемониальная, очень похожая на нее парадная, обыкновенная и походная. Характерно, что многие из них, подражая известному пижону маршалу Нею, шли в решающий бой в парадной форме.

…

***Между прочим** , Наполеону принадлежит весьма глубокая сентенция по поводу модной одежды: «Не всякий обладает правом быть одетым просто». Вернувшись в Париж после Аустерлица и желая увековечить свою любимую победу, Бонапарт заказал картину о сражении и дал интересное наставление знаменитому придворному художнику Жерару: «Как можно больше великолепия в костюмах офицеров, окружающих императора, с тем чтобы оно контрастировало с простотой его одежды и выделяло его среди них».*

Маршалов связывало скорее военное братство, чем дружба – взаимная нелюбовь встречалась нередко. Дружили лишь Бесьер с Даву, Массена с Ожеро и до поры до времени Ланн с Бесьером. Соперничество из-за славы делало их порой непримиримыми врагами, например Бернадота и Мюрата, Мюрата и Даву, Даву и Бернадота, Бернадота и Бертье, Бертье и Даву, Бесьера и Ланна, Ланна и Мюрата, Мюрата и Ожеро, Бесьера и Массена, Массена и Нея, Нея и Сульта, Макдоналда с Виктором и Сен-Сиром. Дрязги и доносы, а порой и открытые столкновения стали для них обыденностью. Наполеона такое положение дел, по-видимому, вполне устраивало. Действуя по древнеримскому правилу «разделяй и властвуй», он стремился не допустить возникновения прочных уз между маршалами, чтобы они не могли образовать

оппозицию. Лишь в самом конце, когда весной 1814 г. враг будет у стен Парижа, последние из оставшихся при Наполеоне маршалов выступят против него «единым фронтом» и потребуют немедленного отречения! Но это случится, когда всем станет ясно, что карта генерала Бонапарта бита!

Наполеон высоко ценил таланты своих военачальников. Доходы их росли год от года, все маршалы стали владетельными герцогами. Но и цена, которую приходилось платить за почет и милости, сыпавшиеся как из рога изобилия, была очень высока – жизнь. Своей кровью расплачивались они за привилегированное положение. Смерть вырвала из их рядов Ланна, Бесьера и Понятовского, убитых на поле боя. Еще пятеро умерли насильственной смертью уже в мирное время: Нея и Мюрата расстреляли, Брюн стал жертвой роялистского самосуда, Мортье – террористического акта, Бертье то ли покончил с собой, то ли был убит. Остальные умерли своей смертью, кто раньше, кто позже.

Характерно, что большинство из них откажется от человека, которому они обязаны всем (богатством, почестями, титулами). Их называли бессердечными, хищными, вероломными, жадными, жестокими, но никто никогда не дерзнул назвать кого-либо из них трусом! Узкие рамки нашей книги вынуждают нас ограничиться подробными биографиями лишь самых знаменитых и лучших из лучших «легатов» последнего бога войны – так порой величают Бонапарта историки-наполеоноведы.

Андре Массена «Любимое дитя победы»

Одним из наиболее талантливых и авторитетных маршалов Наполеона считался невысокий, смуглый и молчаливый Андре Массена (6.05.1758, Ницца – 4.04.1817, Париж). Родовым гнездом семейства Массена была деревушка Левен, находившаяся в 15 милях от Ниццы. В то время Ницца входила в состав Сардинского королевства, т. е. Массена считался итальянцем (пьемонтцем). Его предки были потомственными земледельцами и фермерами (родословная Массена известна с 1475 г.). Его отец Джулио Чезаре изменил семейной традиции и занялся мелким бизнесом – производством и сбытом мыла и кожи. Мать маршала, француженка Катарина Маргерит Фабр, была дочерью инженера из Тулона.

Андреа (так по-итальянски звали его в ту пору) в шесть лет потерял отца, а его мать вторично вышла замуж, и ей было не до пятерых детей от первого брака. На счастье, Андреа оказался на попечении бабушки. Мальчуган уже никогда не чувствовал родительской поддержки. Это обычно накладывает особый отпечаток на характер, а порой и судьбы людей. Из-за плохого материального положения бабушка не могла дать внуку всего того, что скрасило бы хоть немного его сиротское детство. Через несколько лет брат отца Агостино забрал племянника к себе: ему был нужен дармовой работник. В его мыловарне в Ницце наш юный герой прошел свои «первые университеты». Порывистая и страстная натура Андреа, однако, вскоре восстала против однообразной работы. Рутинному и полусонному существованию он предпочел трудную, опасную, но исполненную романтики и приключений жизнь. В тринадцать лет подросток убежал от родственников, поступил юнгой на торговое судно, плавал на нем более четырех лет, побывал в Атлантике, посетил Гвиану. К 17 годам он так и не научился читать и писать, но зато приобрел бесценный жизненный опыт.

…

***Кстати** , у Массена было типично итальянское лицо (сказались пьемонтские гены отца): острые черные глаза, крючковатый нос,*

выдающийся подбородок, покрытый твердой щетиной, к которой редко прикасалась бритва. Его никто не назвал бы красавцем, что не мешало ему интересоваться женщинами и при этом пользоваться у них успехом.

«Наевшись» романтики, Массена сошел с корабля в Тулоне, где проживал его дядя Жером Марсель. Он служил в Королевском итальянском полку французской армии унтер-офицером (старший сержант). В 1775 г. молодой Массена поступил солдатом в тот же полк. Несомненно, дядя повлиял на его решение, и впервые с момента смерти отца Андре (теперь мы будет его звать на французский манер) не чувствовал себя совершенно одиноким. Можно без преувеличения сказать, что дядя Жером Марсель стал для Андре вторым отцом. Именно благодаря его заботам и советам Массена быстро достиг успехов в освоении военного ремесла. Он чувствовал себя на солдатской службе как рыба в воде, и это, несомненно, объясняет ту легкость, с которой он преодолел первые ступени карьерной лестницы. Уже 1 сентября 1776 г. Массена получил свой первый чин – капрала. Впоследствии, вспоминая то время, Массена не без грусти говорил, что ничто так не волновало и ничто так не радовало его в жизни, как первое звание.

18 апреля 1777 г. Массена стал сержантом – в возрасте 19 лет, что в королевской армии было большим достижением, требовавшим не только большого ума и прилежания, но и способностей. Вскоре полк, в котором служил Массена, был перемещен в Ла-Рошель, где готовился к посадке на корабль, чтобы отплыть в Новый Свет – там в ту пору шла война за независимость американских колоний Англии. Но наш юный герой так и не побывал за океаном – не судьба! Полковое начальство постоянно отмечало юного Массена как отличного служаку. Но его недворянское и тем более иностранное происхождение преграждало путь к продвижению по службе.

Добравшись, как и дядя, лишь до унтер-офицерских нашивок, 3 марта 1789 г. после 14 лет непрерывной службы Массена вышел в отставку, открыл лавчонку в Антибе и женился на дочери хирурга Мари Розали Ламарр (1765–1829). Нам так и осталось неизвестно, был ли заключен этот брак по любви. Дородная Массена слыла супругой спокойной и неконфликтной, посвятившей всю свою жизнь воспитанию детей: двух сыновей, Жака Проспера (1793–1821) и Виктора (1799–1863), и двух

девочек, Мари Анн Элизабет (1790–1794) и Виктории Терезы (1794–1857). Не исключено, что пресная натура Мари Розали во многом способствовала развитию бонвиванских замашек у ее дражайшего супруга. Но, будучи женщиной умной и тактичной, она смотрела сквозь пальцы на шалости своего знаменитого муженька, требуя от него только одного: денег, еще раз денег, причем больших денег. Скорее всего, именно благодаря этому они нашли друг друга и, несмотря на все перипетии супружеской жизни, оказались два сапога пара.

...

***Кстати** , с сыном Массена 16-летним Жаком Проспером в ходе Ваграмской битвы произошел презабавный случай. Когда отцу потребовалось послать одного из адъютантов с ответственным заданием, выяснилось, что настал черед сына. Повинуясь отцовским чувствам, Андре вне очереди отправил в огонь другого адъютанта. Сын счел это несправедливым и помчался догонять товарища. После возвращения обоих адъютантов живыми и невредимыми маршал обрушился на Жака Проспера с упреками. Сын был предельно лаконичен: «Я – сын маршала Франции! Это моя кампания! Я уже награжден крестом! Но заслужил ли я его? И наконец, это был мой черед выполнять приказ!» Посрамленный отец не без удовольствия и гордости пробурчал: «Этот молокосос доставил мне больше хлопот, чем целый вражеский корпус!»*

Молодая пара Массена открыла собственную бакалейную лавку, приторговывая оливковым маслом и сухофруктами. Поговаривали, что под прикрытием мелкой торговли Массена на пару со своим двоюродным братом Бавастро занимался контрабандой, доставляя из Франции товары через Савойские

горы в Италию. Так или иначе, но именно с той поры страсть к презренному металлу не отпускала нашего героя до… гробовой доски. Уже во времена маршальства его ненасытная алчность станет притчей во языцех, и сам Бонапарт, узнавая об очередном хищении Массена, будет то раздражаться, то… делать вид, что ему не до финансовых проказ «любимого дитя победы».

После революции Массена вновь устремил свой взгляд на армию. Именно от нее, как рассчитывал Массена, он мог получить то, что хотел и чего не мог достичь при старом режиме. Он вступил в Национальную гвардию, стал капитаном-инструктором, начав с подавления… крестьянского восстания в Арьеже. Его глубокое знание военного дела, внушающая уважение манера поведения, безграничная уверенность в себе, выразительная и образная речь выделяли нового капитана из общей массы военных той поры. Его строптивость равнялась его храбрости, скрытность – алчности, а гордость – невзрачности. Во время войны Андре был избран командиром батальона волонтеров. Его отличительными чертами были решительность, отвага, предприимчивость, упрямство и высочайший боевой дух. Но в то же время он пренебрегал дисциплиной, мало уделял внимания снабжению, за что его откровенно недолюбливали солдаты. Он не умел тщательно готовить атаку и произносить патетико-патриотические речи для воодушевления воинов, но с первым пушечным выстрелом Массена преображался и действовал как часы. Даже будучи разбитым, он не терялся и продолжал бороться за победу. Благодаря своей фантастической одаренности уже через год службы в армии революционной Франции, в феврале 1792 г., он становится подполковником, а в августе 1793 г. его производят в бригадные генералы. В это время Андре успешно сражается в Альпах, отличается при взятии Тулона в армии Дюгоммье. Именно под Тулоном жизненные пути Бонапарта и Массена впервые пересеклись. Но тогда Бонапарт, более известный под своей итальянской фамилией Буонапарте (и к тому же всего лишь капитан), в табели о рангах стоял значительно ниже Массена (бригадный генерал).

…

***Между прочим** , уже в дни осады Тулона в 1793 г. между Массена и Бонапартом пробежала кошка по имени Зависть. Бонапарт, описывая взятие крепости, никогда и нигде не*

упомянул о роли Массена! А она была немалой, недаром за штурм Массена получил звание дивизионного генерала, а Бонапарт, хоть и шагнул вверх сразу через несколько чинов, – лишь бригадного! Невероятно тщеславный Наполеон уже тогда испытывал профессиональную зависть к «генералу без военного образования».

Потом Массена оказался в Итальянской армии у генерала Дюмербиона, которого сменил Келлерман-старший, один из героев легендарной победы под Вальми, а затем генерал Шерер. После Тулона – с апреля по май 1794 г. – Бонапарт воюет в Альпах как начальник артиллерии под руководством Массена.

К. Пеллетан. *Потрет маршала Массена. Гравюра.* Вторая половина XIX в.

При чтении наполеоновского «Очерка операции Итальянской армии в 1792–1795 гг.» складывается впечатление, что Бонапарт не только не подчинялся напрямую Массена, но даже был в сравнении с ним фигурой по меньшей мере равнозначной… Конечно, это не так. Более опытный и старший по званию Массена, безусловно, имел ряд преимуществ перед Бонапартом, проявившим себя один-единственный раз – во время взятия Тулона. Впоследствии, вспоминая об операциях Итальянской армии, Наполеон если и называл имя Массена, то с какой-то отстраненностью. Профессиональная ревность, не так ли?

Уже тогда Наполеон не считал нужным подчиняться вышестоящему командиру, вскоре прославившемуся важной победой при Лоане 21 ноября 1795 г. План прорыва вражеского центра при одновременном охвате одного из его флангов превосходящими силами, детально разработанный Массена, принес блестящий успех. Победа была тем ощутимее, что общие потери французской стороны в сражении составили лишь пятую часть в сравнении с потерями австро-сардинских войск. Более того, после отставки инертного Шерера в самой армии многие полагали, и не без оснований, что его место достоин занять именно… Массена!

Но, как это часто бывает, в назначение Массена вмешался его величество случай. Если Тулон создал военную репутацию Наполеону, то 13 вандемьера, поддержав правительство против восставших парижан, Бонапарт укрепил свое политическое положение. Теперь Директория не жалела ничего, чтобы отблагодарить своего спасителя. 10 октября Наполеон был назначен заместителем командующего внутренними войсками; через шесть дней ему было присвоено звание дивизионного генерала. 26 октября он был назначен уже главнокомандующим Внутренней армией. А 2 марта 1796 г. Бонапарт стал командующим Итальянской армией.

Отправка в Итальянскую армию «генерала Вандемьера», как его ехидно называли боевые офицеры, вызвала неоднозначную реакцию среди боевых офицеров. Причиной тому был, конечно, не маленький рост нового главнокомандующего (158,5 см). Наполеона невзлюбили за то, что он был «человеком со стороны», назначенцем, которому покровительствовал директор-адвокатишка Баррас. Несомненно, что и сам обиженный Массена разделял подобные чувства в отношении «военного из прихожей», интригами оттершего его, победителя при Лоане, от честно заслуженного поста.

Так или иначе, но отношения между Бонапартом и одним из самых одаренных его полководцев действительно всегда были прохладными. Так, в 1808 г., уже будучи императором Франции, как-то на охоте в Фонтенбло, стреляя по стае куропаток, Наполеон попал дробью в… левый глаз Массена. Бонапарт не извинился за ранение и, только приехав в Мальмезон, все же направил к подстреленному Массена своего личного лекаря Ларрея. Но было уже поздно: маршал успел окриветь. Массена был крайне самолюбив и часто обижался на Наполеона, считая, что тот недооценивает его вклад в ту или иную победу. Но в этом он был не совсем прав. Бонапарт ценил проницательность, активность, упорство и бесспорный талант Массена: «…он никогда не падал духом… при первом выстреле, посреди ядер и опасности, мысли его приобретали силу и ясность. Разбитый, он продолжал действовать как будто победитель». Во-первых, Массена умел повиноваться, и, во-вторых, он много получил от Бонапарта – в первую очередь широкое поприще славы! Наполеон сделал его маршалом Франции и наградил орденом Почетного легиона.

…

Кстати *, хрестоматиен рассказ о том, как прошла первая встреча нового командующего с командирами дивизий. Они вошли, не снимая шляп, украшенных трехцветными перьями. Бонапарт был тоже в шляпе. Он встретил генералов вежливо, но сухо, официально, предложил им сесть. Когда сели и началась беседа, Бонапарт снял свою шляпу, и генералы последовали его примеру. Немного погодя Наполеон надел шляпу. Но так взглянул при этом на собеседников, что ни один из них не посмел протянуть руку к своей шляпе. Генералы продолжали сидеть перед командующим с непокрытыми головами. Когда командиры расходились, Массена (по другой версии, Ожеро) пробормотал: «Ну нагнал же на меня страху этот*

малый!» Как было на самом деле, нам доподлинно не известно. Не исключено, что это всего лишь красивая армейская байка, без которых не обходятся рассказы бывалых вояк. В сущности, это неважно…

В Итальянском походе Наполеона Массена отличился не раз: 12 апреля при Монтенотте, 14–15 апреля при Дего, 10 мая при Лоди, 3 июня у Вероны, 5 августа при Кастильоне (за это отличие майор Мармон привезет ему от Бонапарта наградную саблю), 15–17 ноября в знаменитом сражении при Арколе. Но ярко Массена проявил себя в крайне тяжелой для французов битве при Риволи: именно его маневр привел к контрнаступлению французов и выигрышу. После этого Наполеон назвал Массена «любимое дитя победы!».

В 1798 г. Директория поручила Массена принять командование французскими войсками, оккупировавшими Рим и его окрестности, сменив генерала Бертье, отправившегося вместе с Бонапартом в Египетскую экспедицию. Массена обожал деньги, обожал богатство. Стремление к обогащению было, по-видимому, главной страстью в его жизни. Наполеон называл Массена (вместе с Ожеро и Брюном) «ненасытными грабителями». При этом в отличие от коллег будущий герцог Риволи не позволял себе широких жестов, которые встречались у того же Ожеро, помогавшего деньгами своим боевым товарищам. Массена же слыл скрягой. Невиданное лихоимство генерала вызвало настоящее возмущение в Риме. Солдаты, давно не получавшие жалованья, прекрасно знали, что личные сундуки Массена ломятся от награбленного золота, и отказались выполнять любые его приказы. Директория не рискнула продолжать «эксперимент» с пребыванием Массена в Риме и Падуе и отозвала генерала во Францию. Однако этот урок не пошел на пользу Массена: воровать он не перестал.

Один из его звездных часов наступил осенью 1799 г., в критический для судьбы революционной Франции момент. В отсутствие Бонапарта, покорявшего Египет, видные французские генералы Макдоналд и Моро потерпели ряд серьезных поражений в Италии от «русского Марса» А. В. Суворова. Серюрье с Груши и Периньоном и вовсе оказались в плену, и Suvaroff уже собирался через Швейцарию вторгнуться во Францию.

А. Тьер. *Наполеон на Аркольском мосту.* Гравюра. Вторая половина XIX в.

Именно Массена – этот гений искусства обороны – проявил тогда свои блестящие способности. Прекрасно разбиравшийся в специфике горной войны, он оставил ряд своих позиций, которые из-за отдаленности друг от друга и невозможности поддерживать с ними связь легко могли превратиться в своеобразные ловушки для разрозненных французских отрядов. У Массена был план расположиться со своей армией у Цюриха и там принять решительное сражение. Цюрих, один из самых крупных городов Швейцарии, действительно имел стратегическое значение. Он не только был центром дорог, расходящихся радиусами в разных направлениях, но и имел богатый арсенал. Таким образом, полностью сохранить господство над этим городом было немаловажной задачей для французского главнокомандующего.

Австрийский эрцгерцог Карл (60 тыс. солдат) попытался было вытеснить Массена (45 тыс. человек), но так и не добился ничего существенного и вскоре ушел за Рейн. В итоге против Массена находился теперь только русский корпус Римского-Корсакова, а левее располагался австрийский отряд генерала Готце. На помощь Римскому-Корсакову двигался Суворов с 32 батальонами пехоты, казаками и небольшой бригадой австрийцев генерала Ауффенберга – всего около 21,5 тыс. человек.

Получив письмо от генерала Сюше, начальника штаба Итальянской армии, в котором тот извещал Массена о движении армии Суворова через Альпы на соединение с корпусом Римского-Корсакова, Массена решил ускорить наступление. Тем более что неистовый старик Suvaroff уже штурмовал Чертов мост. У Массена под началом было много первоклассных генералов – Ожеро, Удино, Сюше, Сульт, Мортье, Вандамм, Лекурб, Суам, д'Эрлон и Молитор (первые пятеро станут маршалами Франции). Генералы Лекурб и Молитор, мастера горной войны, до последнего огрызались на перевалах. Тем временем сам Массена с оставшимися генералами и 39 тыс. солдат сумел навязать решительное сражение 24—27-тысячному русскому корпусу Римского-Корсакова под Цюрихом. Удино был отправлен им в обход, Мортье брошен во фронтальную атаку, а Сульт умело пресек все попытки австрийцев прорваться к русским.

В отличие от французского командующего, который тщательно подготовил свое наступление, Римский-Корсаков не предпринял никаких мер на случай французской атаки. Он сам готовился к наступлению, а потому собрал у Цюриха бóльшую часть войск, весь обоз и артиллерийские парки. О намерениях Массена русский командующий не имел ни малейшего представления. Упорство и отвага русских солдат позволили им в течение целого дня мужественно противостоять натиску французов (недаром они потеряли около 7 тыс. человек), но силы были слишком неравны. И на следующий день русские были сломлены. Французы ворвались в Цюрих. Разгром был полным. С большими потерями (15–18 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными, 26 орудий, 9 знамен) остатки русского корпуса начали беспорядочный отход за Рейн.

...

***Кстати** , это было самое крупное поражение российской армии в XVIII столетии! Подобный конфуз случился с ней без малого за 100 лет – на заре ее становления в Петровскую эпоху, т. е. еще в XVII в. Тогда, 19 ноября 1700 г., превосходя по количеству шведов Карла XII в несколько раз, русские крупно проиграли им под Нарвой. Понесенное поражение было очень тяжелым:*

если шведы потеряли от 2 до 3 тыс. человек, то русские – около 8 тыс. убитыми (7 тыс. полегло на поле боя и тысяча утонула в реке Нарве во время бегства дворянской конницы) и 12 тыс. пленными; Карл XII захватил всю русскую артиллерию. Кроме того, немало уцелевших русских солдат погибли при отступлении к Новгороду от голода и жестоких морозов. Так первое столкновение русской армии со шведами завершилось ее страшным разгромом, или, как выразился по этому поводу сам российский самодержец, «нарвской конфузией». Но тогда были иные обстоятельства, и у русского оружия еще не было столь славного имени, завоеванного за 100 лет победоносных войн.

В борьбе с Лекурбом и Молитором Суворов понес слишком серьезные потери и прорываться во Францию через заслон самого Массена благоразумно не стал, впервые в своей практике применив столь нелюбимую им ретираду через непроходимые горные тропы. По сути дела, Массена поставил крест на полководческой карьере Суворова, не дав тому после трех кряду побед над французами при Адде, Требби и Нови прорваться во Францию. Он вынудил непобедимого русского Марса с тяжелыми боями отступать подобру-поздорову. Но и окружить и уничтожить войска русских Массена не удалось. Неистовый старик Suvaroff так и ушел в Бессмертие непобежденным. Впоследствии Массена с завистью говорил, что «отдал бы все свои победы за один швейцарский поход Суворова».

…

***Между прочим** , значение этой победы для Франции трудно переоценить. Она вселила уверенность в души как солдат, так и народа в целом. Победа у Цюриха имела к тому же и политические*

последствия: русский император Павел I вышел из антифранцузской коалиции и отзывал армию обратно. «Лебединая песня» победоносного Суворова – столь необходимый для европейских монархов поход на Париж и столь желанная для русского Марса встреча на поле боя с Бонапартом – «широко шагающим мальчиком, которого пора унять, а не то будет поздно» – так и не состоялась. И очень скоро предостережение Суворова, что «новый Рим пойдет по стопам Древнего», реализовалось: наполеоновская Франция начала стремительно поглощать европейские государства, превращаясь в супердержаву.

Не одержи Массена тогда судьбоносной победы, могли бы союзные русскоавстро-английские войска, ведомые неистовым стариком Suvaroff, оказаться под стенами Парижа на 15 лет раньше, чем это случилось! Если это предположить, то еще неизвестно, как сложилась бы карьера генерала Бонапарта, и вздрагивал бы мир от результатов Маренго и Ульма, Аустерлица и Йены, Фридлянда и Ваграма?

Цюрихская кампания важна еще и потому, что тогда во всей полноте раскрылся полководческий талант Массена. Терпение и выдержка, проявленные им в этой кампании, не могут не восхищать: на протяжении долгого времени он ждал момента, когда можно будет с уверенностью броситься на противника – ни раньше, ни позже. Умелое использование горных проходов, поддержание надежной связи между отдельными частями армии, грамотный выбор позиции, искусное чередование оборонительных и наступательных операций, способность воспользоваться оплошностью врага, перехватив у него инициативу, – таков неполный перечень способностей Массена, которые он продемонстрировал в Швейцарии в 1799 г.

…

***Между прочим** , не все было*

гладко в полководческой биографии «любимого дитя победы». В июне 1800 г. после двух месяцев обороны Генуи, когда он исчерпал все мыслимые и немыслимые средства для защиты, несмотря на наличие в его обойме таких первоклассных генералов, как Сульт и Сюше, Массена пришлось пойти на почетную капитуляцию перед австрийцами. До сих пор трудно понять, почему Бонапарт, переваливший тогда через Альпы, не пошел к нему на помощь, а выбрал иное направление, приведшее его к… Маренго и одной из его самых судьбоносных побед. Сегодня историки склоняются к мнению, что без осады Генуи не было бы и победы при Маренго. Если это так, то Бонапарт очень многим обязан Массена и его солдатам, героически оборонявшим Геную и отвлекавшим немалые силы австрийцев от вторгнувшегося в Италию наполеоновского воинства. Но даже спустя много времени, уже будучи на острове Святой Елены, Наполеон так и не признал этого неоспоримого факта. Наоборот, он продолжал с весьма недоброжелательной дотошностью разбирать все просчеты лихого контрабандиста при обороне Генуи. Впрочем, здесь нет ничего непонятного: во все времена суперзвезды очень ревниво относились к успехам… звезд, могущих ненароком затмить их на небосклоне. Среди военных это соперничество и вовсе принимало дикие формы, вспомним хотя бы прославленного Александра Васильевича и его эскапады против Фридриха II Великого, Каменского-

старшего и прочих екатерининских орлов…

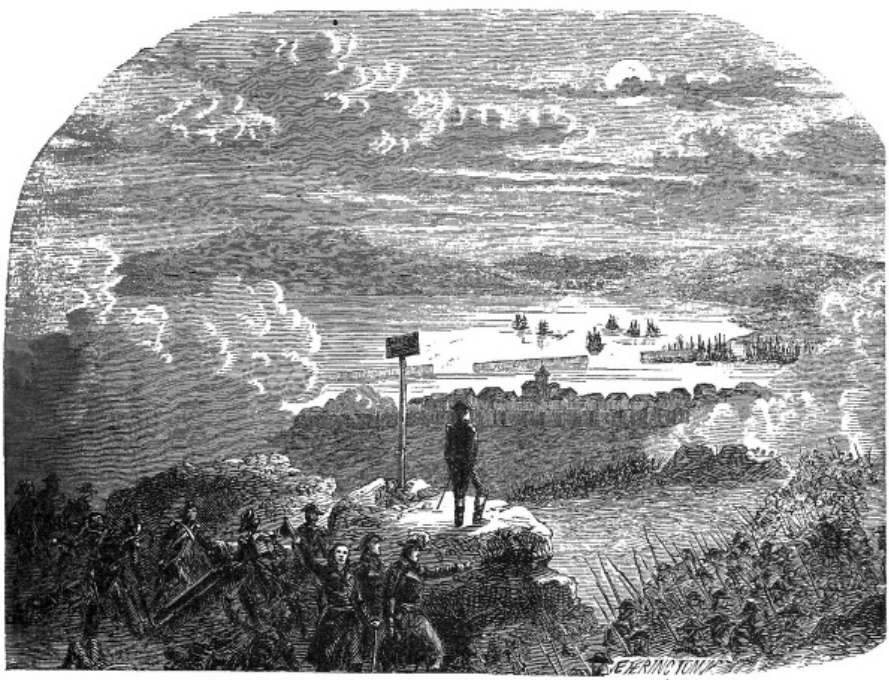
Известие о захвате власти в Париже осенью 1799 г. Массена воспринял без особого энтузиазма. Учитывая его непростые отношения с Бонапартом, это более чем естественно. Скорее всего, Массена опасался, что недолюбливавший его новый глава государства не даст ему всего того, из-за чего только и стоит жить: славы и богатства.

Массена принимает участие в войне с Австрией в 1805 г. И хотя в силу ряда обстоятельств оказывается на второстепенных фронтах, именно ему выпала честь с 50-тысячной армией сдерживать сильнейшую австрийскую армию эрцгерцога Карла – лучшего вражеского полководца, набравшего в свою армию лучшие полки и лучших командиров. Но в ходе тяжелой войны с русскими в 1807 г. «любимое дитя победы» по воле императора не принимал участия ни в кровавой мясорубке при Прейсиш-Эйлау, ни под Фридляндом, когда решилась судьба всей кампании.

Следующий звездный миг в карьере Массена случился, когда она фактически уже была на излете. 50-летний, изрядно уставший от многолетних военных передряг (на войне, как известно, люди быстро стареют), Массена проявил все грани своего таланта летом 1809 г. Тогда Австрия решилась в одиночку «бросить перчатку» повелителю всей Европы. На фоне не всегда отменно действовавших наполеоновских маршалов именно Массена отличился во время фиаско Бонапарта при Асперне и Эсслинге. Разрушенные деревни более десятка раз переходили из рук в руки. Все вокруг было завалено трупами. Все адъютанты Массена были убиты или ранены, под ним разорвало ядром коня, а одноглазый контрабандист хладнокровно руководил боем. Его корпус отступил лишь по приказу, вынеся всех раненых и лишив врага трофеев. Столь же блистателен был Массена и в ходе тяжелейшей Ваграмской битвы. В той кампании он был почти неразлучен с Наполеоном. Активность, стремительность, решительность, самообладание и невероятная стойкость Массена в обороне не раз спасала Бонапарта от катастрофы. Недаром позднее Наполеон сказал: «Кто не видел Массена в Асперне, тот не видел ничего». Во время рекогносцировок перед судьбоносным для Бонапарта Ваграмом, указывая на герцога Риволи, он говорил: «Вот моя правая рука!»

…

***Кстати** , Андре Массена побывал в десятках сражений, видел, как кругом него падают люди под пулями и ядрами, но сам оказался ранен только дважды. Причем отнюдь не в бою. Первый раз «отличился» Бонапарт, повредив ему глаз дробинкой на охоте. Во второй раз он свалился в ров накануне Ваграма и вывихнул себе ногу. Таковы гримасы Судьбы.*



Неизвестный автор. *Бонапарт руководит осадой Тулона.* Гравюра. Вторая половина XIX в.

Человеческие качества Андре не вызывали у Наполеона особого энтузиазма: помимо денег Массена больше всего любил красивых женщин. Взяточничество и казнокрадство шли с Массена нога в ногу. Он опускался до того, что лично вымогал трофеи у подчиненных. В приказах Наполеона по армии можно часто встретить такие фразы: «Я приказал маршалу Массена возместить похищенные им два миллиона»; «Приказываю Массена вернуть взятые им шесть миллионов» и т. п. Уже на острове Святой Елены Наполеон писал: «Массена был настоящим грабителем. Он постоянно входил в долю с армейскими

поставщиками и интендантами. Я много раз говорил ему, что, если он прекратит злоупотребления, я подарю ему 800 тысяч или даже миллион франков». После того как в 1806 г. Массена присвоил 6 млн 400 тыс. франков, предназначавшихся на содержание вверенной ему Неаполитанской армии, Бонапарт «озверел душой» и приказал немедленно конфисковать позаимствованные Массена деньги, которые тот предусмотрительно успел спрятать в одном из банков Ливорно. Андре настолько расстроился, что слег с горячкой и долго потом плакался всем окружающим: «Я сражался, служа ему, а он был настолько жесток, что отнял у меня мои весьма скромные сбережения, вложенные в банк в Ливорно!» Но полководец так втянулся в эти грязные денежные истории, что никак не мог из них выбраться. Со временем Наполеону столь надоели донесения о казнокрадстве Массена, что он стал… закрывать на них глаза, мотивируя свое поведение весьма весомым аргументом: «Массена обладает таким военным талантом, перед которым надо преклоняться и не вспоминать о его недостатках, поскольку они есть у всех людей». Сам Массена объяснял свою «болезнь» очень просто: «Слава – прекрасная вещь. Но ведь ее не положишь в банк!» Наполеон, быстро раскусивший главный секрет своего маршала, в изобилии дал ему первое. Он получал более миллиона франков в год, больше платили только Бертье: 1,5 млн. (После смерти Массена его состояние оценили в 40 млн франков!) Женщин Массена «добывал» себе сам… Причем к старости ему требовалось их все больше и больше! Правда, будучи человеком крайне жадным, он предпочитал на них… экономить.

…

***Между прочим** , о том, что Массена невероятный жмот и до неприличия скареден, ходили многочисленные рассказы. В знаменитом сражении под Ваграмом повредивший незадолго до этого ногу Массена под непрерывным обстрелом врага передвигался в открытой коляске, запряженной четверкой белых лошадей. После битвы кое-кто намекнул Андре, что неплохо бы наградить и рисковавших наравне с*

ним своими жизнями форейтора и кучера. Массена внял голосу разума и даже объявил, что намерен пожаловать по 200 франков каждому из храбрецов. Но когда кто-то из его штабных офицеров высказался в том смысле, что Массена расщедрился и будет выплачивать каждому из этих своих преданных слуг ежегодную пенсию в размере 200 франков, то с маршалом чуть не случился инфаркт! Он дико заорал, что при своей бедности может себе позволить только однажды поощрить их обещанными 400 франками на двоих! Но, на беду, новость дошла до ушей самого Бонапарта, и тот не преминул поставить жирную точку в этой некрасивой истории: маршалу было по-армейски жестко приказано платить форейтору и кучеру обозначенную ежегодную пенсию! Массена попробовал было поскулить о том, что это его непременно разорит, но Бонапарт так посмотрел на него, что скупой маршал тут же взял под козырек. А через несколько дней судьба послала ему сигнал: в последней стычке с австрийцами под Цнаймом через мгновение после того, как Массена покинул карету, шальное ядро разнесло ее вдребезги! «Спешите делать добро!»

Уже будучи командующим в Португалии, Массена настолько прикипел к своей очередной «легкой кулеврине» (так среди французского офицерства XVIII в. галантно величали дамочек, умело снимавших на войне стресс у постоянно рисковавших жизнью господ офицеров), что возил ее с собой повсюду. На этот раз ею была сестра одного из адъютантов, приятная во всех отношениях мадам Лебертон, выглядевшая крайне соблазнительно в зеленой форме драгунского капитана с орденом

Почетного легиона на высокой груди! Аппетитная очаровашка (военно-полевая маршальша) – грубая солдатня со смехом величала ее «курицей Массена» – уже не раз составляла ему компанию в его военных кампаниях начиная с 1806 г. Все понимавший штаб Массена воспринимал ее как должное: последняя утеха стареющего героя-воина, у которого «есть еще порох в пороховницах»! Даже старший сын маршала, Проспер, относился к ней как к чему-то само собой разумеющемуся. Зато один из главных ненавистников Массена, задира маршал Ней, в ту пору служивший вместе с ним, на обеде с очаровательной «кулевриной» повел себя по-хамски: сел к ней спиной и всю трапезу поддевал старшего по положению и возрасту Массена на тему… мужской состоятельности в обслуживании маневренной и скорострельной «легкой кулеврины». В конце концов лебертонша не выдержала и нашла по-женски правильный выход из крайне неприятной ситуации: упала в глубокий обморок. С той поры отношения между маршалами окончательно расстроились. А «курица Массена» еще доставляла массу хлопот штабным офицерам, то падая с лошади, то забывая в оставленном биваке своего любимого попугайчика, то просто устраивая затяжные истерики в «дни женской немоготы». Массена по-стариковски суетился вокруг своей «кулевриночки», орал на адъютантов, приказывал гренадерам нести ее на руках, но шибко не тратился на ее капризы. Несмотря на то что его законная супруга явно перешагнула возраст активной ревности, все его деньги (на черный день!) она держала под строжайшим контролем.

Крупные неудачи в Португалии поставили жирную точку в карьере одноглазого Массена. По правде говоря, ему тогда пришлось рассчитываться за чужие ошибки: Жюно, Сульта, Журдана, Бесьера и… самого Бонапарта. Массена всячески пытался отвертеться от этого рокового назначения. Он-то прекрасно понимал, что выправить там ситуацию невозможно. Безусловно, отдавал в этом себе отчет и его патрон, заваривший кашу на Пиренейском полуострове и отправивший туда одного из самых выдающихся маршалов. Прибыв к месту назначения, Массена очень быстро перешел в наступление, но уже в сражении под Бусако получил такой мастерский отпор от британских войск сэра Артура Уэлсли (будущий герцог Веллингтон), что в дальнейшем воевал больше по инерции, чем по желанию. Камнем преткновения для его солдат стали знаменитые укрепления Торрес-Ведрас в нескольких милях от Лиссабона. Обойти их было невозможно, а атаковать в лоб – положить всю армию.

…

***Кстати** , в течение шести недель упрямый Массена не сходил с места в расчете, что Веллингтон как истинный джентльмен в конце концов покинет свои неприступные позиции на Торрес-Ведрас и сразится с ним в открытом поле. Но британец, как позднее точно и образно выразится о его манере боя сам Наполеон, изобрел новый вид сражения «сидя на жопе» и предпочел остаться в укрытиях. Времена, когда в середине XVIII в. противники, выстроившись друг перед другом в линию, любезно предлагали неприятелю дать первый залп, как это якобы случилось в известной битве при Фонтенуа 10 мая 1745 г., безвозвратно ушли.*

Все попытки старого контрабандиста призвать к себе на помощь других французских военачальников, разбросанных по Пиренейскому полуострову, – Сульта и Жюно, Друэ д'Эрлона и Ренье – окончились крахом. Точно так же и все призывы и приказы Бонапарта к их взаимодействию с Массена уходили в песок неповиновения. Судя по всему, они предпочитали действовать по хорошо известному принципу: «Бог – высоко! Император – далеко! Здесь, я Хозяин!!!» Болезни, дезертирство и голод выкашивали ряды французской армии лучше, чем дальнобойно-прицельные залпы метких британских гвардейцев. Дело дошло до того, что один из португальских шпионов Веллингтона с прискорбием сообщал: «Эти живоглоты съели моего… кота!» Пришлось Массена отступать. Проделал он это виртуозно: англичане узнали о ретираде прославленного французского маршала лишь спустя три дня после ее начала. Командовать арьергардом Андре поручил сколь строптивому, столь и бесстрашному Нею. Последний показал себя в этом самом сложном виде боя с блеском! Пожалуй, никто из наполеоновских маршалов не умел лучше него прикрывать отступление, когда силы и мужество солдат на исходе (особенно это касалось французов, которые в силу ряда эмоциональных причин предпочтение всегда отдавали азартному наступлению) и отход вот-вот может перерасти в… бегство! Ней свой долг перед армией выполнил безукоризненно. При этом он терпеть не мог хитрого

контрабандиста и разругался с ним вдрызг. Ходили слухи, что, получив известие о внезапном нападении на штаб-квартиру Массена и возможном пленении главнокомандующего, Ней воскликнул: «Взят в плен! Взят в плен! Черт возьми! Тем лучше, этому надобно радоваться, вдвойне радоваться, потому что армия спасена!» Вскоре Нея сменили более покладистым, но не столь даровитым Мармоном, и Массена снова перешел в наступление на «истинного джентльмена». Ему почти удалось разбить Веллингтона, и лишь неповиновение маршала Бесьера в последний момент битвы при Фуэнтесд'Оноро лишило его заслуженных лавров победителя. Веллингтон позднее сам признавал: «Это была моя первая столь тяжелая битва! И мне здорово повезло, что я не был разгромлен!»

Именно после такого «полу-успеха» Массена отзывают в Париж, перепоручив войну в Испании старому наполеоновскому однокашнику маршалу Мармону, которого 22 июля 1812 г. наголову разбили англичане в судьбоносном для Испании сражении при Саламанке. С одной стороны, Массена, безусловно, задела эта рокировка, но, с другой, он как никто понимал, что «здесь больше потеряешь, чем приобретешь», и в сопровождении «легкой артиллерии» вернулся во Францию. Очень нескоро Наполеон выкроил минутку для встречи с маршалом. При этом начал он ее весьма нелюбезно, можно даже сказать грубо: «Так вы уже больше не (театральная пауза) Массена?!»

…

Между прочим *, много позже Наполеон критиковал Массена за его действия в Португалии, Испании, при Бусако, Торрес-Ведрас и даже вспоминал ему сдачу Генуи. В последнем случае Бонапарт и вовсе заговорил о… гуманности на войне! В его понимании, «если думаешь о гуманностях, то не надо воевать». Наполеон, конечно, был гениальным полководцем, но следовало ли ему столь безапелляционно «опускать» одного из лучших маршалов, которому он поручил победить в партизанской войне, т. е. решить невыполнимую задачу!*

Массена знал себе цену, и молва гласит, что он «не прогнулся», а достойно ответил на подвох-издевку императора. Но именно после этого его почти 40-летняя военная карьера пошла на спад. Стала прогрессировать и тяжелая болезнь, которая спустя несколько лет свела в могилу героя Риволи и Цюриха, Генуи и Эсслинга. Массена уже не участвовал в кровавых сражениях 1812, 1813 и 1814 гг., а в период «Ста дней» он и вовсе проявил старческую прозорливость – внутренний голос искушенного вояки безошибочно подсказал ему: полет орла уже закончился! – и не ввязался в последнюю авантюру Бонапарта. После окончательного падения Наполеона вернувшиеся во Францию Бурбоны сделали Массена губернатором Парижа и предложили ему стать членом трибунала над маршалом Неем, нарушившим присягу и перешедшим на сторону Бонапарта. Массена удалось очень ловко уклониться от этой сомнительной чести под тем предлогом, что после ссоры с Неем в 1810 г. (вспомним пассаж с «кулевриночкой») он не может быть непредвзятым судьей. Этим дальновидным ходом хитрый контрабандист навсегда обеспечил себе алиби в грязном деле осуждения Нея в отличие от некоторых других сослуживцев «храбрейшего из храбрых»!

Массена понимал, что дни его уже сочтены, и мудро предпочитал вспоминать о минувшей славе. За три дня до кончины он встретился со старшим сыном маршала Ланна и в деталях поведал тому об ужасном ранении и жуткой смерти отца, очевидцем которой был сам. Массена – один из самых ярких представителей фантастической плеяды наполеоновских маршалов – ушел в Бессмертие тихо, после обеда.

На его похороны на кладбище Пер-Лашез пришло невиданно большое количество наполеоновских маршалов: Келлерман, Серюрье, Мортье, Сюше, Лефевр, Удино, Виктор, Журдан, Даву, Монсей – и около 200 генералов! На его могильной плите указаны только имя, дата смерти и четыре прославивших сражения: Риволи, Цюрих, Генуя и Эсслинг.

…

***Кстати** , после маршала остались так называемые мемуары Массена, изданные лишь в 1848–1849 гг. И тут выяснилось, что «любимое дитя победы» был немногословен и избегал шокирующих*

фактов. Читатель найдет в них лишь по-армейски сухие, сугубо профессиональные оценки проведенных им походов, боев и сражений.

P. S. Из всех французских военачальников, чей талант раскрылся еще в годы революционных войн, лишь Гоша, Клебера, Марсо, Моро и Массена принято сравнивать с самим Наполеоном. Не исключено, что по глубине дарования Массена – талант-самородок – вполне мог претендовать на славу великого полководца, если бы судьба не сделала его соратником последнего демона войны. Недаром на известие о присвоении ему маршальских эполет Массена отреагировал горько-саркастически: «Ну да! Один из восемнадцати».

Луи Николя Даву «Я прожил жизнь честно»

В отличие от большинства наполеоновских маршалов, отмеченных весьма скромным социальным происхождением, Луи Николя Даву (10.05.1770, Анну, Бургундия – 1.06.1823, Париж) принадлежал хоть и к мелкопоместному, но знатному бургундскому дворянскому роду из Осера. Есть легенда, что в тех краях веками о новорожденном мальчике из этой воинственной семьи говорили: «Ну вот! Еще одна доблестная „шпага“ вылетела из „ножен“ во славу ратных дел!» Настоящая фамилия маршала была д'Аву, однако в дни революции он соединил дворянскую приставку с родовым именем и так вошел в историю. Наряду с Массена, Ланном и Сюше его считают одним из самых талантливых маршалов Наполеона.

…

***Между прочим** , до сих пор нет единого мнения, насколько древен род д'Аву: то ли с конца XII в., то ли с начала XIII в. или все же не ранее XIV столетия? Так или иначе, но первенец Жана Франсуа д'Аву – Луи Николя Даву родился в фамильном бургундском замке д'Аву под Дижоном. Его отец, как и все предки, служил в армии. Особыми талантами он не обладал, но принимал участие в Семилетней войне, лейтенантом сражаясь против пруссаков Фридриха II Великого, получил ранение в битве при Миндене и был комиссован. Мать будущего маршала, Мари Аделаида из дворянского рода Минаров, отличавшаяся умом и серьезным воспитанием, уделяла много времени своим детям, особо выделяя старшего сына.*

После нелепой гибели отца от шальной пули на охоте (ходили слухи, что охота была лишь прикрытием дуэли) девятилетнего Луи Николя отдали в Военную королевскую школу города Осерра. Для поступления туда требовалось не только умение читать и писать, но и возможность оплатить весь срок обучения, а также не менее четырех поколений благородных предков. Исключительные математические способности Даву (зато иностранные языки ему давались плохо) сделали его одним из лучших выпускников школы и позволили продолжить дальнейшее военное образование. Осенью 1785 г. юный Луи Николя поступил в особо престижную Парижскую военную школу, которую за 26 дней до того окончил… Наполеон Бонапарт. Тогда их встреча так и не состоялась. Луи Николя, один из немногих наполеоновских маршалов, кто получил блестящее военное образование, окончил указанную школу 19 февраля 1788 г. 18-летнего подпоручика отправляют в Королевский Шампанский кавалерийский полк в город Аррас в графстве Артуа. Когда-то в нем служили его отец и дядя, а теперь двоюродный брат. Луи Николя было нелегко, поскольку рассчитывать ему приходится исключительно на свое скудное офицерское жалование: матери с тремя детьми на руках не до старшего сына. Уже в юности Даву заслужил репутацию мрачного, необщительного и несговорчивого упрямца. В офицерской столовой его речи никогда не заканчивались смехом. На ухаживание за женщинами, как и на карточные игры, он не считал нужным затрачивать ни времени, ни денег. Показную сторону военной жизни презирал, очень многое держал про себя, не заводил друзей и не лебезил перед начальством. Поэтому продвижение по службе шло медленно. Именно в ту пору Луи Николя познакомился в полку с еще одним будущим маршалом, а тогда сержантом – круглолицым, розовощеким и полненьким Клодом Перреном. В армии этого бывшего барабанщика Гренобльского полка по-свойски прозвали Красным Солнышком. А в историю он вошел как маршал Виктор.

…

***Кстати** , Виктор был полной противоположностью Даву во всем, кроме умения принимать радикальные решения. Этот агрессивный болтун знал себе цену и еще до революции сумел пройти путь от мальчишки-барабанщика до главы*

сержантского корпуса Королевского Шампанского полка. Пройдет почти четверть века, и овеянный славой Даву сможет гордо бросить своим хулителям: «Я прожил жизнь честно!», а Клод Перрен, взявший себе более благозвучное имя Виктор (Победитель) и поймавший свою «синицу» в годы революционного и постреволюционного лихолетья, начнет беспрестанную охоту за «братьями по оружию» из наполеоновского маршалата!

Неизвестный художник. *Маршал Даву*. Литография. Около 1840 г.

Но вот начинается революция, и Даву, к тому времени уже лейтенант (ставший под влиянием своего отчима Луи Тюрро де Линьера республиканцем, поклонником Монтеня и Руссо), покидает королевскую армию! Поводом послужила отправка на гауптвахту за революционные высказывания. Несогласный с таким решением Даву бросил полк (следовательно, изменил присяге, а это во все времена грозило трибуналом) и вступил в революционную армию. В ее рядах профессиональный военный

Даву быстро сделал карьеру: уже через три дня после зачисления он… подполковник! В начале 1790-х гг. Даву служил у знаменитого победителя пруссаков под Вальми, генерала Дюмурье, хорошо известного умением подстраиваться под политические обстоятельства. С этим циничным и беспринципным человеком у подполковника не сложились отношения. После тяжелого поражения под Неервинденом 18 марта 1793 г., нанесенного французам австрийцами, Дюмурье начал тайные переговоры с врагами. Спустя некоторое время Даву стало известно о предательстве Дюмурье. К этому времени Конвент уже объявил главнокомандующего предателем и сместил с должности. Случайно столкнувшись с ним на проселочной дороге, Даву приказал своим солдатам открыть огонь. Град пуль защитников республики сразу же сразил коня Дюмурье, а самого генерала спасла помощь адъютанта герцога Шартрского (будущего короля Франции Луи Филиппа), посадившего его на свою лошадь. Зато Даву за проявленную решительность в борьбе с врагами революции получил чин полковника и стал командовать тремя батальонами, т. е. полубригадой.

…

***Между прочим** , еще в 1791 г. Даву влюбляется и женится на прехорошенькой бургундской дворяночке Мари Николь Аделаиде де Сегено (1768–1795). Вскоре молодоженов разлучают начавшиеся революционные войны: на республиканскую Францию наседают монархические Пруссия и Австрия. Даву уходит на войну, а когда возвращается, то узнает, что у него «выросли очень большие рога». Не простив измен, суровый Даву разводится с безнравственной «гражданкой Даву». Спустя полтора года бывшая супруга скончалась от неизвестной болезни…*

Распорядительность и отвага Даву в арьергардных боях сначала с австрийцами, а потом и с Вандейскими роялистами-мятежниками не остались не замеченными. В результате в июле

1793 г. он уже бригадный генерал, а спустя несколько недель (или даже пять дней?)… дивизионный генерал! Впрочем, все это время Даву служит под началом посредственных генералов Дампьерра или Ла Барольера, на чьем унылом фоне выглядит отменным профессионалом. Сам 23-летний Даву считает себя недостойным чина дивизионного генерала и совершает весьма рискованный поступок: отправляется в Париж и подает прошение об отказе от столь высокого чина, а затем и вовсе просит об отставке! Ему явно претит, что всем в армии заправляют фанатичные революционные комиссары-якобинцы, чья неограниченная власть позволяет им не только контролировать боевые операции, но казнить и миловать по своей прихоти. После того как он поучаствовал в гражданской войне в Вандее и нагляделся на ее ужасы, Даву принял решение бросить службу в армии. Больше года он не у дел, живя в доме матери. Луи Николя очень много читал, особенно книг по военной истории, стратегии и тактике, и вскоре у него обнаружилась прогрессирующая близорукость. Полноватый, лысеющий, не способный различать предметы на расстоянии 100 м, Даву в 24 года стал единственным в армии, кто носил очки! Для кадрового военного той поры это была серьезная проблема!

Как говорят в таких случаях, пришла беда – отворяй ворота. Генерал республики Даву, ушедший в отставку по собственному желанию, когда Отечество в Опасности, не мог не казаться властям человеком подозрительным! За ним и его близкими установлена слежка. Первой арестовывают его мать-дворянку, обвиняя в тайной переписке с эмигрировавшим семейством Ларошфуко. Она действительно переписывалась с ними, поскольку обе семьи издавна дружили, и Ларошфуко перед бегством доверили ей на хранение кое-какие фамильные ценности. Даву, сопровождавший мать в заключение, разузнал о причине ее ареста и сумел ночью тайком выбраться из-под конвоя, добежать до дома, перелезть через садовую ограду, отыскать и сжечь компрометирующие письма и столь же благополучно вернуться назад еще до рассвета. Тогда он спас свою матушку: обвинителям не удалось предоставить суду конкретных улик, и пожилую женщину отпустили. Правда, до поры до времени. Вскоре ее снова арестовывают, а затем очередь доходит и до строптивого генерала-аристократа! Три месяца Даву находится между жизнью и смертью! Лишь падение якобинского режима Робеспьера 9 термидора 1794 г. спасло Даву от гильотины.

Помощь приходит от его бывшего отчима, в ту пору члена Конвента де Линьера. С матерью Даву он уже давно расстался, но

принял деятельное участие в судьбе пасынка, который был младше его всего на девять лет. Отчим замолвил словечко всесильному Лазарю Карно, а заодно пошептался и со своим знакомым в военном министерстве генералом Луи Антуаном Пилем, и Даву снова в армии. Здесь он чувствует себя лучше всего – здесь его дом родной.

...

***Кстати** , в армии напускно-безразличного и высокомерного Даву не очень-то любили. По-отечески относясь к простым солдатам, он конфликтовал почти со всеми равными себе по положению офицерами. Широко известны его «контры» с Бертье: несравненный штабист, безусловный храбрец Бертье на самом деле мало что умел на поле боя. А Даву, блистательный стратег и тактик, никогда не церемонился и предпочитал все называть своими именами. Бертье страшно обижался. С Бернадотом у него вообще была смертельная вражда еще со времен Ауэрштедта. О горячем гасконце «железный маршал» был крайне низкого мнения, называя в лицо негодяем. После неприбытия Бернадота на окровавленное поле Эйлау он и вовсе обдавал гасконца ледяным презрением. Еще одного гасконца, «короля храбрецов» Иоахима Мюрата, методичный бургундец, подобно Ланну, саркастически называл «цирковой собачкой, умеющей разве что плясать, стоя на задних лапках!». Впрочем, неуемная бравада и беспричинное фанфаронство короля неаполитанского доставали многих маршалов Наполеона. В походе на*

Москву уставшие от неопределенности командиры нервничали, грызлись между собой. Шедшие в авангарде Мюрат и Даву сразу стали выяснять, кто из них «круче»! Началось с того, что Мюрат со своей кавалерией, как всегда, вырвался вперед, чуть не попал в окружение и попросил подкрепления у Даву. Но у того был зуб на зятя Наполеона (Мюрат был женат на младшей сестре императора), и подкрепления он не послал. Мюрат пожаловался Наполеону. На «разборе полетов» у императора Даву на истерические выкрики Мюрата лишь молча крутил пальцем у виска и продолжал отказываться поддерживать силами своего корпуса его кавалерию. Дело дошло до того, что под Вязьмой «пехотный маршал» чуть не сошелся в рукопашной с «кавалерийским маршалом»: лишь своевременное вмешательство Бесьера и Бертье не позволило довести дело до дуэли! «Разборки» продолжились уже под Малоярославцем, когда спешно решалось, куда отступать. Мюрат стоял за калужское направление, а Даву – за Смоленскую дорогу. Снова вспыхнула ссора, на этот раз уже в присутствии Бонапарта, и опять лишь Бертье с Бесьером смогли не допустить кровопролития. Наполеон прислушался к голосу «железного маршала», и корифей бравады оказался в дураках…

В 1794–1795 гг. Даву служит на севере Франции в Мозельской и Рейнской армиях под началом ее лучших генералов той поры – Моро и Марсо. С Марсо он знаком со времен подавления Вандейского восстания, и теперь они становятся настоящими братьями по оружию, причем настолько близкими,

что Даву представляет Марсо своей сестре Жюли. Между молодыми людьми вспыхивает бурный роман, дело идет к свадьбе, и лишь нелепая смерть Марсо осенью 1796 г. мешает породниться двум славным генералам. Тогда же Даву сходится еще с одним будущим наполеоновским маршалом – удалым бригадным генералом Удино, прославившимся тем, что из-за своей безумной отваги он почти во всех стычках получал ранения.

…

***Между прочим** , поздней осенью 1795 г. под Маннхаймом Даву в первый и в последний раз попадает в плен. Кавалерийский бригадный генерал Даву оказывается в руках 70-летнего гусарского генерала австрийца Вурмзера. Он дружил в годы службы во французской королевской армии с… дядей нашего героя майором Жаком Эдме д'Аву! В знак старинной дружбы австриец отпускает племянника аристократа д'Аву во Францию под честное офицерское слово, что тот никогда больше не будет воевать против Австрии! Лишь через год после обмена пленными Луи Николя берет свое слово назад и снова сражается с австрийцами. (Точно так же был в мае 1797 г. освобожден из плена и бригадный генерал Ней.) Все время вынужденного «простоя» Даву усиленно штудирует литературу по военной стратегии и тактике. Вскоре неустанное самообразование даст плоды: именно Даву оказался способен к успешному самостоятельному руководству крупными боевыми соединениями…*

Кавбригада Даву снова на слуху: ей сопутствует удача, она всегда на острие атаки. Именно тогда генерал знакомится с другим знаменитым полководцем революционной эпохи – Луи

Шарлем Антуаном Дезе. Эти два аристократа быстро нашли общий язык, поскольку во многом были похожи, в том числе и по степени военного дарования. И как знать, если бы не ранняя смерть Дезе, со временем он мог бы стать одним из самых выдающихся маршалов Франции наряду с Массена, Ланном, Сюше и своим другом Даву.

Даву не был знаком с Наполеоном и не принимал участия в его Итальянском походе, но Египетская экспедиция Бонапарта заинтересовала многих генералов, не мог остаться в стороне от столь широкомасштабной военной операции и наш герой. С помощью генерала Дезе он знакомится с Бонапартом, отбиравшим людей в свою армию чуть ли не собственноручно, вплоть до солдат! Первое впечатление Бонапарта было не в пользу Даву. Наполеону не понравились внешняя неопрятность и грубость Даву в обращении с людьми. К тому же он ничем особым в предыдущих войнах не отметился. Но рекомендация такого боевого генерала, как Дезе, делает свое дело, и молодой генерал отправляется в жаркие пески Египта. Он возглавляет кавалерийскую бригаду в корпусе Дезе, сражается в знаменитой Битве у пирамид. Вскоре после того, как армия Бонапарта вступила в Каир, Даву заболел дизентерией и какое-то время оставался в городе. По выздоровлении, выполняя приказ командующего, он успешно осуществил реорганизацию армейской кавалерии. И все же он по-прежнему на вторых ролях: у Бонапарта под рукой целое созвездие, казалось бы, более талантливых командиров, и он придерживает аристократа д'Аву. Будущий маршал еще не в «когорте» самого Бонапарта, а всего лишь «человек Дезе»! При этом Даву поддерживает отношения не с теми, кто близок к главнокомандующему, а с теми, кто… отменный профессионал!

Как результат, в знаменитом Сирийском походе 1799 г., закончившемся под крепостью Сен-Жан д'Акр, Луи Николя не участвовал. Но только особо отличившись 25 июля 1799 г. в сухопутной битве при Абукире, когда под конец Египетской кампании шеститысячная армия Наполеона разгромила 15-тысячную турецкую армию Мустафы-паши, а небольшой резервный отряд Даву внес вклад в победу французов, Луи Николя наконец попал в поле зрения Наполеона. Он стал дивизионным генералом… во второй раз и теперь не отказался от повышения. Именно тогда Бонапарт поверил в талант угрюмого, но бесстрашного генерала. Началось восхождение Даву на Олимп полководческой славы.

Итак, хотя Египетская экспедиция закончилась провалом для Франции, она открыла новые славные имена, составившие

позднее ее славу, в частности Луи Николя Даву!

...

Кстати *, как известно, когда Бонапарт бежал из Египта, в узкий круг лиц, которых он взял с собой во Францию, не были включены ни Дезе, ни Даву! Придет время, и Луи Николя, человек, несомненно, самолюбивый и, как все люди подобного характера, обидчивый, даст понять тогда уже всесильному консулу Бонапарту, что тот был не прав, оставив его на произвол судьбы в египетской мышеловке. Даву все же вернется во Францию, но его не будет на поле боя в судьбоносном для Бонапарта сражении при Маренго, где консул окажется на волоске от катастрофы, и лишь своевременная помощь генерала Дезе позволит ему победить…*

После отъезда Бонапарта из Египта Даву вместе с Дезе спустя некоторое время тоже бежит в Европу. Но по дороге во Францию они попадают в плен к англичанам и пару месяцев проводят в заключении. Только через какое-то время, изрядно намыкавшись (на этот раз они угодили в лапы к тунисским пиратам), два «беглых» генерала оказываются во Франции. Здесь их пути-дороги расходятся навсегда: Дезе ждет немеркнущая слава Главного Героя исторической битвы при Маренго, окончательно перевернувшей судьбы монархической старушки Европы, а Даву до поры до времени уходит в тень, чтобы потом проявить свое военное дарование в полном блеске.

Наполеон вспоминает о своем «египетском» генерале и делает ему лестное приглашение. Однако Луи Николя не торопится откликнуться. Вместо того чтобы поспешить в столицу, он едет к матери в Равьер. В Париже он появляется лишь в начале июля 1800 г. Даву был обижен на Бонапарта. Желание верой и правдой служить человеку, который бросил его как ненужную вещь, у Даву заметно поубавилось. В плену у англичан в Ливорно у Луи Николя было достаточно времени, чтобы хорошенько

поразмыслить. Возможно, именно тогда Даву окончательно нарисовал для себя «портрет» Бонапарта и выработал единственно верную манеру поведения: знать себе цену. Первый консул упорствует в желании иметь при себе Даву. Он проявляет по отношению к нему подчеркнутую предупредительность. По его распоряжению в июле 1800 г. Луи Николя назначен командующим кавалерией Итальянской армии. В этом качестве Даву доводится принять участие в боевых действиях в Италии в самом конце кампании 1800 г. и отличиться в битве при Поццоло.

Со временем все для Даву начинает складываться как нельзя лучше. При физической близорукости он оказывается весьма дальновиден в политических вопросах: получая назначения на военно-административные должности, Даву начинает подражать… Бонапарту: он так же строг, даже по-армейски жёсток, а порой и жесток. Так складывается образ справедливого и сурового командира. Вполне понятно, что Наполеон увидел (ему докладывали: «Этот аристократишка д'Аву лютует и свирепствует»), что пунктуальный Даву методично наводит жесткие армейские порядки среди привыкших к вольности революционных генералов, офицеров и солдат. Каленым железом выжигает он мародерство – явление отнюдь не редкое во французской армии. В ту пору Наполеон так обустраивал на новый лад французскую армию, чтобы спустя короткое время она под его началом стремительным огненным смерчем прошлась по всей Европе. То, как четко и ясно выстраивал профессиональные отношения лысый, угрюмо-серьезный выпускник Парижской военной школы, Бонапарта полностью устроило. Пораскинув мозгами, он счел нужным приблизить к себе нелюбимого ранее аристократа. Луи Николя не только мог быть проводником идей Наполеона, но и явно годился на самостоятельные роли, а на это были способны отнюдь не все в «когорте» Бонапарта! Последний это оценил и всегда будет поручать сколь близорукому, столь и неопрятному аристократу такие задания, которые не доверит никому другому среди своей «когорты»!

Й. М. Ругендас. *Конец Аустерлицкого сражения.* Эстамп. Начало XIX в.

Благо Франция в ту пору не воюет, у французских военных всех рангов появилось время для обустройства семейного очага, если они еще им не обзавелись. И вот 28 ноября 1801 г. Луи Николя Даву вторично женится. Его супругой становится 18-летняя Луиза Эмме Жюли Леклерк (1782–1868) – сестра известного наполеоновского сподвижника генерала Леклерка, женатого на Полине Бонапарт, и к тому же подруга приемной дочери Наполеона Гортензии де Богарнэ и его сестры Каролины. Женитьба на этой привлекательной выпускнице парижского пансиона благородных девиц г-жи Кампан (бывшей камеристки королевы Марии Антуанеты) произошла при весьма любопытных обстоятельствах. Ее брату Леклерку надлежало отправляться для подавления восстания Туссена-Лувертюра на остров Сан-Доминго. Однако он отказался, заявив, что, прежде чем уехать, ему следует устроить судьбу младших сестер. Одну из них, Франсуазу Шарлотту, он уже успел выдать за прославившегося в Египте дивизионного генерала Фриана (будущего подчиненного Даву). Оставалось пристроить Эмме (*фр* . «любимая»), которая готова была выйти только за… лучшего из лучших! При этом кандидатура недавно разведенного красавца и храбреца Жана

Ланна утонченной девице не подошла. Несмотря на громкую фамилию и родство с самим Бонапартом, она не считалась завидной невестой, поскольку была бесприданницей! Кроме того, дочь зерноторговца из Понтуаза не считали дворянкой. Если верить некоторым источникам, генерал Леклерк заикнулся перед свояком о проблемах своей сестры и услышал по-армейски жесткий ответ-команду: «Уже завтра ваша сестра будет выгодно выдана замуж! Посаженным отцом буду я! Я же позабочусь о достойном приданом! Можете отправляться в плавание! Кругом! Шагом марш!» Генерал Леклерк вышел, не произнеся ни слова: по выражению лица и безапелляционному тону патрона он понял, что возражать – себе вредить! В тот же день на прием к Бонапарту приходит Даву и сообщает, что собирается жениться на г-же… Он не успел произнести фамилию, как услышал резкое, словно команда на плацу: «На девице Леклерк! Правильный выбор, генерал!!!» Ошарашенный Луи Николя сначала не понял, что произошло, и начал мямлить о своих давних чувствах к г-же N, которая наконец-то освободилась от брачных уз, и ничто теперь не может помешать их союзу. Но Бонапарт был неумолим: « *Ничто* , кроме моей воли, генерал! Немедленно отправляйтесь к мадам Кампан! Там вас уже ждут! Вы будете представлены своей невесте ее братом! Генералом Леклерком! Посаженным отцом на вашей свадьбе буду я! Приданое – за мной! Проблем с церемонией бракосочетания не будет! Я распоряжусь! Кругом! Шагом марш!» Голос Бонапарта был столь повелителен, что Даву не успел ничего возразить, как в комнату вошел генерал Леклерк, и оба генерала, весьма удивленные скоростью и суровостью решения вопроса, уже вместе смиренно покатили по указанному адресу – в пансион мадам Кампан. Даву невеста не понравилась, но утонченной выпускнице г-жи де Кампан лысый, сутулый, полнеющий и очень близорукий жених-неряха, зато потомственный дворянин, якобы, напротив, пришелся по душе. Так или иначе, но свой роман с г-жой N «гражданин генерал» был вынужден оборвать и через несколько дней после знакомства с сестрой Леклерка, 9 ноября 1801 г., породниться с ним. По крайней мере, так гласит одна из наиболее распространенных версий скоропалительной женитьбы «железного маршала».

…

Между прочим *, истории так и осталось неизвестно, был ли второй брак маршала Даву счастливым. У*

него было восемь детей: Поль (1802), Жозефина (1804), еще одна Жозефина (1806), Адель (1807), Наполеон (1809), Луи (1811), Жюль (1812), Аделаида Луиза (1815). Из них отца пережили лишь трое: Адель, Луи и Аделаида Луиза. Шедевральное произведение «пансиона благородных невест» м-м Кампан Луиза Эмме Жюли, безусловно, слыла дамой благовоспитанной и даже красивой, но красота ее была скорее изысканно-холодной, чем сексуально привлекательной. Г-жа маршальша, несомненно, умела себя вести в высшем обществе, в отличие от своего родовитого мужа. Она привлекала к себе людей, красиво улыбаясь и тактично заводя разговоры на нейтральные темы. Почти все знавшие Эме отзывались о ней с искренним уважением. Помимо воспитания детей она всячески поддерживала реноме мужа. Так, даже Наполеону Эме на его вопрос о возможности стать королевой Польши совершенно однозначно ответила: «Я ничего не желаю из того, чего бы не пожелал маршал, а он слишком француз, чтобы быть королем другой страны». И все же супруги оказались очень разными людьми, чтобы страстно любить друг друга. Был ли повинен в этом Даву – вот в чем вопрос! Бонапарт умел ломать личную жизнь своих военачальников: Даву, как и Бертье с Жюно, он женил насильно, в приказном порядке, чуть ли не в «в 24 часа»! Женил, когда у того был роман с другой, очевидно, более ему импонировавшей особой. В то же время рассказывали, что, уже будучи женатым, Луи Николя все же завел

себе пассию для души и… тела. Случилось это в ходе прусско-польской кампании 1806–1807 гг. В качестве столь любимой французским офицерством «легкой артиллерии» маршала Даву выступала прехорошенькая жена какого-то армейского интенданта, очень похожая внешне на супругу маршала, что позволяло ей как бы на законном основании посещать штаб корпуса Луи Николя в Варшаве! Впрочем, Наполеон быстро вернул ветреного Даву в лоно семьи, разрешив Эме выехать к мужу в Варшаву и поставить сметливую интендантшу на место. Между прочим, навязывая своим военачальникам угодных ему жен, Наполеон вынужден был смотреть на их любовниц сквозь пальцы. Главное, он знал, как правильно использовать сильные стороны подчиненных. Тем более что преобладающей страстью Даву – этого профессионала высшей пробы – все же была… госпожа Война!

Так Даву становится родственником Наполеона, и его карьера начинает удачно складываться. Через несколько дней после женитьбы он уже командует пешими гренадерами консульской гвардии. Затем почти два года неустанно следит за подготовкой французской армии к высадке в Британии. При этом Даву проявляет поистине безграничную энергию и добросовестность, усердно муштруя своих солдат. Все, что связано с предстоящим вторжением, подлежит его личной скрупулезной проверке – от способов наилучшей погрузки на баржи до состояния обуви солдат! «Фанатик порядка», как назвал Даву маршал Мармон, поддерживал строжайшую дисциплину в войсках. Очень скоро двухлетняя муштровка сделает 3-й корпус Даву лучшим в армии: именно он меньше всего будет страдать от дезертирства. Даву следит за конспирацией: все пойманные шпионы тут же заканчивают жизнь в петле. Служебное рвение дивизионного генерала Даву выше всяческих похвал, и он в числе первых 18

генералов становится маршалом Франции. Можно сказать, что Наполеон дал ему чин авансом – боевые заслуги Даву в тот момент явно не тянули на маршальский жезл. Надо признать, что тут Бонапарт не ошибся.

...

Кстати *, существует немало предположений, почему Даву, не имевший в ту пору ярких заслуг, все же попал в «первую обойму» лиц, удостоившихся столь высокого звания. Не исключается, что дело не только в его родстве с Наполеоном, но и в… умении держать под контролем перлюстрацию писем своих собратьев по оружию, многие из которых отличались… безудержной болтливостью! Недаром Мармон называл Даву осведомителем Бонапарта. Даву совершал и иные весьма неприятные поступки. Например, он взорвал Дрезденский мост (один из самых красивых в Европе), когда оборонял его в марте 1813 г. А в конце того же года изгнал из Гамбурга тысячи семей бедняков. Тогда, если верить тенденциозным запискам наполеоновского секретаря Бурьенна, оказавшись в осаде, Даву приказал уйти из города всем бесполезным едокам – а их набралось около 50 тыс., дав на сборы 48 часов. За промедление полагалось 50 палочных ударов. Исходя из сугубо французской галантности, женщинам палки заменили на 50 розог по… «нижнему бюсту»! Всем пытавшимся вернуться грозил расстрел. Критику в свой адрес Даву парировал отговоркой-поговоркой: «Àla guerre, comme àla guerre (фр. «на войне как на войне»).*

Так или иначе, но по совокупности качеств Луи Николя д'Аву стал-таки маршалом в числе первых! Пройдет немного времени, и он докажет, что не только достоин этого, но мало кто из других маршалов может с ним соперничать.

С 1804 г. Даву – непременный спутник (а порой и советник) Наполеона во всех кампаниях. Он особо отличился в четырех важнейших битвах. При Аустерлице (с тех пор с ним стали считаться его недруги как среди «своих», так и среди «чужих». Именно к нему обратился Михаил Илларионович Кутузов с просьбой прекратить преследование разбитых русских войск, дав «слово офицера», что в течение 24 часов будет непременно заключено перемирие). При Ауэрштедте (эту кровавую битву он выиграл сам, без помощи других военачальников, у вдвое численно превосходивших пруссаков. Такое не удавалось более никому из наполеоновских маршалов, и Даву заслужил лютую ненависть со стороны своих «собратьев по оружию». Именно тогда его прозвали «железным маршалом»). При Экмюле (он сдерживал сильно превосходившие силы австрийцев столько времени, сколько потребовалось Бонапарту для создания общего численного перевеса. Порой ему приходилось лично разворачивать орудия в сторону наседавшего неприятеля). И при Ваграме (где, несмотря на яростное сопротивление австрийцев, он совершил излюбленный маневр Наполеона: обошел врага с фланга и создал угрозу его тылу, вынудившую эрцгерцога Карла начать отход).

…

***Кстати** , при Аустерлице именно 3-му корпусу Даву выпала самая непростая и ответственная задача. Целью Бонапарта было заставить союзников атаковать его намеренно ослабленный правый фланг, что привело бы к вынужденному оголению их собственного центра. Маршал должен был выдержать главный удар противника и одновременно сделать*

так, чтобы тот не отказался от осуществления своего самоубийственного плана. После упорного двухчасового боя русским войскам, действовавшим против французского правого фланга, удалось потеснить солдат 3-го корпуса. Даву вынужден был несколько отойти, но зато приковал к себе больше трети союзной армии (свыше 35 тыс. солдат, но никак не 42 тыс. человек, как это порой утверждается в отечественной литературе) русского генерала Буксгевдена, что в огромной степени способствовало выполнению задуманного Наполеоном маневра. Особенно яростно французские и русские войска сражались за населенный пункт Сокольниц, находившийся примерно в центре расположения корпуса Даву. К 11 часам утра колонна русских войск под командованием генерала Ланжерона захватила Сокольниц. Как только это случилось, Наполеон стремительным броском вперед разрезал поредевший центр русских и австрийцев. Остановить его оказалось невозможно. Правый фланг Даву выдержал удар трети союзных войск, и при этом враг не отказался от атаки. Даву справился и обрел репутацию отменного военачальника.

После разгрома союзников под Аустерлицем 3-му корпусу Даву было поручено преследовать отступавшие русско-австрийские войска. Луи Николя столь решительно взялся за это дело, так энергично и настойчиво преследовал разбитую вражескую армию, что ее окончательная гибель казалась неминуемой. Дабы избежать полной катастрофы, австрийский император предложил Наполеону заключить перемирие. Император французов согласился.

Звездный час Даву пробил под Ауэрштедтом. Выполняя приказ императора, войска 3-го корпуса, совершив предписанный им фланговый марш, 13 октября 1806 г. вступили в Наумбург. Выйдя к городу, маршал отрезал пруссакам пути отхода на Берлин.

Ранним утром 14 октября авангард Даву переправился через реку Заале близ Кёзена. Заняв дефиле за Кёзенским мостом, Даву двинул свои части к деревне Хассенгаузен. Еще накануне вечером, лично проведя рекогносцировку, Даву понял стратегическую важность этого населенного пункта. Французы заняли Хассенгаузен и находившиеся рядом высоты. Вскоре из густого утреннего тумана выросли 25 эскадронов под командованием Блюхера – авангард главной прусской армии, возглавляемой герцогом Брауншвейгским, вместе с которым ехал и сам прусский король Фридрих Вильгельм III. Вслед за кавалерией Блюхера шли прусская пехота и артиллерия. С 27 тыс. человек и 44 пушками Даву лицом к лицу встретился с армией, состоявшей из 54 тыс. солдат и имевшей 240 орудий (по другим данным, от 60 до 70 тыс.).

Несмотря на то что противник располагал более чем двойным превосходством, Даву смело ввязался в бой. Просто-напросто ему не оставалось ничего другого, как построить войска в каре и отбивать атаки неприятеля.

Шедшая первой пехотная дивизия Гюдена, умело прикрывшись густым туманом, стремительно развернулась в боевые порядки. Луи Фриан уже был на подходе, а Морану надлежало поторопиться, чтобы занять свой фланг.

Атакованный 12 эскадронами (2500 лихих сабель!) знаменитых со времен Зейдлица черных гусар Блюхера, Даву оказался в таком тяжелом положении, что всякий менее стойкий военачальник наверняка потерпел бы поражение. Но, во-первых, горячий Блюхер ринулся на пехоту Гюдена без поддержки своей пехоты и артиллерии, а во-вторых, самостоятельный Даву прекрасно знал, что ему делать. У него был самый подготовленный, обученный и экипированный корпус во всей наполеоновской армии во главе с первоклассными пехотными генералами Фрианом, Мораном и Гюденом. Пока прусские дивизии Шметтау и Вартеслебена, ожидая выхода на поле боя дивизии принца Оранского, медлили с атакой Гюдена, Даву успел полностью развернуть пехоту Фриана и не дать врагу, пользуясь численным превосходством, обойти себя с флангов. По скольку Моран все еще был на подходе, то маршал не имел резервов, и ему следовало держаться и еще раз держаться!

Пруссаки упрямо ломились в лобовые атаки на пехоту

Гюдена и Фриана. Смертельно раненный герцог Брауншвейгский (во время атаки ему прострелило оба глаза) пал в бою. Его заместитель генерал Шметтау тоже был выведен из строя. Старый фельдмаршал фон Меллендорф сначала был ранен, а затем взят в плен. Трусоватый Фридрих Вильгельм III не только сам не встал во главе войск, но и не назначил им замены. Король весьма опрометчиво попытался остановить отступление прусских частей, но его сбили с коня и чуть не затоптали свои же кавалеристы.

…

> ***Кстати** , отсутствие единоначалия у пруссаков после выхода из строя всех фридриховских «орлов» привело к тому, что боем руководили штабные офицеры, причем каждый согласно своим представлениям о происходящем. Как результат, разнобой в приказах привел к тому, что многие прусские части так и остались вне поля сражения – 2/5 сил пруссаков вообще не приняли участия в мясорубке под Ауэрштедтом…*

В 11 часов противники одновременно получили подкрепление: подошли дивизии Морана и принца Оранского. Но если пехота Морана была полностью брошена на усиление левого фланга французов, то запоздалый подход свежей дивизии принца Оранского, введенной в бой по частям и в разных местах, а не концентрированно на самом слабом, левом, фланге обороны Даву, не смог принести перелома в сражении. У пруссаков вообще была слабо развита поддержка одного рода войск другим: пехоты кавалерией, кавалерии пехотой, не говоря уж об артиллерийском огне. В этом они сильно уступали французам. К тому же король так и не кинул в бой свой последний резерв – 14 батальонов гренадерской пехоты, 5 эскадронов черных гусар и 3 батареи: он считал, что перед ним главные силы врага во главе с самим Наполеоном.

После полудня Даву перешел из обороны в общее контрнаступление всеми своими тремя дивизиями, построив их в виде полумесяца рогами вперед. Основная масса прусской армии оказалась внутри вогнутой части французского построения, и

началась кровавая бойня. Хотя немногочисленная артиллерия Даву громила врага с убийственного расстояния пистолетного выстрела, пробивая в его пехотных рядах целые просеки, прекрасно вымуштрованные прусские гренадеры раз за разом стойко смыкали свои ряды. Массированные атаки прусской кавалерии неистового Блюхера (под ним уже убило двух лошадей), лишенные огневой поддержки многочисленной, но разрозненно действовавшей артиллерии, разбивались о пехотные каре Морана, Фриана и Гюдена.

Когда Гюден бросил остатки своей дивизии в последнюю отчаянную лобовую атаку, а шедшие на флангах Моран с Фрианом одновременно начали обход врага каждый со своей стороны, грозя выдвинуться в тыл, король Фридрих Вильгельм наконец понял, что именно ему придется принять решение об отходе. Он отдал приказ отступать, надеясь на успешное соединение с силами Гогенлоэ и Рюхеля, чьи войска он считал нетронутыми. *(На самом деле в тот же день их уже разгромил Бонапарт под Йеной!)* Но организованного отступления, несмотря на старания храбреца Блюхера, отчаянно проклинавшего своего малодушного короля, не получилось, и пруссаки побежали. В панике бросилась спасаться даже свита монарха, кинув его на произвол судьбы.

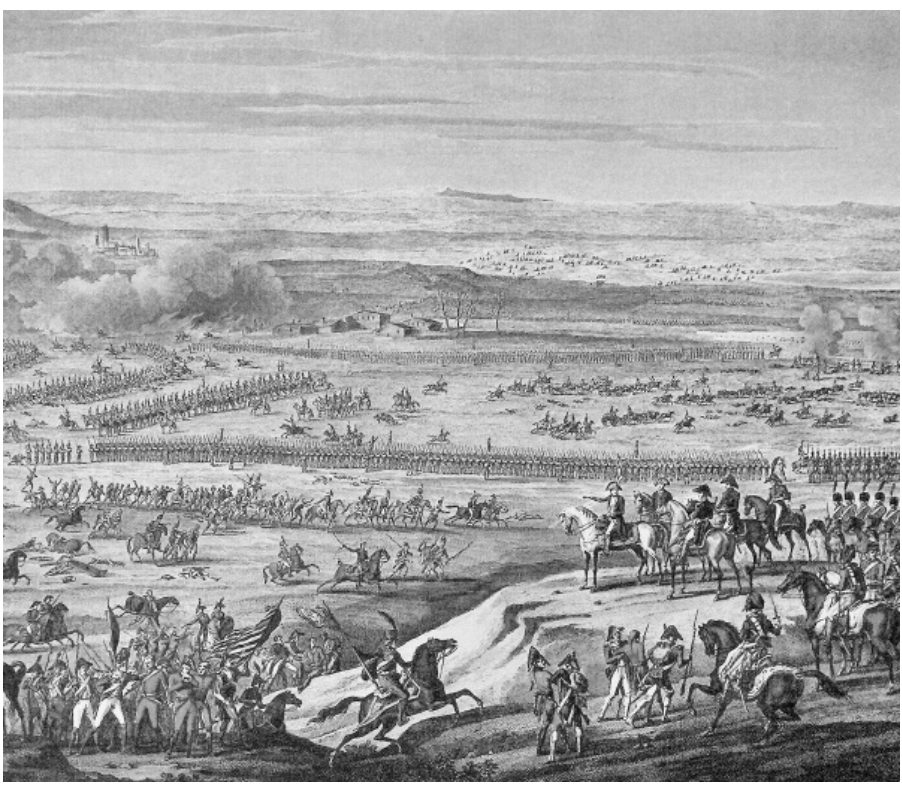
Ауэрштедт – один из редких случаев, когда численно более слабый противник нанес поражение более сильному (по меньшей мере, вдвое) неприятелю. Даву смог удержать своих людей на поле боя, лишь появляясь повсюду лично. И в течение целого дня, пока Наполеон и остальные маршалы громили пруссаков под Йеной, Даву галопом носился от каре к каре, призывая солдат стойко держаться, пока не придет подмога. Его мундир был черен от порохового дыма, треуголка сбита с головы вражескими пулями. Он потерял 7 тыс. убитыми и ранеными (только офицеров полегло 258 человек), но победил. Подтвердили свою репутацию блестящих дивизионных командиров Моран, Фриан и Гюден (последний, правда, потерял 40 % солдат и офицеров). Все трое получили во французской армии престижное прозвище Бессмертные.

...

***Между прочим** , когда после победного сражения под Йеной Наполеон вернулся к себе в ставку, в трактир, то был удивлен докладом*

штабного офицера маршала Даву. В донесении утверждалось, что последний разбил в сражении при Ауэрштедте главную прусскую армию. «У нашего маршала, очевидно, двоится в глазах!» – оборвал посланца усталый император. Однако вскоре он понял, что на самом деле именно ему выпало сражаться со вспомогательными силами пруссаков…

Сам Наполеон так писал Даву, поздравляя его с выдающейся победой: «Мой кузен! Битва при Ауэрштедте – один из самых прекрасных дней в истории Франции! Я обязан этим днем храбрым солдатам 3-го корпуса и их командиру! Я очень рад, что это вы!» Высоко оценив победу Даву, Наполеон прозвал его корпус «мой десятый легион» (взяв за пример знаменитый 10-й легион Цезаря). По другой версии, сам Даву браво отрапортовал императору: «Государь, мы – ваш десятый легион. Всегда и везде мы будем для вас тем, чем для Цезаря был 10-й легион».



А. Ш. Г. Верне. *Наполеон на поле Аустерлица.* Литография. Начало XIX в.

Так и не получив поддержки от явно не торопившегося к месту боя 1-го корпуса маршала Бернадота, Даву не только устоял против огромных сил противника, но и разгромил их наголову: пруссаки потеряли 10 тыс. убитыми и ранеными, 3 тыс. пленными и 115 пушек. Остатки разбитой армии неприятеля были отброшены на дорогу на Веймар, по которой уже бежали разгромленные под Йеной полки Гогенлоэ. Сам Даву и его до предела уставшие солдаты были не в силах продолжать преследование. Когда части Великой армии триумфально вступили в Берлин, их шествие возглавляли победители при Ауэрштедте.

...

***Кстати** , если большинство из 26 наполеоновских маршалов предпочитали разбираться с противником на месте, блестяще владея тактикой боя, то Даву – лучший среди них стратег – мог сутками методично разрабатывать планы предстоящей кампании. За высочайший профессионализм и строгость, настойчивость и нешуточное чувство долга, стойкость и непоколебимость он по праву получил прозвище «железного маршала».*

После победы над Пруссией Даву принимает участие в так называемой Польской кампании Наполеона 1807 г. Как и прежде, он командует 3-м корпусом, проявляет себя в боях у Чарново, Голымина и Гейльсберга. А 8 февраля 1807 г. на заснеженной равнине близ Прейсиш-Эйлау его «десятому легиону» была поставлена задача атаковать левый фланг русской армии и совместно с корпусом Нея, который должен был напасть на правое крыло русских, окружить армию врага. В ходе наступления Даву удалось сломить ожесточенное сопротивление противника и заставить его отойти. Весь левый фланг русских вынужден был развернуть свой фронт на 90 градусов. Даву перерезал важнейшую дорогу, ведущую на Фридланд. Русские солдаты,

стоящие перед Эйлау в центре, отчетливо слышали, что бой идет у них в тылу. Если бы в это время действия Даву поддержал Ней, катастрофа стала бы неизбежной. Русское командование перебросило против Даву артиллерию с правого фланга, а прибытие на поле боя прусского корпуса Лестока окончательно остановило наступление французов, и корпус Даву начал пятиться. Русские перешли в контратаку, и полки «железного маршала» бодро покатились назад – на исходные позиции. Теперь уже положение Даву стало опасным. Ни Ней, ни Бернадот так и не подошли. Маршал понял, что сейчас его долг – стоять насмерть. В страшной мясорубке, в февральский мороз и вьюгу, близорукий Даву, потерявший свои бесценные очки, бешено потрясая маршальским жезлом, ранее никогда не срывавшийся на крик, орал отступавшим солдатам: «Храбрецы умрут здесь, а трусы отправятся подыхать в Сибирь!» Грозный окрик в духе «Сукины дети! Стоять и умирать!» возымел действие, и остатки 3-го корпуса остались на поле боя, не отступили ни на шаг, несмотря на отчаянные попытки противника. Схватки и стрельба на участке корпуса Даву продолжались до 9 часов вечера. Затем бой стих. Как и при Ауэрштедте, его образцовый корпус понес огромные потери. Справедливости ради скажем, что тогда все наполеоновские маршалы (кроме блестяще проявившего себя «короля храбрецов» Мюрата), да и сам Бонапарт, оказались не на коне: им всем посчастливилось, что битва закончилась практически вничью.

В блистательно срежиссированном Фридландском сражении, завершившемся разгромом русской армии, солдаты Даву не участвовали: у них были иные задачи. Дело в том, что накануне битвы Наполеон распорядился о наступлении корпуса Даву в направлении Кенигсберга, чтобы перерезать противнику возможные пути отступления.

По окончании войны с русскими «железный маршал» оказался назначен генерал-губернатором созданного Наполеоном Великого герцогства Варшавского. На этом посту он сумел проявить дипломатическую изворотливость: полякам туманно намекал, что вот-вот император даст Польше независимость, а русского царя ублажал обещаниями, что никакого действительного восстановления Польши не последует.

Именно Даву Бонапарт поручает следить за созданием в составе его армии польского легиона под началом князя Юзефа Понятовского. Поначалу взаимоотношения этих двух выдающихся военачальников оставляли желать лучшего. Порывистый и изящный шляхтич-улан никак не мог сработаться с методично-безупречным строевиком Даву. Тем более что служебное рвение

Даву поощрялось самим Бонапартом, и лишь жене французского маршала (приехавшей в Варшаву по сугубо личным причинам и наведшей интимный порядок в своей семье) удалось хоть как-то сгладить «международную напряженность». Ее такт и природная уравновешенность поспособствовали установлению атмосферы радушия и доброжелательности на званых обедах, а затем и на домашних приемах. И в конце концов «железный маршал» разглядел лучшие стороны характера знаменитого сына польского народа, и два дворянина – два человека чести – нашли общий язык. Даву дал наилучшую характеристику Понятовскому перед Наполеоном. Такой рекомендации от него удостаивались единицы. Все знали, что это дорогого стоит. С той самой поры эти двое – легкий на подъем поляк и неспешно-мрачный бургундец – общались весьма доверительно.

Обстоятельность Даву сказывалась во всем. Например, справедливо полагая, что успех военной операции в немалой степени зависит от скорости, с которой войска идут к намеченному пункту, он любил проверять состояние… обуви своих солдат! Исправная и удобная обувь в частях Даву была вещью совершенно обязательной. В ранце у каждого солдата непременно лежали две запасные пары хороших сапог. За это Даву строго и педантично спрашивал с офицеров. Маршал не пользовался у них любовью, но зато прослыл настоящим «отцом солдата». Исключительно требовательный к себе, он всегда и везде стремился поддерживать порядок и дисциплину в доверенных ему войсках. Именно в его корпусе были рабочие всех нужных профессий: каменщики, пекари, портные, сапожники и оружейники.

В начале апреля 1809 г. давно прогнозируемая и давно ожидаемая война с Австрией стала реальностью. 9 апреля австрийская армия под командованием эрцгерцога Карла вторглась на территорию союзной Франции Баварии. Начать боевые действия он полагал с победы над Даву, стоявшим в районе Вюрцбурга, после чего намечался разгром по частям прибывающих на театр военных действий французских войск. Этот совершенно наполеоновский план кампании, выработанный австрийским генеральным штабом, стал возможен потому, что самого Бонапарта в тот момент в Германии не было, и, связанный Испанской войной, он поручил начальнику штаба Бертье руководство сосредоточением войск на театре военных действий.

Превосходный штабной офицер, но посредственный командующий, маршал Бертье наделал массу ошибок, которыми и поспешил воспользоваться эрцгерцог Карл. Главным просчетом, допущенным Бертье, было то, что, пытаясь перекрыть возможные

пути наступления противника, он разбросал все имевшиеся в наличии силы (около 170 тыс. человек) на значительной территории между Рейном и Эльбой. В результате в каждом отдельном пункте французы неизбежно были во много раз слабее неприятеля, собравшего все свои войска в один кулак. Особенно опасным оказалось положение корпуса Даву, находившегося в 80 км к северу от остальных частей Великой армии. Сам маршал совершенно правильно оценил ситуацию и высказал, не особенно заботясь о деликатности выражений, свои претензии к Бертье. Вместо того чтобы признать правоту Даву, Бертье пришел в негодование. Неизвестно, чем бы закончилась ссора Бертье и Даву и, самое главное, каковы были бы последствия непродуманных приказов начальника штаба, не появись Наполеон в непосредственной близости от разворачивающихся боевых действий.

Несмотря на критичность ситуации, Даву удается вывести из-под удара весь свой корпус. В ходе этого трудного марш-маневра маршал разбил австрийцев у Тейгна. В последующие дни его войска, состоящие из двух дивизий, отражают наступление главных сил австрийской армии у Экмюля. Там Даву пришлось проявить не только талант полководца, но и храбрость солдата. В разгар боя в разрывах между клубами порохового дыма он увидел наступающую колонну венгерской пехоты, незаметно приблизившуюся к его командному пункту. Не доверявший своим близоруким глазам, герцог Ауэрштедтский некоторое время всматривался в ряды неприятельских солдат. Но их белые мундиры и каски было невозможно спутать ни с какой другой формой. Сомнений не оставалось – это противник! И маршал бросился собственноручно разворачивать стоявшее рядом орудие. Французские артиллеристы оказались на высоте, и враг отступил. Несмотря на недостаток сил, Даву не ограничился только обороной. Рядом успешных контратак он остановил на некоторых пунктах австрийцев и даже заставил их отступить. Отметив заслуги Даву в сражении при Экмюле 20–22 апреля 1809 г., Наполеон жалует ему новое отличие – титул князя Экмюльского.

В последовавшем ровно через месяц сражении при Асперне-Эслинге части под командованием Даву не принимают участия. Тем не менее во многом благодаря действиям «железного маршала» Наполеону удалось избежать полной катастрофы. После очередного разрушения понтонного моста Даву организует из лодок небольшую флотилию, с помощью которой император перебрасывает необходимые боеприпасы и подкрепления своим войскам, попавшим в трудное положение на противоположном берегу Дуная.

В битве при Ваграме Даву была поставлена задача разгромить левый фланг австрийской армии и выйти в тыл противника, одновременно зорко присматривая за положением дел на правом фланге французской армии, где вероятным было появление войск эрцгерцога Иоанна, шедшего на помощь главной австрийской армии. Накануне сражения Наполеон сказал, обращаясь к свите: «Вот увидите, Даву выиграет мне и эту битву!» Герцог Ауэрштедтский блестяще справился с порученным ему заданием. Как и прежде, 3-й корпус сражается упорно и жестоко; как и прежде, его командира видят на самых опасных участках. В ходе боя под ним убивают лошадь; находившийся рядом с Даву генерал Гюден получает четыре раны. Сломив сопротивление левого крыла австрийцев, которым командовал Розенберг, Даву с боем входит в Ваграм, угрожая тылам австрийской армии. Именно это и уничтожило все шансы эрцгерцога Карла на благоприятный исход сражения.

...

***Кстати** , у неуживчивого и угрюмого Даву все же были среди его подчиненных свои любимцы. Ими стали знаменитые дивизионные генералы, командиры его 3-го корпуса Моран, Гюден и свояк маршала Фриан. Этой четверке удалось сработаться до такой степени слаженности, что они понимали друг друга на поле боя без слов. Взаимопонимание было таково, что Даву категорически отказывал самому императору (!) заменять кого-либо из своих раненых дивизионщиков заслуженными генералами из чужих корпусов. Так было после Ваграма, когда Гюдена очень тяжело ранило и Бонапарт распорядился заменить его генералом Пюто. Даву пришел в дикую ярость оттого, что это назначение не согласовали с ним, начальником корпуса. Он бешено наорал на прибывшего к нему Пюто,*

опешившего от такого «теплого» приема. Правда, вскоре Даву понял, что перегнул палку и генерал Пюто не заслужил тех резких слов, которыми он встретил его. На самом деле Пюто даже не знал, что будет заменять самого прославленного Гюдена. Маршал отправил адъютанта к Пюто с просьбой присутствовать на приеме, который он давал для офицеров своего корпуса. На нем, в присутствии всего штаба, Даву взял обратно свои слова, несправедливо сказанные в адрес генерала, и просил извинить его за вспышку гнева, вызванную тяжелым ранением генерала Гюдена. Пюто, отлично зная тяжелый и сложный характер «железного» маршала, был потрясен публичным извинением Даву в присутствии всего офицерского состава корпуса. Лишившись в походе на Москву в 1812 г. Гюдена и Морана, а заодно и своего образцового корпуса, Даву в чем-то утратил свою уникальность и уже никогда не был на первых ролях. Парадоксально, но факт…

Наполеон ценил Даву очень высоко. Никому из своих маршалов, кроме Даву, он не доверял самостоятельно командовать корпусом в 60 (и более) тысяч человек! Никому из маршалов империи не было пожаловано так много денежных подарков! Годовой доход Даву составлял более 900 тыс. франков! *(Больше получали лишь Массена с Бертье.)* Среди маршалов даже говорили, что «гораздо лучше быть Даву, чем его королевским величеством». Когда кто-то из них не выдержал и заметил Наполеону, что тот награждает Даву более чем по-царски, император ехидно прищурился и ответил: «Да, я много даю Даву, но потому, что он в отличие от остальных сам ничего не берет и тем более не просит!»

…

***Кстати** , не все и не всегда было гладко между Наполеоном и Даву. В 1807–1808 гг. между ними произошло охлаждение, причем не только потому, что Даву был весьма самостоятелен.*

Рассказывали, что после назначения на пост генерал-губернатора Великого герцогства Варшавского Даву якобы стал проявлять повышенное честолюбие, намекая в частных разговорах, что после герцогского титула неплохо было бы получить и… польскую корону. Подобные мечтания были присущи и маршалу Мюрату. Реакция Наполеона осталась неизвестной, но на время он отдалился от Даву.

Чем больше Наполеон возвышал Даву, тем больше последнему завидовали. Росла и надменность маршала, его непримиримая взыскательность. В ходе войны с Австрией в 1809 г. именно Даву прилюдно сделал едкие замечания начальнику штаба Наполеона маршалу Бертье по поводу допущенных ошибок. Наполеон публично согласится с оценкой Даву, а Бертье затаит обиду и спустя несколько лет поквитается с «правдолюбцем», очернив Даву в глазах Бонапарта во время сражений 1813–1814 гг. В результате Наполеон удалит от себя Даву, поручив ему защиту прибрежных крепостей. Маршал до последнего будет держать оборону на севере Германии, в осажденном Гамбурге. Его не будет среди тех наполеоновских маршалов, которые сдадут союзникам Париж весной 1814 г.

В начавшейся войне против России Даву командовал 1-м армейским корпусом Великой армии, состоявшим из пяти пехотных дивизий и двух бригад легкой кавалерии общей численностью от 69 до 72 тыс. человек. Правда, сразу после переправы через Неман три его дивизии из пяти были отданы под начальство Мюрата для преследования армии Барклая-де-Толли. У маршала остались только дивизии Компана и Дессе, половину последней он вынужден был оставить в Минске для охраны коммуникаций.

Даву был сильно раздосадован дроблением его корпуса. У Могилева он преградил путь армии Багратиона и в упорнейшем бою не дал русским прорваться навстречу Барклаю. Однако обе

армии противника все же соединились в Смоленске, и план Бонапарта разгромить их по отдельности рухнул.

...

***Между прочим** , «путавшиеся под ногами» у Даву бездарный брат императора Жером Бонапарт и заносчивый «король храбрецов» Мюрат помешали «железному маршалу» захлопнуть капкан, в который могла попасть армия Багратиона. Он не справился с поставленной задачей и не сумел разгромить численно уступавшего противника. С тех пор доверие Наполеона к Даву поколебалось.*

Даву не откажешь в прозорливости. Именно он – большой мастер фланговых охватов – настойчиво предлагал Наполеону во время Бородинского сражения прекратить бессмысленные лобовые атаки Багратионовых флешей и Курганной батареи Раевского, чтобы попытаться обойти левый фланг неприятеля. «Нет, – слышит он в ответ, – это слишком далеко уведет меня от цели и заставит потерять много времени!» В итоге, сэкономив время, Наполеон положил во фронтальных атаках при Бородине лучшие силы, в том числе половину образцового, чисто французского по составу корпуса Даву. Сам маршал, контуженный в ходе беспримерных атак на Семеновские флеши, не покинет поля боя, потеряет своих лучших генералов и будет делать все возможное для победы, но в тот день коса найдет на камень!

Надо сказать, что в злополучном походе в Россию в 1812 г. многие наполеоновские маршалы действовали не только хуже, чем могли бы, но и часто прилюдно бурно выясняли отношения друг с другом. Так, после боя под Вязьмой между Даву и Мюратом дело едва не дошло до рукопашной. «Короля храбрецов» вовремя остановили, и он, с досады… заплакав, вскочил в седло и, яростно нахлестывая своего чистокровного арабского скакуна, чуть ли не в одиночку помчался рубить неприятеля!

Во время отступления из Москвы Даву было поручено командовать арьергардом. Под Вязьмой его войска были окружены, но благодаря помощи Евгения Богарне им удалось

прорваться, при этом корпус понес большие потери. Наполеон остался недоволен действиями Даву. Император жаловался на медлительность маршала, упрекал за отставание на пять переходов, тогда как оно должно было составлять только три. В конце концов арьергард был поручен Нею.

От Смоленска Наполеон предпочел двигаться отдельными корпусами, а не всей армией в целом. Это было ошибкой, поскольку неприятель мог преследовать его не сзади, а параллельно, нападая на разобщенные, потрепанные и уже деморализованные корпуса. В бою под Красным бывшему корпусу Даву пришлось в очередной раз прорываться сквозь русские войска, теряя пушки, солдат, обоз. В результате арьергард маршала Нея оказался отрезан от французской армии, и шансов на спасение у него не осталось. Однако Ней сумел найти выход: он переправился по тонкому льду через Днепр и привел остатки своего отряда – 600–800 человек – в Оршу к Наполеону. «Храбрейший из храбрых» посчитал, что Даву преднамеренно не помог ему и позволил русским солдатам Милорадовича, Платова и Уварова добить его корпус. На самом деле у Даву просто не было сил отбиваться от врага, и когда он пришел публично извиниться перед братом по оружию, то услышал в ответ: «Я, господин маршал, не упрекаю вас ни в чем; Бог все видел, Он и рассудит!» Бог рассудил по-своему: Нея после поражения при Ватерлоо расстреляли… французы, а Даву умер своей смертью, не запятнав себя предательством.

К концу декабря 1812 г. в распоряжении Даву осталось всего-навсего 1,5 тыс. солдат и около 800 офицеров – все, что уцелело от его корпуса!

Под занавес русской кампании, уже после отъезда Наполеона во Францию, тем, что прежде именовалось Великой армией, командует король неаполитанский Иоахим Мюрат. В прусском городке Гумбинен на военном совете между ним и Даву происходит примечательный диалог. Созвавший совет король Иоахим, дав волю озлоблению против императора, воскликнул: «Нельзя служить безумцу! Из-за него мы не можем спастись; ни один европейский принц не верит больше ни его словам, ни его договорам! Прими я предложение англичан, я был бы таким же великим государем, как австрийский император или прусский король!» Возглас Даву остановил его: «Король прусский, император австрийский – государи Божией милостью, а вы если и король, то единственно по милости Наполеона и пролитой французской крови!»

Несмотря на независимость, жесткость и тяжелый неуживчивый характер, Даву остался до конца верен своему

солдатскому долгу и своему императору. А казалось бы, он с его аристократическим происхождением мог бы весьма благоприятно отнестись к возвращению династии Бурбонов. Революционные времена с их возвышенными порывами, которым отдал дань и благородный Даву, давно миновали. Но маршал не пошел на предательство и продолжал оборонять Гамбург, несмотря на то что Наполеон 6 апреля отрекся от престола! Когда русский генерал Беннигсен, командовавший осадным корпусом, сообщил Даву об отречении, маршал невозмутимо ответил: «Император Наполеон не передает мне приказы через русских офицеров!» Он сдал Гамбург, лишь когда в Париже установилась власть Бурбонов, и к нему для передачи командования прибыл его брат по оружию генерал Жерар! Упрямство Даву Людовик XVIII «оценил по достоинству»: тот стал единственным из маршалов Бонапарта, которому отказали в праве присягнуть вернувшимся Бурбонам! Луи Николя отнесся к случившемуся спокойно: никто и ничто не могло вычеркнуть его имя из пантеона воинской славы Франции!

Во время знаменитых «Ста дней» Даву смог с чистой совестью вернуться под знамена своего императора и стать его военным министром. (По прибытии Наполеона с Эльбы в Тюильри его встретили только два маршала – Лефевр и Даву!) Сам Луи Николя просится в действующую армию, но Наполеон настаивает: «Я не могу доверить Париж никому, кроме вас!» Правда, после рокового Ватерлоо Бонапарт горько пожалеет, что Даву не было с ним в его последней битве. С разгромом под Ватерлоо все надежды рухнули окончательно. Теперь уже все тяготились Наполеоном, даже «железный маршал»! Он сказал посланцу от императора: «Ваш Бонапарт не хочет немедленно уехать; но мы хотим избавиться от него. Его присутствие стесняет нас. Он нам надоел. Если он надеется, что мы снова позовем его, то он заблуждается. Нам он больше не нужен. Передайте ему от меня, чтобы он убирался, и что если он не уедет немедленно, то я велю арестовать его». Жестко, но честно: не судят только победителей, не так ли?!

Правда, отповедь Даву не спасла его от возмездия со стороны вернувшихся в Париж Бурбонов. Маршал был отправлен в отставку без всякого денежного содержания. Даву энергично протестовал против чисток в армии, против суда над легендой французского оружия маршалом Неем (хотя друзьями они не были никогда!).

...

***Между прочим** , уже будучи в изгнании после «Ста дней», маршал Даву пишет письмо военному министру Франции, своему бывшему коллеге наполеоновскому маршалу Сен-Сиру. Он просит, чтобы все репрессии против военных, вернувшихся на службу к Бонапарту во время «Ста дней», были направлены только против него: «… это милость, которую я требую мне оказать в интересах короля и отечества!»*

Даву пережил своего императора: Бурбоны, перед которыми он никогда не преклонял колен, не посмели поднять на него руку. Редкий образец бескорыстия и прямоты, «железный маршал» умер от туберкулеза легких спустя два года после кончины Бонапарта, в своем парижском особняке на улице Сен-Доминик 1 июня 1823 г. Его последними словами были: «Я прожил жизнь честно…» Проститься с ним пришли все маршалы, находившиеся в Париже. Его прах погребли на знаменитом париж ском кладбище Пер-Лашез рядом с другими легендами французского оружия – Массена и Неем. Смерть примирила героев, «поселив» их там, где они были равны, и гоняться за славой уже было бессмысленно…

…

***Между прочим** , мадам Даву пережила мужа почти на полвека, оставаясь и в 86 лет образцом воспитанности и понимания выпавшей ей нелегкой роли супруги человека, много лет назад творившего историю Франции. Хотя сегодня прямых наследников Даву не осталось, но древний бургундский род не пресекся благодаря племяннику Луи Николя. Только глава рода имеет право носить фамилию Даву, а остальные члены семьи именуются по-старинному – д'Аву! Так*

оригинально чтят во Франции память «железного маршала».

P. S. Даву был личностью незаурядной. Для него ценность жизни заключалась в успехе, победе, солдатской славе. Он прекрасно знал, что для всего этого нужны страдания и смерть его подчиненных, от рядового до генерала. Маршал считал, что на пути к победе все средства хороши. Он ничего не делал небрежно, был упрям, не имел учтивости и мягкости в обращении с людьми. Его интересовал результат. Главными достоинствами Даву были: личное мужество, самообладание в минуты опасности и невероятная стойкость. В искусстве, с которым он выбирал местность, устраивал войска и определял пункт и момент наступления, его мало кто превосходил. Стремительный в атаке, он был совершенно хладнокровен и упорен в обороне. Комбинация этих двух качеств и была основой его успехов. Отношения маршала с Наполеоном начали охлаждаться начиная с 1812 г., а в 1813–1814 гг. и вовсе испортились. Тем не менее Даву оставался верен своему императору до конца.

Жан Ланн «Я взял его к себе пигмеем, а потерял исполином»

Бывший ученик красильщика, скромный, застенчивый, со светлыми волосами и с задумчивыми, но живыми глазами Жан Ланн (10.04.1769, Лектур, Гасконь – 31.05.1809, Эберсдорф, Австрия) отличался блестящими дарованиями. К сожалению, нам мало известно о детстве, отрочестве и юности этого изящного и в то же время коренастого, невысокого (165–167 см), но очень выносливого сына фермера. Будущий маршал Франции был четвертым сыном из восьми детей, родившихся в крестьянской семье. По традиции у Ланнов всех мальчиков называли либо Жаном, либо Бернаром. Поскольку Бернаром нарекли предыдущего сына, то нашего героя окрестили Жаном.

Его предки происходили с хутора Айрод, что в 5 км от города Лектур в Гаскони. Поначалу семейство Ланнов арендовало ферму, но затем они сумели обзавестись собственной. Родители Жана не бедствовали, но и не жировали. Ланн-старший сдавал свою ферму в аренду; также он имел несколько полей и дом, полученный в качестве приданого за женой Сесиль. Прокормить семью из 10 человек оказалось непросто, и между 1778 и 1787 гг. отец Жана был вынужден продать все, кроме дома и земли общей площадью в половину гектара.

Неизвестный художник. *Маршал Ланн.* Литография.1830 г.

Детство будущего маршала проходило в полном невежестве. Молва гласила, что все образование Ланна ограничилось умением читать, писать и основами арифметики, преподанными ему старшим братом Бернаром. Последнему посчастливилось быть замеченным неким каноником, обучившим мальчика основам катехизиса.

...

Кстати *, крестьянские корни Жана Ланна оказались столь крепки, что, уже будучи маршалом Франции, он разводил в своем огромном поместье баранов, коров, быков, лошадей и даже ослов.*

Стесненные финансовые обстоятельства вынудили главу семейства отправить сына работать красильщиком. Молодой, физически крепкий подмастерье оказался способен к тяжелой работе. Но она не нравилась живому и энергичному юноше, и он поступил в королевскую армию. Однако вскоре взрывной темперамент вынудил нашего юнца оставить полюбившуюся ему военную службу. Он вляпался в дуэль, в которой получил ранение. Вернувшись в родной Лектур, Ланн снова занялся нелюбимым ремеслом. В возрасте 19 лет, в тот всем памятный жаркий летний день 1789 г., когда комендант Бастилии был повешен на фонарном столбе, Ланн все еще продолжал изучать ремесло красильщика.

…

***Между прочим** , его наставник, некий Гильон, встретил Жана словами: «В этом деле ты многого не наживешь. Возвращайся-ка ты в армию, возможно, ты сможешь стать капитаном». Когда Ланн сделался дивизионным генералом, то услышал от Гильона следующие слова: «Признайся, что я дал тебе хороший совет. Без меня ты добыл бы только стоптанные башмаки».*

Отпетый хулиган и драчун в 1792 г. снова поступил в армию, правда, на этот раз в революционную. Вскоре солдаты избрали его младшим лейтенантом. Этим неожиданным продвижением Ланн был обязан отчасти прежнему армейскому опыту, а отчасти крайним революционным взглядам. Он был, как и все новобранцы, отправлен под Тулузу в учебный лагерь Мираль. В этой недисциплинированной орде волонтеров, которую необходимо было обучить основам солдатского ремесла, наш герой выделялся недюжинными способностями.

17 мая 1793 г. на перевале Сент-Лорен-ан-Сердан в Восточных Пиренеях младший лейтенант Ланн получил боевое крещение в схватке с испанцами генерала Рикардо. В одном из боев батальон Ланна охватила паника, и солдаты обратились в бегство. Молодой офицер бросился в гущу беглецов и вскоре сумел не только остановить их, но и увлечь в контратаку. Уже тогда все отметили его несомненный ратный дар и…

невероятную вспыльчивость, принесшую потом массу ненужных проблем. По поводу и без повода Ланн ссорился со всеми, даже с близкими друзьями. И лишь благодаря его исключительной отваге ему все сходило с рук.

…

***Между прочим** , в искусстве матерщины с Ланном мог конкурировать лишь Ожеро, чью дьявольскую смесь франко-русско-прусско-итало-португальской отборной брани не превзошел никто в наполеоновской армии. И все же кое в чем с Ланном конкурировать было смертельно опасно. Молва гласит: в атаку маленький гасконец всегда шел в первом ряду, а то и впереди всех, в полной парадной форме со всеми регалиями и с… сигарой в зубах! «На поле боя в глазах солдат их командиры должны выглядеть так, как если бы они собрались на свадьбу», – пояснял он. За 17 лет военной карьеры его тело «украсили» шрамы от десяти ранений. По количеству ран среди высшего генералитета наполеоновской армии Ланна превосходил лишь Удино, на теле которого было 19 (или даже 34) шрамов от штыков, пуль и сабель врага; очевидцы диву давались, как маршал еще жив. Отвага Ланна граничила с безрассудством. Так, под Сарагосой он в яркой форме маршала стоял на краю окопа под ливнем вражеских пуль и диктовал приказы, несмотря на то что всех его адъютантов либо убило, либо ранило. При штурме Регенсбурга в 1809 г., когда солдаты начали топтаться перед стенами города, он сам схватил лестницу и кинулся на*

приступ. Он представлял тот счастливый тип людей, которые живут по принципу одного дня, зная, что завтра их могут убить.

25 сентября 1793 г. Ланн получает звание лейтенанта, а месяц спустя, 21 октября, – капитана. Через девять дней Ланн впервые был ранен: в бою у Баньюлса пуля попала ему в левую руку. За большой вклад в победу у Виллелонга 25 декабря 1793 г. Жан получает звание командира бригады. Весной 1794 г. Ланн служил в дивизии генерала Периньона, будущего маршала Франции, и участвовал в боевых действиях, где проявил присущие ему храбрость, решительность и умение быстро ориентироваться в разных ситуациях. Особо он отличился в схватках за редут Монтескью. 16 июня 1795 г. часть Ланна была переведена в Итальянскую армию.

В сражении при Лоано 23 ноября 1795 г. Ланн вновь проявил себя с самой лучшей стороны. Генерал Ожеро в письме командующему генералу Шереру восторженно отзывался о молодом полковнике: «Этот офицер заслуживает большую похвалу и признательность нации». Командующий направил столь же хвалебный рапорт Директории. Имя Ланна становится популярным не только на солдатских бивуаках. Правда, из-за нерешительности Шерера победа при Лоано не принесла больших плодов. Итальянская армия встала на зимние квартиры, и Директория решила реорганизовать ее. Многие талантливые офицеры оказались на половинном жалованье, а затем и вовсе в отставке. Был понижен в должности и наш герой. Вскоре его вообще отстранили от командования бригадой, Ланн не смог стерпеть этого и вышел в отставку. Казалось, все потеряно, но Ланну дико подфартило: можно сказать, что он вытянул джокера! Высокопрофессиональные отзывы Ожеро и Шерера прочитал… генерал Бонапарт, новый главнокомандующий Итальянской армией.

В 1796 г. Ланн оказался в армии Наполеона. Его инициатива, изобретательность, личная храбрость показали главнокомандующему, что он не ошибся, пригласив бывшего командира бригады к себе. Так, в неудачном для французов бою под Дего Ланн продемонстрировал неустрашимость в штыковых атаках, в которых всегда проверялся «на вшивость» любой офицер той поры! После победоносных боев при Миллезимо, Фомбио, Пьяченце и Бассано, после подвига под Лоди, когда Ланн во главе колонны атаковал и захватил мост, который простреливался австрийскими батареями, Бонапарт почувствовал такое доверие к

молодому офицеру, что поручил ему безопасность своей штаб-квартиры. Итак, «мозг армии» охраняют не Мюрат, не Жюно, не Мармон и даже не Мюирон – не те, кто был ближе Бонапарту, а тот, кто показал себя с наилучшей стороны, – пылкий и в то же время предусмотрительный гасконец. Это было начало тесных служебных, а позднее и дружеских отношений двух военачальников. В подчинении у Ланна находится рота личной охраны генерала Бонапарта, которой командует другой гасконец – Жан Батист Бесьер. Уже в самом начале Итальянской кампании Бонапарт представляет Ланна к чину бригадного генерала.

Однако в знаменитой битве при Кастильоне Ланн попал впросак – оказался в трехдневном плену и под честное слово был отпущен. В сражении у Джоверноло ему опять не везет: его вновь ранят, причем серьезно, и отправляют в госпиталь в Милан. Но накануне Аркольского сражения он бежит, чтобы принять участие в битве и… получить новые увечья.

В ходе боев Ланн не раз спасал Наполеону жизнь. Так, на Аркольском мосту, где солдаты и офицеры гибли десятками, он прикрывал своего патрона, кинувшегося вперед с трехцветным знаменем наперевес.

…

***Кстати** , при осаде турецкой крепости Сен-Жан-д'Акр Ланн получает пулю в шею, но остается жив. С того дня и до самой смерти его красивое лицо слегка наклонено влево. Зато ему тут же присваивают чин дивизионного генерала. Пройдет 10 лет, и незадолго до своей смерти, возвращаясь из Испании в 1809 г., Ланн остановится на постоялом дворе. Здесь ему доведется встретиться с отставным капитаном, который в далеком Египте вынес тогда раненого Жана из-под стен Сен-Жан-д'Акр, где его непременно добили бы турецкие религиозные фанатики. При этом спаситель будущего маршала сам получил опасное ранение и вынужден*

был комиссоваться из армии. Благодарный Ланн поспособствовал, чтобы отставного капитана щедро наградили деньгами. Именно на них тот приобрел постоялый двор, дом, скотину и земельный участок. Спасение товарища в бою настоящие солдаты не забывают никогда! И вот судьба их снова свела. Растроганный до слез маршал расцеловал давнего спасителя, подарил ему свои наличные деньги и закатил пир на весь мир, на который пригласил семейство отставного офицера. Вспомнили былое – поговорили о насущном, пожелали друг другу удачи и разошлись, на этот раз навсегда…

19 мая 1798 г. Ланн в качестве бригадного генерала отправился с Бонапартом в Египет. Его бригада входила в состав дивизии Клебера. Египетская экспедиция проходила в крайне тяжелых климатических условиях – жара в пустыне! Все страдали от зноя и нехватки воды. Офицеры с трудом сдерживали отчаяние. Более того, на французских солдат, познавших все прелести Италии, Египет произвел удручающее впечатление! Ланн был одним из немногих, кто не разделял недовольство и упаднический дух. Все желали одного – скорейшего возвращения домой, во Францию. Ланн тайно информировал Бонапарта о недовольных и их планах, а также о поведении и высказываниях генерала Мюрата. Впоследствии между Ланном и Мюратом случилась ссора, вылившаяся во взаимную неприязнь и даже ненависть.

25 июля 1799 г. Ланн принял участие в реванше Бонапарта за неудачу у Сен-Жан-д'Акры. «Месть» состоялась близ Абукира, где высадилась турецкая армия Мустафы-паши. Однако нетерпеливый Ланн в одной из атак не рассчитал, его наступление провалилось, и, теряя солдат, ему пришлось откатываться назад. Более того, Ланн схлопотал пулю в бедро. Раненого генерала, не успевшего еще в полной мере отойти от предыдущего ранения, отправили лечиться в Александрию.

В кампании 1800 г. Ланн впервые имел случай отличиться как самостоятельный военачальник. В преддверии судьбоносной битвы при Маренго, в бою под Монтебелло, Ланн, безусловно, был хорош: имея под началом 5 (по другим данным, 8) тысяч

человек, он ринулся на 18-тысячный корпус австрийского генерала Отта. Но, если бы не своевременная помощь генерала Виктора, Жану вряд ли удалось бы стать герцогом Монтебелло. Спустя пять дней Ланну снова пришлось продемонстрировать всю недюжинную отвагу и умение держаться. Под ураганным огнем сотни австрийских пушек авангард Ланна потерял 40 % личного состава. К часу дня французы с боем отходили по всему фронту. Несколько раз Ланн, пытаясь выправить ситуацию, бросался в контратаку, однако австрийская артиллерия картечным ливнем срывала все его попытки. Однако отступление французов осуществлялось в полном порядке. В своем рапорте на имя начальника штаба армии Бертье Ланн писал: «Я отходил эшелонами под ожесточенным огнем и обязан действию нашей прекрасной кавалерии. У меня не было ни одной пушки, чтобы прикрыть свое отступление, и, несмотря на это, оно производилось в большом порядке». Упорство и твердость Ланна были невероятными: австрийцы потратили не менее трех часов, чтобы заставить его отойти на 3 км. Сам Жанн все эти жуткие часы был в пекле боя, но не получил ни царапины, хотя вражеское ядро сбило с его… головы шляпу!

…

***Кстати** , Ланн очень любил вспоминать перипетии битвы при Маренго. Он даже крайне оригинально запечатлел расстановку сил: в парке его поместья Мэзон-Лафитт посадки тополей фигурно воспроизводили расположение позиций французских и австрийских войск. Всем посетителям маршал лично устраивал экскурсию «по местам своей боевой славы на поле Маренго».*

Именно после этого судьбоносного для всей монархической Европы сражения Бонапарт нарек Ланна, подобно знаменитому рыцарю Карла Великого, Роландом французской армии, позднее добавив к нему еще и прозвище Ахилла Великой армии. Не будь жертвенной стойкости Ланна и Виктора, Наполеон не дождался бы контрудара подоспевших войск Дезе.

...

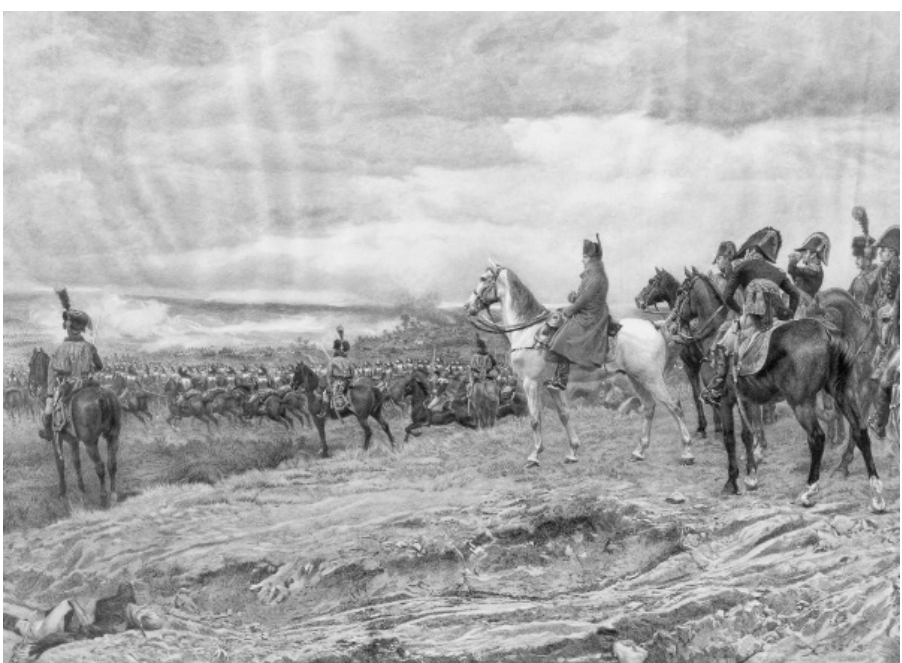
Между прочим *, отнюдь не все было гладко в отношениях Наполеона с Ланном. Сполна оценив беззаветную отвагу и, несомненно, большой талант последнего, Бонапарт назначил Ланна командующим консульской гвардией. Жан посчитал, что это свидетельство их крепкой мужской дружбы, проверенной в боях. В то же время он не понял, что перед ним уже не генерал Бонапарт – брат по оружию, с которым они прошли огонь, воду и медные трубы, а первый консул – глава государства ! Теперь обращаться к нему публично на «ты» уже… нельзя! Когда первый консул не раз и не два дал Ланну понять неуместность такого поведения, то искренний и открытый Жан счел это предательством. Дальше – больше! Ланн так и не понял, что в выстраивании государственного аппарата Бонапарт предпочитал опираться не только на боевых соратников, но и настоящих профессионалов. Когда Ланн начинал рекомендовать ему, как вести себя в вопросах государственного строительства, то нередко получал по шапке. В результате легковоспламеняющийся, взрывоопасный характер прямого гасконца приводил к взаимным перепалкам. Не умея быстро отходить, Ланн продолжал переживать произошедшее в «кругу друзей», т. е. генералов, тоже недовольных перерождением генерала Бонапарта в первого консула! Очень скоро выяснилось, что в этом тесном кругу «единомышленников»*

(Бернадот, Брюнн, Виктор, Ожеро, Массена, Лекурб, Делмас, Удино, Сен-Сир, Моро…) имеются «доброжелатели», систематически оповещавшие «зазнавшегося корсиканца» о недостойных речах командующего святая святых – гвардии! Как все образованные люди, первый консул прекрасно знал, что бывает с властителем, когда среди его генералов складывается кружок недовольных. Он нашел, как поставить на место зарвавшегося в своем панибратстве Ланна. Вообще-то это весьма темная история. Якобы Ланну потребовались большие деньги – 400 тыс. франков (на современные цены – несколько миллионов долларов) для меблировки его нового особняка, но нужной суммы у него не было, и он поделился проблемой с первым консулом. А тот возьми да и порекомендуй с самым невинным видом командиру своей гвардии взять взаймы в… гвардейской казне. «Возьми сколько нужно, а мы потом все уладим». Так, Наполеон «дал добро» на… казнокрадство! Сказано – сделано. А потом заместитель Ланна по руководству гвардией Бесьер, его старинный друг не разлей вода, его свидетель на свадьбе, возьми да и проведи ревизию. Очень скоро на стол первого консула ложится докладная записка, что Ланн совершил государственное преступление! Он растратил казенные деньги, направленные на приобретение нового обмундирования. Бонапарт показал своему другу, где раки зимуют, приказав «немедленно погасить недостачу, бросающую тень на честь гвардии». Когда наивный

гасконец заикнулся о словесном разрешении, то в ответ услышал ледяное: «О такой баснословной сумме речи не шло! Впредь надо быть скромнее в своих меркантильных делишках!» Между двумя друзьями началась словесная перепалка, закончившаяся криком. Все аргументы Ланна не производили на первого консула никакого впечатления. Политика в действиях Бонапарта все больше преобладала над порядочностью, честью и дружбой. Тогда командир гвардии откровенно признал, что подобных денег у него нет и в помине. Ответ консула был обезоруживающим: «Обратитесь за помощью к столь близкой вам генеральской клике!» Именно в ту минуту Роланд французской армии понял, чем грозит ему покупка мебели: военный заговор под колпаком у консула. «Клика» тут же растворилась, а вокруг казнокрада-фрондера Ланна образовался столь естественный в таких случаях вакуум. С ним перестали здороваться, разговаривать и т. д. и т. п. Бонапарт грозно намекнул, что время пошло, и пора покрывать недостачу, иначе «первой шпаге Франции» грозит… военный трибунал! А это – позор, который невозможно смыть; его имя будет осмеяно, запачкано, карьера безнадежно разбита. Отстраненного от командования гвардией Ланна спас Ожеро, его старый товарищ по боям в Пиренеях. Ожеро в шутку говорили, что у него всегда имелся в наличии «хорошо наполненный фургон». Ни для кого не было секретом, что он крал на войне с

наглостью и беззастенчивостью, однако это не мешало ему быть отзывчивым человеком и никогда не оставлять друзей в беде. Как только Ожеро узнал о несчастьях Ланна, он без всяких колебаний дал тому необходимую сумму. Всю свою жизнь Ланн был признателен Ожеро за этот жест солидарности. Почему Ожеро так поступил, до конца не известно. Зато точно известно, что с той поры между прежде неразлучными друзьями Бесьером и Ланном пролегла пропасть и они не упускали случая полаяться на таком солдатском сленге, что у всех окружающих просто уши вяли. Более того, Ланн перестал обращаться к первому консулу на «ты», и никогда между ними уже не было прежнего армейского братства. Дружба времен боевой молодости навсегда осталась в прошлом. Таковы гримасы человеческих судеб. Хотя Ланн и вернул деньги, Наполеон сместил его с поста командующего Консульской гвардией. Правда, помня о его заслугах, не опозорил окончательно. А вскоре, желая подальше убрать слишком вспыльчивого и республикански настроенного генерала из Парижа, направил его послом в Португалию. Ланн возвратился во Францию по окончании своей миссии богатым человеком – настолько богатым, что смог не только возвратить долг Ожеро, но и потом предаваться расточительству. Впрочем, Ланн был малый не промах: при случае брал подарки-подношения без сомнений и угрызений совести. После взятия Сарагосы городские власти решили непременно задобрить победителей

букетами цветов. Правда, цветы были искусственными – из драгоценных камней. Последние оказались реквизированы отцами города из церквей и соборов ради спасения горожан от бесчинств французской солдатни. Ланн принял бесценный дар как само собой разумеющееся и увез с собой во Францию. А вот его брат по оружию Макдоналд, хоть и не столь «звездный», но из благородного шотландского рода, тоже получивший свой букет от благодарных сарагосцев, поступил иначе. Он тут же пожертвовал его в одну из местных церквей, т. е., по сути дела, вернул.



Ж. Жулес. *Битва при Йене.* 1806 г.

Ланн был одним из самых выдающихся военачальников Наполеона, конкурировать с ним могли, пожалуй, лишь Даву, Массена и Сюше. Отважный, прямой, резкий, он порой досаждал Бонапарту, бесцеремонно и с редким прямодушием выговаривая за допущенные ошибки. Но Наполеон терпел своего любимца-

удальца. Зато другие «братья по оружию» порой лаялись с ним по поводу и без повода. Так, в ходе неудачно складывавшегося сражения с австрийцами под Апсерном и Эсслингом у маршалов Ланна и Бесьера сдали нервы, и два гасконца затеяли ссору прямо на поле боя. Задиристый Ланн открыто обвинил Бесьера в том, что тот бесцельно маневрировал вверенными ему гвардейскими частями. Возмущенный Бесьер не мог стерпеть подобного обвинения и схватился за саблю. То же сделал и Ланн. Только рассудительный Массена не дал безумцам скрестить оружие. «Немедленно вложите свои клинки в ножны! – воскликнул он. – Вы находитесь на поле боя, и я не позволю, чтобы наши солдаты стали свидетелями позорного зрелища, как два французских маршала сходятся в поединке в присутствии врага!» Особенно плохо сложились у Ланна отношения с лучшим кавалерийским военачальником Европы Иоахимом Мюратом.

…

Между прочим *, не исключено, что открытая конфронтация между Ланном и Мюратом (до поры до времени они считались закадычными друзьями и общались исключительно на «ты») началась летом 1799 г. из-за… женщины («шерше ля фам»!) После серьезного ранения в бедро в Абукирском сражении Ланн оказался со своим знаменитым земляком-бахвалом Мюратом на соседней больничной койке в госпитале. Задиристая язва Жан безнаказанно дразнил своего давнего соперника по воинской славе, благо говорливый Иоахим на этот раз никак не мог ответить: простреленная челюсть мешала ему говорить. Но вскоре Мюрат утешился: оказалось, что женушка так досаждавшему ему Ланна умудрилась родить сына через… 13 месяцев после отъезда супруга в Египет! Теперь уже Мюрат мог зубоскалить сколько угодно. Затем в начале 1800 г. Мюрат не без*

помощи особо благоволившей ему императрицы Жозефины сумел «обскакать» Ланна в гонке, где главным призом была рука сестры Бонапарта – Каролины. Наш герой был всерьез увлечен этой юной особой, но надо же такому случиться, что пылкий рогоносец Жан ей был совершенно не интересен. Эта крайне амбициозная и сексуальная девица уже давно положила свой меркантильный взор на «короля храбрецов», к которому взрывной Ланн теперь относился с нескрываемой неприязнью. Несмотря на это, он просит Наполеона дать согласие на брак с его сестрой. Конечно, Бонапарт не прочь был иметь лично преданного ему Ланна среди своих родственников. Но этот генерал только что с грандиозным скандалом расстался со своей первой женой, и Наполеон отказал ему, отдав Каролину за наглеца и храбреца Мюрата. Самодовольный Мюрат потом не раз публично распространялся, что «ему помогала сама госпожа Жозефина»! Этим он не только заставил насторожиться ее супруга, но и жутко обозлил Ланна. Пройдут годы, но Ланн не простит Мюрата. После битвы при Эйлау Бонапарт публично и заслуженно похвалил Мюрата за его блистательный рейд во главе 80 эскадронов через центр русской позиции в самый критический момент сражения. Тогда всем показалось, что еще чуть-чуть – и русские гвардейские гренадеры окончательно сомнут начавший проваливаться фронт французов. Глубоко уязвленный громким успехом собрата по оружию Ланн допустил

явную бестактность. «Ваш зять марионетка, паяц! – визжал докрасна распалившийся гасконец. – У него лицо моськи и рисовка пляшущей цирковой собачонки!»

Неприятная история случилась с Ланном и в преддверии Аустерлицкого сражения. За несколько дней до битвы группа маршалов собралась в узком кругу для обсуждения сложившейся ситуации. Все единодушно пришли к мнению, что обстановка не в пользу французов и не исключено их поражение. Если они, конечно, вовремя не отступят, тем более что позиция под Аустерлицем казалась весьма опасной. Мюрат и Сульт предложили Ланну как наиболее уважаемому императором военачальнику и к тому же не боящемуся говорить Бонапарту правду в глаза проинформировать того об их профессиональном вердикте. Ланн согласился озвучить мнение «консилиума», но попросил поддержать его. В момент составления маршальского рапорта внезапно появился сам император, прямо как черт из табакерки! Ланн рискнул доложить решение братьев по оружию, чем вызвал крайнее недоумение Бонапарта. Но когда в разговор ловко вклинился Сульт, то ошарашен оказался уже рисковый гасконец. Сульт бодро отрапортовал, что вверенный ему корпус готов сражаться в предстоящей битве за двоих – за себя и за корпус паникера Ланна. Подлил масла в огонь гробовым молчанием и «король храбрецов» Мюрат. И тут вдруг выяснилось, что Ланн-то – в суровом одиночестве! Началась дикая ругань, кое-кто схватился за шпагу, но последний бог (он же – демон) войны «по-божески» рассудил спор: «Полагаю отступление необходимым!» Все всё поняли, за исключением маленькой детали: Бонапарт на тот момент никому еще не рассказал своего гениального замысла Аустерлицкого разгрома. Ланн не забыл предательства со стороны коллег и вызвал Сульта на дуэль. Но тот не отреагировал. «Первая шпага Франции» не угомонилась. Перед началом сражения Ланн публично, в присутствии самого Наполеона и его свиты, еще раз вызвал Сульта. Последний, ловко прикрывшись судьбоносностью предстоящей битвы, попытался уйти от вызова. Тогда Ланн пошел на заведомую грубость, громко бросив в лицо невозмутимому Сульту: «Вы – негодяй!» Сульт и это проглотил молча: в схватке с «первой шпагой Франции» ему явно было несдобровать.

В кампании 1805 г. Ланн, уже ставший маршалом Франции, командовал 5-м армейским корпусом. Его войска участвовали в Ульмской операции и отличились у Михельсбергских укреплений

австрийцев. Взятие этих высот привело к капитуляции австрийской армии генерала Мака 20 октября 1805 г. А 2 декабря на холмистой равнине близ деревушки Аустерлиц разыгралось сражение, которое по праву считается самым выдающимся и блестящим в полководческом наследии Наполеона.

В этой битве войска Ланна – дивизии Сюше и Кафарелли-младшего – расположились на левом крыле французов, на Сантонской возвышенности. Их прикрывала 18-пушечная батарея. Пока шли бои на правом крыле, где маршал Даву сковал главные силы союзников, Ланн удачно отражал атаки правофланговых войск Багратиона. Когда положение Ланна стало опасным, так как 30-пушечная батарея Багратиона открыла ужасающий огонь, он лично повел в атаку 34-й линейный полк, рядом с ним – командир дивизии и будущий маршал Франции генерал Сюше. Их отчаянную атаку поддержали еще три пехотных полка. К полудню войска Багратиона были остановлены на всех пунктах и отрезаны от центра союзной армии. Ланн и поддержавший его Мюрат захватили около 7 тыс. пленных, два знамени и 27 орудий.

Однако в победном бюллетене Великой армии Наполеон упомянул о маршале Ланне так скупо, что это сильно обидело героя. А вот о Мюрате было сказано много лестного. Чересчур импульсивный Жан не стерпел и самочинно покинул армию, уехав в Париж – к любящей жене и малым детям.

…

Между прочим *, Ланн очень старался выглядеть изящно и опрятно. Он следил за собой, был всегда одет с иголочки. Невозможность в походах соблюдать чистоту внешнего вида угнетающе действовала на него. В письме своей второй жене, написанном спустя два дня после Аустерлица, он жаловался: «Я хочу тебе сказать, что после моего отъезда из Парижа я не раздевался четыре раза»…*

После подписания мирного договора с Австрией Ланн уехал на родину, в Лектур, где провел большую часть 1806 г. Там он оказался в кругу семьи и друзей. В Лектуре он пользовался популярностью среди земляков не только из-за своих

республиканских взглядов, но также благодаря искреннему простодушию и бескорыстию, к нему часто обращались за помощью. А он сам никогда не забывал тех, кто помогал ему. Однажды Ланн встретил крестьянина, друга детства. И так как маршал был приглашен на торжественный обед к главе местной администрации, префекту, то он, спросив разрешения у хозяина дома, послал адъютанта за упомянутым крестьянином. Представив друга всем присутствующим, Ланн усадил его за стол на почетное место рядом с собой.

Однако новая война, теперь уже с Пруссией, заставила Ланна покинуть родной город, и в сентябре 1806 г. он возглавил 5-й корпус Великой армии. С этим корпусом маршал участвовал в сражении у Йены, где действовал с такой же храбростью и решительностью, с какой поступал всегда и везде. Однако в бюллетене Великой армии благодаря интригам тщеславного Мюрата вновь не было практически ни слова о вкладе Ланна. В письме супруге Луизе маршал сетовал на неблагодарность Наполеона, который верил сплетням интригана Мюрата. Участвуя в преследовании разбитой у Йены и Ауэрштедта прусской армии, Ланн во многом способствовал тому, что Мюрат заставил капитулировать войска князя Гогенлоэ у Пренцлау. Скорость движения пехоты Ланна была такова, что солдаты 5-го корпуса прибыли к Пренцлау спустя короткое время после появления там кавалеристов Мюрата. Однако все лавры этой капитуляции присвоил себе Мюрат. В рапортах Наполеону он заявил, что пехота Ланна двигалась слишком медленно и ему приходилось рассчитывать только на свои силы. Мюрат как никто другой умел «тянуть одеяло на себя», когда дело касалось воинских лавров.

…

***Кстати** , àla guerre – comme àla guerre? Полководческой славой военачальники всех времен и народов делились очень неохотно! Так было в древности среди знаменитых диадохов Александра Македонского. Так было между «екатерининскими орлами» (Каменский-старший, Репнин, Суворов и др.). Так было со «сталинскими соколами» (Жуков, Конев, Рокоссовский и др.). Не были исключением и Мюрат с Ланном. Так*

было, так есть и так будет: слава, купленная кровью, не делится пополам.

Осенью 1806 г. Ланн писал жене: «Кажется, что мы двигаемся на Берлин. Если мы останемся там на зиму, я пошлю за тобой». Однако эта надежда не осуществилась, так как сразу после взятия прусской столицы французы двинулись в Польшу, где находились союзники Пруссии – русские войска.

Ланн столкнулся с русскими под Пултуском. Французы предполагали, что там могут находится только незначительные силы неприятеля. Однако на деле оказалось, что против 20–28 тыс. французов при 120 орудиях под Пултуском располагались 45 тыс. человек с 200 пушками под общим началом 61-летнего молодцеватого генерала от кавалерии Беннигсена.

…

***Кстати** , состоявший на русской службе уже более 30 лет, с 1773 г., крайне своекорыстный, бывший ганноверский барон Леонтий Леонтьевич Беннигсен (1745–1826) был скорее ловким и хитроумным интриганом-царедворцем, чем храбрым и толковым военным. Этот участник осады и штурма Очакова Г. А. Потемкиным в 1788 г., польской кампании А. В. Суворова 1794 г. и Персидского похода В. А. Зубова 1796 г. был в свое время отставлен «по болезни» от службы Павлом I. На самом деле – за связь с противными российскому императору братьями Платоном и Валерианом Зубовыми. Обиженный Беннигсен стал одним из убийц российского императора. По слухам, именно он золотой табакеркой нанес Павлу удар в висок, при этом табакерка даже сплющилась…*

Верный своей манере Ланн атаковал русских, чьим правым крылом командовал генерал Михаил Богданович Барклай-де-

Толли (1761–1818), а левым – генерал Карл Федорович Багговут (1761–1812). Накануне потеплело, земля оттаяла, и дороги размыло. Солдаты скользили, падали, еле вытаскивали ноги из хляби. Ланн попытался вклиниться в левый фланг противника, стремясь отрезать его от города, но не смог пробиться сквозь ряды русских гренадер. Обе стороны несли большие потери. Над сражавшимися кружил мокрый снег, под ногами чавкала болотная грязь. В решающий момент боя, когда французы были уже близки к победе, Барклай-де-Толли лично повел гренадер в штыковую атаку: железо ударилось о железо, люди падали рядами. Солдат Ланна опрокинули, и они откатились назад. Отличился русский генерал-майор граф Александр Иванович Остерман-Толстой (1770–1857) и его гренадеры: он первым с криком «Ура-а-а-а!!!» бросился в решающую контратаку. *(За Пултуск он получил орден Святого Георгия 3-й степени.)* После того как их дружно поддержал левый фланг под началом генерала Багговута, Ланн, потерявший уже от 4 до 6 тыс. солдат, видя, что силы неравны, счел за благо отойти.

Ланн понимал, что его главная задача – обязательно удержаться на тех позициях, которые занимал его корпус, иначе полное поражение неизбежно. Ближе к вечеру сражение возобновилось. Дело в том, что Наполеон, предполагая, что главные силы русской армии находятся у Голымина, отправил туда корпуса Ожеро и Даву. Однако, продвигаясь к Голымину и не встретив следов движения крупных сил противника, Даву утром 26 декабря на всякий случай отправил дивизию Гюдена к Пултуску. Последний заболел, и его сменил генерал Дольтан, который продолжил движение вперед. На подходе к Пултуску он услышал гул артиллерийской канонады и двинулся ускоренным маршем вперед.

Тем временем Ланн пребывал в нелегких раздумьях: после непрерывного многочасового боя он не выполнил поставленную задачу и не смог овладеть ни Пултуском, ни переправами. Он рассчитывал возобновить сражение на другой день, сохраняя дивизию Газана в резерве. А на противоположной стороне русский главнокомандующий, ошибочно полагая, что ведет бой с самим Наполеоном, готов был торжествовать победу, когда прибывший с правого фланга адъютант сообщил, что передовые разъезды казаков обнаружили сильную колонну противника, приближающуюся с северо-запада по Голыминской дороге. Французы Дольтана легко отбили все атаки русской кавалерии, пытавшейся остановить их. Выйдя из леса, Дольтан атаковал войска Барклая-де-Толли и потеснил их. Это столь неожиданное появление дивизии врага отвлекло на себя крупные силы русских.

Ланну удалось спокойно отвести свои измученные войска на те позиции, с которых началось наступление на город. Темнота и неутихающая снежная вьюга окончательно развели противников. Сражение затихло.

…

***Между прочим** , в русских донесениях было сказано, что войска маршала Ланна наголову разбиты. Более того, Беннигсен приписал себе победу над корпусом Даву, которого и в помине не было у Пултуска, а также над «отрядом генерала Суше», да и вообще над самим Наполеоном. Во всех рапортах, направленных царю, говорилось о выдающейся победе над французской армией. Впрочем, и французы ответили «звонкой монетой»… они также приписали себе победу у Пултуска. Некоторые французские историки дошли до того, что называют Пултуск Ауэрштедтом Ланна, пытаясь таким образом провести параллель между двумя сражениями и двумя маршалами. Однако если и было сходство между Ауэрштедтом и Пултуском, то лишь в одном: и в том и в другом сражении французы имели намного меньше сил, нежели противостоящая им сторона. Под Ауэрштедтом маршал Даву имел 27 тыс. человек против 54 тыс. пруссаков (по другим данным, от 60 до 70 тыс.). У Ланна под Пултуском было против 45 тыс. русских около 20 тыс. французов. Но на этом сходство заканчивается: под Ауэрштедтом пруссаки были наголову разгромлены и в панике бежали; у Пултуска русские отразили все атаки французов и*

сохранили свои позиции. Правда, ночью Беннигсен отдал приказ об отходе к Остроленке, однако это отступление было вызвано не пораженческими настроениями в русском штабе, а явилось следствием сосредоточения крупных сил французов у Голымина и беспокойством Беннигсена за свои тылы.

О. Верне. *Наполеон на поле боя под Фридландом.* 1836 г.

Спору нет, в том бою Ланн лицом в грязь не ударил. Имея гораздо меньше сил, он воевал весьма умело, оставив нетронутой дивизию Газана, в то время как Беннигсен часто вводил в бой резервы из второй линии, чтобы ликвидировать прорывы французов. Несмотря на неудачу в захвате Пултуска и большие потери, Ланн не только не отступил, а остался на своих позициях с твердым намерением дать русским еще одно сражение на следующий день. Бой французов с русскими, потерявшими более 3 тыс. человек, закончился вничью. Ланн остро переживал эту

«ничью»: он еще не знал, что пройдет всего полгода, и в его судьбе пробьет звездный час!

«Момент истины» для Ланна наступил в последнем крупном сражении той тяжелой кампании. Это случилось под Фридландом, в кровавой битве-шедевре Бонапарта, завершившей войну и вынудившей Александра I пойти на мир. Утром 14 июня Ланн, в распоряжении которого находились гренадеры Удино и кавалерия Груши (всего 10–12 тыс. солдат), оказался против 25, а затем и 50 тыс. неприятеля. Он по-военному лаконично оповестил Наполеона: «Мы держим в руках всю русскую армию». Действительно, все силы Беннигсена уже сосредотачивались у Фридланда и собирались форсировать реку Алле.

Противник располагал столь значительным численным преимуществом, что мог раздавить войска французов. В подобной ситуации Ланн имел шанс с боем отступить или, по крайней мере, не особо лезть на рожон. Однако, с другой стороны, военачальник отчетливо понимал всю опасность выбранной Беннигсеном позиции, оставлявшей Алле в тылу русских войск. В такой ситуации подход основных сил Великой армии обрекал неприятеля на поражение и давал французам победу в войне. Риск был очень велик. На фронте шириной 6 км солдатам Ланна противостоял вчетверо-впятеро превосходивший неприятель. Рисковый гасконец Ланн решил приковать противника к себе до подхода Бонапарта с остальными корпусами.

Догадайся Беннигсен о реальном соотношении сил в этом бою, он, без сомнения, поспешил бы раздавить французов. Но Ланн блестяще восполнил малочисленность своих войск отчаянным и умелым маневром. Используя складки местности, он то выводил полки в первую линию, то скрывал их от огня, показывая противнику, будто бы все новые и новые части подходят к нему. Хотя на самом деле наступали и отступали одни и те же подразделения. Попытки же русских сбить французов с занимаемых позиций решительно пресекались драгунами Груши, который 15 раз бесстрашно водил свои эскадроны в атаку.

Замысел Ланна блестяще оправдался. Введенный в заблуждение Беннигсен решил, что ему противостоят главные силы неприятеля, и вознамерился разгромить их. Но столь сокрушающий удар, по его мнению, следовало хорошенько подготовить, и он начал тщательно перегруппировывать свои дивизии.

После полудня к Фридланду прибыл Наполеон. Он по достоинству оценил действия Ланна. Его хладнокровие, выдержка и талант военачальника, стойкость и отвага Груши и Удино наряду с неукротимым натиском солдат Нея и Виктора позволили

вырвать победу в генеральном сражении и триумфально закончить войну. Действия Ланна у Фридланда на начальной стадии сражения достойны восхищения. Его мастерство в этом случае вполне сравнимо с мастерством Даву при Ауэрштедте.

До сентября 1808 г. Ланн отдыхал от ратных подвигов в кругу семьи, но вскоре его вызвали сопровождать Наполеона на встречу с Александром I в Эрфуте. Ланн вошел в относительно небольшое число приближенных, которых император взял с собой: Бертье, Даву, Сульт. Честь встретить на французских аванпостах русского царя была предоставлена именно ему – «храбрейшему из храбрых». (Мишель Ней получил это прозвище позднее, после гибели Ланна, за блистательные арьергардные бои во время отступления из Москвы в 1812 г.) Приобретенный опыт посла в Португалии и общение в великосветском кругу пригодились Ланну на этой встрече. Александр I был приятно удивлен галантностью и учтивостью французского вояки. Маршал произвел на русского самодержца настолько хорошее впечатление, что по окончании переговоров Александр наградил герцога Монтебелло высшим российским орденом Андрея Первозванного. Забегая вперед, скажем, что, когда новость о смертельном ранении Ланна во время битвы у Эслинга дойдет до Александра, он в разговоре с французским послом Коленкуром выразит горькое сожаление и, по его словам, «продумал об этом всю ночь».

Еще летом 1808 г. открылась «испанская язва», через которую медленно вытекла «кровь империи Бонапарта». Немало маршалов Франции погубило там свою репутацию. Отправился в Испанию и Ланн. Ехал он туда с тяжелым сердцем. О своих чувствах военачальник написал супруге: «Я надеюсь, что это не будет долгая кампания и к весне мы возвратимся домой». Но, как говорится, человек предполагает, а судьба располагает!

Находясь в Испании, Ланн принимает командование над 3-м корпусом новобранцев инертного Монсея. Будучи полководцем, одно присутствие которого способно из нерешительного солдата сделать храброго, Ланн быстро приводит корпус в чувство. И вот подчиненные уже готовы идти за ним куда угодно. Под Туделой 34 тыс. его солдат разбивают 45-тысячную испанскую армию генерала Кастаньоса. Потери испанцев составили не менее 4 тыс. человек убитыми и ранеными, 3 тыс. пленными. Урон был бы еще больше, если бы Ней прибыл вовремя и зашел испанцам в тыл. Задержка Нея у Туделы имела неприятное последствие: разбитый, но не уничтоженный Кастаньос отошел к Сарагосе.

Вскоре Наполеон, недовольный долгой осадой города, направляет туда Ланна с приказом взять эту неприступную

крепость. Сарагоса стала символом испанского сопротивления. С 20 тыс. Ланну предстояло одолеть 60тысячный гарнизон, включая жителей, которые принимали активнейшее участие в обороне. Штурм города продолжался несколько дней, то затихая, то возобновляясь. Испанцы дрались с упорством обреченных, французы с таким же упорством пытались ворваться в Сарагосу.

В одном из донесений Ланн сообщал Наполеону: «Государь, это совсем не то, чему мы научились на войне. Я не видел такого упорства. Несчастные защищаются с яростью, которую нельзя себе представить. Я видел, как женщины отдавали себя на смерть… Это война, приводящая в содрогание». А в письме жене этот человек редкостной отваги признавался: «Я предпочел бы десять ежедневных сражений той войне, которую мы здесь ведем за каждое здание».

Подкопы и бомбардировки города продолжались с неослабевающей энергией. Сарагоса постепенно разрушалась, превращаясь в руины, однако продолжала сопротивляться любому натиску французов. Каждый дом превратился в крепость, каждый сарай, конюшню, погреб, чердак нужно было брать с боем! Солдаты Ланна убивали без разбора всех, даже женщин и детей, но и женщины и дети убивали солдат при малейшей их оплошности! И все же положение в городе становилось отчаянным. Вскоре после очередной массированной бомбардировки крупнокалиберной артиллерией Сарагоса сдалась. Взятие неприступной крепости можно по праву поставить в ряд выдающихся достижений Ланна. Однако маршал не испытывал радости от одержанной победы. Он сильно изменился, не ощущая больше справедливости дела, которому служил. «Какая война! Быть вынужденным убивать столько храбрых людей или пусть даже сумасшедших людей! Эта победа доставляет только грусть!» – сказал Ланн, обращаясь к свите, когда проезжал по улицам залитого кровью, мертвого города. Вернувшись из Испании, во время встречи с Наполеоном в замке Фохбург в Германии Ланн по обыкновению быстро вышел из себя и бросал резкие обвинения прямо в лицо Бонапарту, сравнивая его с Чингисханом, а французов – с дикими монгольскими ордами.

В конце марта 1809 г. Ланн вновь отправляется в свое семейное гнездышко, как оказалось, последний раз в жизни. Наполеон все больше и больше увязал в Испании, а в Австрии тем временем подняли голову реваншисты. Перевооружив и реорганизовав армию, «партия войны» в очередной раз попыталась сбросить гнет Франции. Началась новая война. В кампании 1809 г. против Австрии корпус Ланна участвует в сражениях у Абенсберга, Рора,

Ландсхута и Экмюля. При штурме Регенсбурга неоднократные попытки французов взобраться на крепостные стены были отражены австрийцами. Нашим пылким маршалом-героем овладела холодная ярость, он лично с лестницей наперевес кинулся на стену… За ним бросилась вся дивизия! Поздно вечером Регенсбург был в руках Ланна. Великая армия устремилась на Вену. Разбитые австрийцы не стали защищать столицу, а, переправившись на противоположный берег Дуная, уничтожили за собой все мосты.

20 мая французская армия была сконцентрирована на острове Лобау. На следующий день ее передовые части под командой маршалов Массена и Ланна, перейдя через наведенный понтонный мост, захватили две деревушки: Массена – Асперн, Ланн – Эслинг. Кавалерия Бесьера располагалась между этим двумя населенными пунктами.

Утром 21 мая командующий австрийской армией эрцгерцог Карл предпринял наступление. Принужденные к обороне, зависящие от подхода подкреплений и подвоза боеприпасов по одному-единственному мосту, французы вскоре оказались под очень сильным давлением. Деревни несколько раз переходили из рук в руки. Ланн отчаянно держался за Эслинг, Массена – за Асперн. Потери с обеих сторон были ужасающими, и в один из критических моментов Ланн решил бросить в неожиданную контратаку на прорвавшихся австрийцев кавалерию Бесьера. Он послал срочное сообщение находившемуся в центре Бесьеру, приказывая ему «биться до последнего». Бесьер и так уже негодовал, что оказался в подчинении у Ланна, с которым давно был «в контрах», и был в высшей степени оскорблен словами «приказ» и «до последнего». «Разве так можно обращаться к маршалу?» – бросил он с несвойственной ему жесткостью. Бесьер удачно атаковал врага и заслужил «похвалу» Ланна. «Вы же видите, какой она произвела эффект, – заметил тот своей поредевшей свите. – Иначе бы Бесьер пробездельничал весь день!» Доброхоты не преминули проинформировать Бесьера об этих словах.

Сгущались сумерки, но французы продолжали удерживать занятую территорию. Однако вся армия от маршала до молоденького новобранца была потрясена масштабами потерь и опасностью ситуации, в которую попала. Во время наступившей паузы произошла жуткая ссора между взвинченным Ланном-бретером и оскорбленно-отстраненным Бесьером. Два гасконца сошлись не на страх, а на смерть! «Если бы император поставил меня вам под команду, я бы тотчас же вышел в отставку! – заорал «храбрейший из храбрых». – Но раз уж вы находитесь под

командой у меня, то отдавать приказы буду я, а вы извольте им подчиняться!» И Ланн подробно объяснил, почему он сформулировал свой приказ именно в таком виде. «Это потому, что вы бездействовали весь день и даже не приблизились к противнику!» – заявил он. «Но это оскорбление, – парировал Бесьер, – и вы дадите мне сатисфакцию!» Его рука потянулась к ножнам. «Если вам угодно, то хоть сейчас», – ответил Ланн и начал вытаскивать саблю.

Лишь своевременное вмешательство разумного старика Массена остановило двух гасконских петухов, затеявших выяснение отношений на передовой, чуть ли не на глазах у опешивших от увиденного австрийцев. «Оружие – в ножны, и немедленно! – загремел он. – Вы в моем лагере, и я не позволю своим солдатам смотреть, как два маршала тычут друг в друга саблями на глазах у врагов!» Оба маршала подчинились ему с мрачным видом, а Массена, взявшему Ланна под руку, удалось несколько успокоить его. Бесьер же отправился к себе. Встревоженный всем случившимся Бонапарт вызвал задир на ковер. По трезвому размышлению он принял сторону Ланна и высказал серьезные упреки Бесьеру. На следующее утро последний сам явился к Ланну за новыми приказами, не дожидаясь, когда они будут присланы к нему. Язвительный Ланн холодно посмотрел на Бесьера и объяснил тому его задачу на предстоящий бой. Бесьер держал себя в руках: он слушал и не подавал никаких реплик.

Первоначально казалось, что в завязавшейся ожесточенной битве французы вот-вот оторвутся от предмостных укреплений и погонят австрийцев от берега реки. Но тут в дело вмешался его величество случай: пущенные австрийцами вниз по реке бревна разрушили один из пролетов моста, связывшего остров с дальним берегом реки. Приток подкреплений и боеприпасов тотчас же прекратился, и французам пришлось отступить под яростной контратакой австрийских частей. С трудом, но мост был восстановлен, и с прибытием подкреплений французы снова бросились вперед, но и австрийцы не сидели сложа руки. Выше Лобау они отбуксировали на глубину плавучую мельницу, которая пошла вниз по течению и ударила прямо в понтонный мост, и без того перегруженный, разнеся его на куски. Переправившиеся французы, припертые спиной к реке, оказались отрезаны от своих главных сил.

Эрцгерцог Карл воспользовался выпавшим шансом: все свои силы он бросил против защитников предмостных укреплений, и Асперн был отбит австрийцами. Одновременно Карл произвел атаку на Эслинг, и французы были выбиты и оттуда.

Ланн повел себя в критической ситуации чисто по-ланновски: он приказал всем стоять насмерть и… бросил конницу Бесьера в серию яростных атак. Кавалеристы в тот день понесли большие потери, бесстрашно идя в бой без пехотной и артиллерийской поддержки (у тех и других быстро закончились боеприпасы, а новые подвезти было невозможно). Они покрыли себя славой, как и все остальные солдаты, сражавшиеся в тот день на плацдарме, пока их саперы отчаянно работали на мосту. На глазах Ланна был убит первоклассный пехотный генерал Сент-Илер, которому сам Бонапарт после Регенсбургской операции пообещал маршальский жезл! Затем прямо перед Ланном пушечное ядро разорвало в клочья его старого боевого товарища генерала Пузе. Потом наступило временное затишье, и маршал, страшно расстроенный смертью Пузе, медленно пошел в сторону деревни Энцерсдорф, расположенной неподалеку от кирпичного завода Эслинга. Там он уселся на берегу, погруженный в мрачные раздумья. Через несколько минут к нему приблизилась группа солдат, несущих на плаще тело мертвого друга. Ланн встал, отошел на несколько шагов и присел на краю окопа. Только он закинул ногу на ногу, как прилетело вражеское трехфунтовое ядро и ударило маршала, раздробив колено одной и перебив сухожилия другой ноги. Такое ранение в те времена считалось смертельным.

Скорее всего, лихой гасконец предчувствовал свою близкую гибель. Последнее время он очень часто вслух вспоминал детей. А в один из моментов Эслингской мясорубки и вовсе коротко бросил своим адъютантам: «А ведь это мое последнее сражение!»

…

***Между прочим** , именно Ланну с легкой руки очень популярного в России отечественного наполеоноведа Е. Тарле долгое время ошибочно приписывали бравурную фразу: «Гусар, который не убит в 30 лет, не гусар, а слабак!» Кое-кто продолжает это делать и сегодня, например Н. Троицкий в своем объемном труде «Александр I против Наполеона». Но, во-первых, Ланн в отличие от Нея, Ожеро, Келлермана-старшего и Груши никогда не служил в гусарах, как это также нередко*

утверждается в русской литературе. И, во-вторых, это сказал другой храбрец – лучшая сабля французской легкой кавалерии – дивизионный генерал-полковник Антуан Шарль Луи де Лассаль (1775–1809). В самом конце битвы под Ваграмом в 1809 г. шальная австрийская пуля сразила наповал удалого гусара Лассаля, когда ему было лишь немного за 30! А вот лихой вояка Ланн на самом деле сказал нечто похожее: «Те, кто утверждал, что никогда не испытывал страха, лгуны или слабаки». Не исключено, что именно использование обоими слова «слабак» могло породить путаницу.

Не понимая, что с ним случилось, Ланн все пытался встать… на ноги, кричал застывшим в столбняке адъютантам: «Я всего лишь ранен! Немедленно дайте мне руку, чтобы я мог подняться!» Даже потом он еще бодрился, восклицал: «Ничего особенного! Мои солдаты будут носить меня в атаку… на руках!» Солдаты соорудили носилки из ружей и донесли маршала до предмостных укреплений, где среди крови и воплей изувеченных людей доктор Ларрей без наркоза ампутировал ему левую ногу. Ланн стоически перенес операцию, а когда у него началась лихорадка, стал просить воды, однако врачи запретили ее давать. Тогда кому-то пришла в голову идея смачивать ткань в Дунае и потом протирать губы раненому. Что касается пищи, то она была типично походной: мясной бульон из конины, подсоленной порохом. Так как состояние Ланна было не очень стабильное, было решено повременить с его отправкой в Вену, и раненого разместили в лучшем месте деревушки Эберсдорф – в здании пивной. Ошеломленный трагической вестью Наполеон немедленно прибыл к раненому маршалу. «Ланн, друг мой, – твердил он, опустившись перед ним на колени, – ты узнаешь меня? Это я – император!» А затем уж и вовсе без всяких титулов: «Это я, Бонапарт – твой друг!» И слезы катились по его щекам. Но маршал был в шоке и ничего не отвечал.

Четыре первых дня после операции Ланн чувствовал себя удовлетворительно: он был в сознании. В разговоре с доктором Ланнефранком маршал просил: «Напишите Корвизару, чтобы он попросил мою жену, если она приедет, сильно не волноваться». И

после некоторой паузы, посмотрев в глаза врачу, произнес: «Она приедет». Он не сомневался в том, что его Луиза, узнав о случившемся, обязательно примчится к нему, как она сделала это два года назад, когда маршал был ранен под Пултуском. Ланн не ошибся. Когда Луиза узнала о ранении супруга, она бросила все и вместе со своим братом полковником Геэнек полетела на перекладных в Вену…

Но еще задолго до того, как Луиза смогла прибыть в Вену, ее муж (ему уже оттяпали и вторую ногу) впал в беспамятство. В бреду призывал, командовал, пытался вскочить с постели и пойти впереди всех в атаку… А потом совершенно неожиданно лихорадка отступила, и сознание героя стало ясным. Маршал начал узнавать людей, подходивших к его кровати.

Когда он умирал, свита Наполеона во второй раз (после смерти Дезе) увидела слезы императора. Бонапарта буквально трясло от рыданий: «Ланн! Ланн! Не уходи! Прости твоего друга, твоего… генерала Бонапарта!» Император уже не замечал, что сам называет себя по фамилии, что его белый фланелевый жилет все больше и больше окрашивается кровью Ланна. В ответ умирающий от гангрены бесстрашный гасконец – единственный в Великой армии, никогда не боявшийся говорить Наполеону правду, – лишь шептал запекшимися от крови губами: «Сир, заклинаю вас, спасите армию… Сир, спасите…» Легенда французского оружия, 40-летний Ланн ушел, как всегда впереди всех, в свой последний поход – в Бессмертие.

…

Впрочем *, говорили, что последние слова Роланда французской армии были посвящены любимой супруге и детям. В отличие от большинства наполеоновских маршалов его личная жизнь сложилась весьма драматично. В своем первом браке он оказался… в дураках! Еще лечась в Перпиньяне в 1795 г., он познакомился с Жанной Жаклин (Полеттой) Барбе-Мерик, дочерью богатого местного банкира, на которой 19 марта скоропалительно женился. Это была бойкая, жизнерадостная, элегантная*

и немного своенравная девушка. Во время посещения дома Полетты ее мать Мария Терезия, урожденная Моран, довольно благосклонно отнеслась к молодому офицеру. Ей импонировала опрятность Ланна: чистый мундир, почищенные сапоги, хорошо выбритое лицо, а припудренные волосы придавали сходство с офицерами «старого порядка». Она была приятно удивлена внешностью молодого офицера, так как для нее слова «революция» и «неряшливость» были синонимами. Если в бою Ланн вел себя как «храбрейший из храбрых», то в общении с женщинами был робок и стеснителен. Внук Ланна Карл писал, что дед «благоговел перед женщинами и с наивностью верил в их добродетельность». Побыв непродолжительное время со своей молодой женой, Ланн возвратился в армию. 21-летняя Полетта упросила мужа взять ее с собой. Однако молодую супругу хватило только на два месяца, и она, утомленная и недовольная суровостью армейской жизни, отправилась обратно во Францию. Уже в ходе Итальянской кампании доброхоты принялись нашептывать Ланну, что, пока он проливает кровь за республиканскую родину, его «слабая на передок» женушка тоже времени даром не теряет. Дальше – больше! Будучи в далеком Египетском походе, лежа в александрийском госпитале с тяжелым ранением в бедро, Ланн получает «радостное» известие, что спустя 13 месяцев после их последней встречи в январе 1798 г. Полетта (так ее величали в армейской среде) … 12 февраля 1799 г. родила сына!

Генерал умел считать, по крайней мере в пределах бытового минимума, и без труда понял, что он-то тут не при чем. Он заочно подал на развод, но его дражайшая половинка долго и нудно доказывала в суде, что маленький Жан Клод – сын своего отца-генерала Ланна! Только так, а не иначе. Никакие логические доводы суда – ни арифметические, ни естественно-природные – она категорически не принимала в расчет! В конце концов суду это надоело, и чету развели, а ребенка объявили незаконнорожденным. Потом, уже после смерти Ланна и падения империи Наполеона, мать и сын попытаются претендовать на наследство маршала, но судьба распорядится по-своему: незаконнорожденный Жан Клод умрет в ходе тяжб, и дело закроют. Вернувшийся из Египта генерал Ланн не долго ходил в холостяках. С Каролиной Бонапарт у него ничего не получилось, но он не отчаялся и женился на дочери сенатора и администратора лесов, изумительной красавице и умнице Луизе Антуанетте Шоластик-Геэнек (1782–1856). Этот брак принес ей как счастье (жена «первой шпаги» Франции и мать пятерых детей), так и жуткую трагедию – вдовство в 27 лет! Все современники, даже женщины (признать красоту и добродетели другой женщины для которых, как правило, выше их сил!), единодушно говорили и писали, что в Луизе Ланн было что-то от прекраснейших мадонн Рафаэля. Ее внешность и мягкий, нежный характер были именно тем, что во все времена так ценится мужчинами

в спутницах жизни. Луиза привнесла в жизнь мужа сердечность, покой, ласку – все то, чего не хватало Ланну при его профессии военного. Где бы он ни находился, Ланн прекрасно знал, что его любят, ждут, что ему верны.

При первой же возможности, оторвавшись от военных дел, от крови и грязи полей сражений, Ланн устремлялся не в Тюильри, где видел придворные интриги, сплетни, от которых его мутило, а к своей дорогой подруге Луизе, в обществе которой импульсивный Жан отдыхал, успокаивался и набирался сил. Ланна выводили из равновесия курьеры, привозящие распоряжения Наполеона, чтобы он и Луиза явились к такому-то ужину или балу, устраиваемому в Тюильри. Ланн делился с ней всеми своими удачами, невзгодами, мечтами, мыслями и знал, что в лице Луизы он найдет понимающего, доброго, искреннего, заботливого и снисходительного к его недостаткам человека. Светские сплетницы так и не нашли какого-либо недостатка в этой безусловно первой красавице Парижа. Доброжелательная и лишенная каких-либо амбиций, она не любила сплетничать, и сам Наполеон очень часто ставил ее в пример другим амбициозным придворным дамам – маршальшам и генеральшам, тем самым раздражая их и обезоруживая. Сам Ланн обожал супругу, но жизнь военного, особенно в ту эпоху, когда вся Европа напоминала военный лагерь, коротка. Узнав о тяжелом ранении мужа, Луиза бросилась в Вену. Но уже в дороге ей сообщили, что она опоздала. Когда гроб покойного супруга по ее твердому требованию открыли, Луиза поначалу не узнала своего Жана – настолько смерть изменила его некогда красивое в своей открытости лицо. Жан Ланн из наполеоновских маршалов погиб первым, причем красивой солдатской смертью – на поле боя. С падением империи Наполеона вдова Ланна всецело посвятила себя детям, и это несмотря на то, что у нее не было отбоя от женихов, в том числе от прославленных братьев по оружию ее легендарного мужа. Она их всех мягко, но решительно отвергала, верная памяти «первой шпаги» Франции. Позднее, уже на закате своего тернистого жизненного пути, она очень просто и доходчиво объясняла свое нежелание снова выходить замуж: «Вдова Ланна не может принадлежать никому другому!» Все дети Ланна выросли достойными своего прославленного отца. Кто-то бойко поднимался по административной лестнице, кто-то продолжил военную стезю во времена Наполеона III. Сыновья

маршала Луи Наполеон Леон (1801–1874), Альфред (1802–1861), Жан Эрнест (1803–1882), Густав Оливье (1804–1875) и дочь Жозефина (1806–1889) выросли достойными людьми. Ролланд французской армии весьма уважительно отзывался о сражавшихся против него австрийцах, пруссаках и русских, но презрительно относился ко всему английскому! Парадоксально, но двое из его четырех сыновей – Наполеон и Жан Эрнест – женились на… англичанках, причем очень состоятельных! Род Ланна не пресекся: и сегодня его потомки живут во Франции.

Многие ненавидели Ланна за его неумение ладить с коллегами, но почти все отдавали должное его безмерной отваге и несомненному военному дарованию. Даже такой смертельный враг (бывший закадычный друг), как маршал Бесьер, пересилил себя, подойдя к умирающему Ланну, чтобы пожать ему руку перед походом в… Бессмертие. Смерть Ланна лишь на время разлучила двух героев: австрийское ядро унесло жизнь Ланна, а затем, спустя почти четыре года, уже русское – Бесьера. Схожесть гибели, наверное, примирила двух воинственных гасконцев!

Нелепая смерть маршала произвела удручающее впечатление на всю армию. Все наполеоновские маршалы сняли треуголки и склонили свои рано поседевшие головы, узнав о гибели одного из лучших среди них. Каждый задумался о том, что на месте Ланна мог оказаться и он сам. У лихого гасконца не могло быть иной смерти: рано или поздно она настигла бы его на поле боя. Смерть бесстрашного Ланна оказалась невосполнимой потерей для французской армии. Он превосходил всех остальных маршалов Наполеона (за исключением, пожалуй, Даву, Массена и Сюше) глубиной военного дарования, в частности умением самостоятельно и быстро принимать верные решения и умело претворять их в жизнь имеющимися у него силами. «Как генерал он стоял выше Моро и Сульта», – признавал Бонапарт, а ведь последних он, весьма скупой на похвалу, ставил высоко. «Трудно, даже невозможно быть более отважным, чем Мюрат и Ланн, – добавлял Наполеон. – Мюрат так до конца и остался только храбрецом. В то время как ум Ланна стремительно возвысился до его отваги, и он стал гигантом». И действительно, в последние годы жизни Ланн дорос до самостоятельного управления огромными военными силами с блестящими результатами, вспомним хотя бы его единоличное руководство в начале судьбоносной для Наполеона битвы с русскими при Фридланде! «Я взял его к себе пигмеем, а потерял исполином!» – горевал Наполеон.

В день его смерти Наполеон был особенно мрачен. Состоявший при нем камердинером мамелюк Рустам подметил,

что обедавший в одиночестве император тихо плакал и «слезы текли в его ложку и тарелку».

P. S. Еще задолго до маршала Нея Ланн прослыл во французской армии «храбрейшим из храбрых». Он обладал военным чутьем и потрясающей энергией, храбростью и твердостью. Ланн прекрасно ориентировался в постоянно меняющейся обстановке битвы, и в этом ему почти не было равных. Его стихия – это авангардные бои, где он мог сполна проявить свою порывистость, решительность и неустрашимость. Вместе со своими солдатами он всегда находился впереди основной армии, первым форсировал реки, занимал плацдармы и удерживал их до подхода основных сил; первым устремлялся на захват мостов, обильно поливаемых дождем пуль и ядер! Неудержимый и бесстрашный, выносливый и сильный, он не знал усталости, он никогда не берег ни себя, ни солдат для достижения поставленной цели. Его личный магнетизм завораживал всех; его пылкий энтузиазм сметал прочь все трудности и преграды. Главными недостатками маршала, безусловно, были его приступы бесконтрольного гнева и раздражения, его ревность и склонность сильно обижаться. Порой они приводили к тому, что Ланн отказывался сотрудничать со своими боевыми товарищами. Недаром Наполеон в минуты откровенности восклицал: «Этот дьявол Ланн обладает всеми качествами выдающегося командира, но он никогда не будет первым, потому что он не может управлять своим характером; эта постоянная драчливость со своими младшими офицерами – огромный недостаток для командира». Он так и не смог побороть в себе ревность, а порой и зависть к своим товарищам-маршалам и генералам. В большинстве случаев Наполеон терпеливо выслушивал горячего гасконца, ему одному позволяя говорить правду. Причем вспыльчивый характер Ланна часто «взрывал» любую, даже самую безобидную ситуацию. Сам Наполеон позднее рассказывал, что в гневе Ланн был опасен для собеседника. Но в то же время Ланн был очень отходчив. Любое доброе слово и похвала в его адрес полностью обезоруживали этого человека. Ланн был очень сердечным и бескорыстным; его душевная щедрость приковывала к нему людей. Он никогда не забывал друзей, умел прощать ошибки.

Луи Габриэль Сюше Этот недооцененный мастер на все руки

Уже на острове Святой Елены Наполеона спросили, кого он считает самым способным французским генералом, служившим ему. Бонапарт довольно долго размышлял, потом многозначительно изрек: «Трудно сказать… – и после по театральному длинной паузы все же добавил: – Возможно, Сюше?!» Кому как не богу (и по совместительству демону) войны было лучше всего знать, кто из его архангелов достоин звания самого способного полководца? Так или иначе, но фигура Сюше осталась в тени не столь разносторонне одаренных, но зато более ярких звезд наполеоновского небосклона…

Сколь интересной, столь и недооцененной фигурой среди наполеоновского маршалата был Луи Габриэль Сюше (2.03.1770, Лион – 3.01.1826, Сен-Жозеф?) – очень способный, спокойный, уравновешенный, суровый и одновременно великодушный военачальник. Недаром скупой на похвалы Бонапарт дал ему столь высокую характеристику: «Сюше возвысился до удивительной степени в соединении качеств ума и характера». Правда, сделал он это, уже будучи в изгнании.

Ф. С. Делпеш. *Маршал Сюше.* Гравюра. 1830 г.

Луи Габриэль Сюше родился в семье то ли шелкового мануфактуриста, то ли простого торговца шелком из Лиона – города, издавна славящегося своими тканями. Его отец, Жан Пьер, полагал, что сыну следует продолжить прибыльное дело. Будучи человеком умным, он прекрасно понимал важность хорошего образования и отправил сына в частный коллеж Иль-Барб.

Но учебе, как и следовало ожидать, помешала революция 1789 г.: подобно многим своим сверстникам, юный Сюше пришел в восторг от лозунга: «Свобода! Равенство! Братство!» Луи

Габриэль «ушел в революцию», добровольно став под знамена Гражданской гвардии – особого вооруженного формирования для защиты Национального собрания, созданного в противовес королевской регулярной армии. Очень скоро ее переименуют в Национальную гвардию – первую вооруженную силу революции. В 1792 г., когда монархии Европы объявили войну революционной Франции и начали боевые действия, Сюше записывается в Ардешскую добровольческую роту. С этого момента началась его действительная военная служба. Уровень его военного дарования таков, что уже через год он становится полковником. Сюше участвует в осаде родного Лиона, восставшего против республики.

После Лиона батальон Сюше перебрасывается на юг и осаждает Тулон, на небосклоне которого засверкала комета под названием Наполеон Бонапарт. Солдаты Сюше пытаются захватить важный форт Мальбоске к западу от Тулона. Именно бойцам 23-летнего Луи Сюше удалось взять в плен английского генерала О'Хару – одного из руководителей обороны Тулона. О Сюше заговорили, и сам Бонапарт в очерке о Тулоне упомянул его: «Здесь отличился Сюше, впоследствии маршал Франции, тогда командир батальона ардешских волонтеров». Наполеон, как известно, умел быстро замечать таланты, и в его блистательной Итальянской кампании Сюше уже командует полубригадой. Луи отличается в трудном бою у Пескьеры и в 1798 г. получает чин бригадного, а через год с небольшим – дивизионного генерала.

В Египетском походе Бонапарта ему участвовать не довелось. Зато он сполна поучился «марсовой науке» у неистового старика Suvaroff. Последнему монархическая Европа поручила вернуть Италию Австрии и – чем черт не шутит? – бросить его «чудо-богатырей» на Париж. После поражений при Адде и на Треббии Директория попыталась остановить победное шествие Суворова в Италии, выставив против него одну из своих лучших «шпаг» – блестящего генерала Жубера. Все надеялись, что уж ему-то удастся остановить непобедимого русского Марса. Нашему герою выпала честь возглавить штаб армии Жубера. Они познакомились за год до этого и стали настоящими друзьями. Дошло до того, что в конце 1798 г. Сюше отказался выполнять прямой приказ военного министра о переводе в другую армию. Начальство было вынуждено пригрозить, что в таком случае его внесут в списки эмигрантов, объявленных вне закона. Однако спустя полгода Сюше вернулся на прежнюю должность в Итальянскую армию. Всем известно, чем закончилась очная встреча Жубера с грозным противником под Нови 15 августа 1799 г.: молодой полководец погиб от шальной пули в самом начале боя, а французы, ведомые

сменившим его Моро, потерпели очередное поражение. Смерть Жубера сильно потрясла Сюше.

В 1800 г. Сюше командует левым крылом армии Массена. Однако начало войны с Австрией сложилось не в пользу французов. Массена был оттеснен и блокирован в Генуе, а Сюше отступил к Вару. Отражая постоянные атаки противника, Сюше не имел возможности не только соединиться с войсками Массена, но и оказать какую-либо действенную помощь для деблокирования Генуи. После двухмесячной упорной обороны Генуи Массена все же капитулировал, и освободившиеся австрийские части начали движение в направлении главной австрийской армии Меласа. Последний быстро концентрировал все свои силы против внезапно, словно снежная лавина, обрушившейся на него с Альп Резервной армии Бонапарта, тогда – первого консула. Но Сюше не желал сидеть в глухой обороне и, видя начавшиеся передвижения противника, внезапно вышел из своих укрепленных позиций в Варе и предпринял удачное наступление. Как результат, ему удалось затормозить переброску значительной части австрийских войск к Алессандрии, чем он весьма поспособствовал победе Наполеона при Маренго.

В кампании 1805 г. Сюше командовал дивизией в корпусе маршала Ланна и отличился в Аустерлицком сражении, где успешно сражался против русского генерала Багратиона. В ходе упорных схваток на левом фланге французской армии войска Ланна, состоявшие из дивизий Сюше и Кафарелли-младшего, сумели-таки отрезать силы Багратиона от центра союзной армии.

Наибольшего успеха Сюше добился в следующей войне – против Пруссии. Кампания 1806 г. началась ожесточенной схваткой у Заальфельда. Головная дивизия корпуса Ланна, ведомая Сюше, попала под плотный ружейно-орудийный огонь пруссаков, как только сошла с гор. Огневой вал врага не выбил из колеи генерала. Он приказал стремительно атаковать противника, несмотря на то что войска следовавшего за Ланном Ожеро отстали и не успевали поддержать соплеменников. Все утро шел ожесточенный бой, и только во втором часу дня французы начали одолевать пруссаков. В отчаянной попытке остановить усиливающееся смятение в своих рядах молодой и амбициозный прусский принц Людвиг *(один из лучших в великовозрастной армии пруссаков!)* лично повел пять эскадронов кавалерии против центра французов. В завязавшейся конной сшибке принца закололи, и пруссаки беспорядочно отхлынули.

Накануне битвы у Йены именно дивизия Сюше захватила важные высоты Ландграфенберг и закрепилась там. Вечером перед сражением Наполеон прибыл в расположение дивизии

Сюше и всю ночь общался с генералом, обсуждая перспективы предстоящей схватки. На следующий день солдаты Сюше открыли сражение, наступая на острие главного удара корпуса Ланна. Неся тяжелые потери под артиллерийским шквалом противника, Сюше овладел-таки стратегически важной деревней Клозвиц, хладнокровно отражая все вражеские контратаки своей превосходной легкой кавалерией, сумел захватить 22 вражеских орудия. После сражения, когда мимо генерала вели прусских пленных, старый офицер, весь израненный и помнивший еще триумфы Фридриха Великого, обратился к Сюше с горьким вопросом: «Господин генерал, мы разбиты так же, как австрийцы при Аустерлице?» Вопрос остался без ответа.

В Польской кампании 1807 г. Сюше по-прежнему действовал в корпусе маршала Ланна. В сражении при Пултуске он продемонстрировал все качества блестящего дивизионного командира, ведя неравный бой с превосходящими силами русских. Весь день его войска ожесточенно бились за Пултуск, однако русские, обладая численным превосходством, сумели не только удержать город, но и заставить французов отступить на те позиции, с которых они пошли в бой. Даже отступая, Сюше столь умело контр атаковал, что русским постоянно приходилось вводить в дело резервы, чтобы отражать французов.

Уже тогда Луи Габриэль Сюше показал всем, чего он стоит как самостоятельный военачальник. Однако служба в корпусе блистательного Ланна оставляла генералу очень мало надежд на получение маршальского жезла. Для этого следовало обязательно выйти из-под подчинения корпусного начальника, через голову которого подняться выше было невозможно. Очень скоро судьба улыбнется Сюше: он получит новое назначение – на самостоятельное руководство крупным войсковым соединением. Но это будет потом…

…

Между прочим *, после Польской кампании дивизионный генерал Сюше становится… нет, не маршалом Франции, а «всего лишь» графом империи и в 1808 г. сочетается законным браком с девицей Ориной Антуаной де Сен-Жозеф (1790–1884). Ее мать, Роза Клари, была сестрой Жюли – жены Жозефа Бонапарта и*

Дезире Клари – жены маршала Бернадотта. Сюше быстро оценил Онорину за ее красоту, ум и душевность. Более того, она была дамой весьма мужественной, если так можно сказать о женщине. В 1810–1811 гг. Онорина сопровождала мужа, пока он воевал в Северо-Восточной Испании. Порой ей приходилось следовать за войсками даже не в карете, а верхом на лошади. Вся армия восхищалась отвагой «своей» генеральши. Их дочь Луизу Онорину, родившуюся в Сарагосе, отважная мать велела положить в стальную кирасу и затем отнести в церковь для крещения. Командиры испанских отрядов, действовавших против Сюше, прекрасно знали о храброй французской генеральше. Если кто-то из них запрещал своим бойцам не обстреливать дома, в которых останавливалась жена Сюше, то некоторые, наоборот, неоднократно пытались захватить ее в плен, но безуспешно. Это был счастливый брак, подаривший Сюше троих детей: двух дочерей и сына Луи Наполеона. Жена пережила своего знаменитого мужа почти на… 60 лет, прожив 94 года! Много позже потомки Сюше породнились с семействами Мюрата и Даву. Надо сказать, что среди потомков наполеоновского маршалата это было принято.

Сюше долго служил командиром дивизии в корпусе Ланна, и его первоклассный талант терялся в лучах заслуженной славы одного из самых лучших наполеоновских маршалов. Только в 1808 г. Луи Габриэль получил отдельный корпус в Испании и вышел из тени Ланна, который вскоре трагически погибнет в сражении под Асперном и Эсслингом. Наконец Сюше представилась прекрасная возможность показать все свои

недюжинные полководческие способности и организаторские дарования, и он воспользовался этим в полной мере.

В каком-то смысле ему не повезло: Луи Габриэлю пришлось воевать в Испании, где планы французов были обречены на провал, после того как Наполеон в январе 1809 г. перестал лично руководить ходом военных действий. Их огромная 300-тысячная армия так и не смогла подавить испанское сопротивление, поддерживаемое британским экспедиционным корпусом Веллингтона. Почти все из перебывавших там наполеоновских маршалов только подпортили свою репутацию: в самостоятельных действиях они не справились с герильясами (партизанами) и «компактной манерой» воевать (ценить людей, беречь боеприпасы и максимально использовать все особенности рельефа местности в свою пользу) Веллингтона. А вот Сюше оказался единственным военачальником Наполеона, не погубившим свою репутацию в Испании: он не потерпел ни одного поражения и к тому же там, где большинство теряли все, наоборот, еще больше возвысился. Сюше бил противника как в открытом бою (Мариа, Бельчите и Сагунт), так и во время осад вражеских городов (Таррагона, Валенсия, Тортоза и Лерида). Более того, только его корпус сумел максимально долго продержаться во вверенных ему провинциях Арагон, Валенсия и Каталония. За свои блестящие действия на Пиренейском полуострове Сюше заслуженно получил от Наполеона долгожданный маршальский жезл.

Направленный в страну, наиболее неблагоприятную для военной карьеры, он, однако, стал единственным французским военачальником, кто не только преуспел в военной сфере, но своими умелыми и великодушными административными мерами завоевал расположение испанцев, что, учитывая специфику испанской войны, было крайне трудно. Пиренейский полуостров оказался своего рода экзаменационным полем, на котором проверялись качества генералов и маршалов. Сюше единственный выдержал все испытания.

…

***Между прочим** , Сюше пришлось бороться и со слабым противником, часто весьма опасным. В той войне порой случалось, что небольшие силы французов легко опрокидывали огромные полчища испанцев, но это*

не уничтожало их армий. Каждое поражение лишь усиливало ненависть испанцев и решимость сражаться до конца. Разбежавшиеся с поля боя испанские солдаты снова вставали в строй возрождавшихся из пепла полков и дивизий, целые селения вели партизанскую войну против захватчиков, не щадя ни раненых, ни пленных. С обеих сторон война принимала крайне ожесточенные формы, и не было у нее конца. Сюше прославился именно тем, что смог заставить испанцев, как правило не выдерживающих полевых сражений, отступать в крупные крепости. Французы блокировали их, а затем штурмовали или принуждали к капитуляции плотной осадой, выводя таким образом большие массы испанских солдат из игры, отправляя их во Францию в качестве военнопленных.

Не принижая заслуг ни Массена, ни Сульта, ни других маршалов, все же скажем, что Сюше не проиграл ни одной стычки с противником на Пиренейском полуострове *(как, впрочем, и покойный Ланн)*. А ведь ему достались от Жюно, отозванного во Францию, войска в самом жалком состоянии. Он быстро провел реорганизацию корпуса и с 8 тыс. солдат вышел из Сарагосы навстречу 12-тысячной армии генерала Блейка. Численно уступая, Сюше все же смело ввязался в бой, но все его атаки были отражены, и он отступил обратно в Сарагосу. Неудача сильно подействовала на боевой дух французского воинства: многие генералы даже настаивали на оставлении Арагона. Однако Сюше не поддался общему пессимизму. Он просто вынес полезный урок из своего необоснованно поспешного наступления. Ему удалось сполна проявить недюжинный организаторский талант, внушив войскам уверенность в своих силах, повысив их моральный дух. Получив от разведки донесение о продвижении к Сарагосе англо-испанских войск, Сюше укрепил город, подвез провиант и боеприпасы. И тем не менее не стал запираться в полуразрушенном городе, а сразился с противником в открытом

поле. С 10 тыс. солдат и 12 пушками он вышел из Сарагосы и двинулся навстречу 17-тысячной армии противника. Сражение началось стычками передовых постов, но по мере вступления в бой других частей с обеих сторон оно разрослось по всему фронту. Внезапно разразилась сильная буря, которая заставила противников приостановить бой. Черные грозовые тучи заволокли все небо, и день превратился в ночь. Сюше использовал погоду в своих интересах и неожиданно для противника начал решительное наступление и вырвал-таки победу.

Руководя Арагоном, Сюше показал себя очень способным администратором, превратив его в «кусочек рая посреди ужасов ада», какой была Испания. После года правления в Арагоне Сюше решил расширить свое влияние на соседние территории, и его армия, пополненная прибывающими подкреплениями, представляла теперь грозную силу. Сюше продвинулся до Лериды и штурмом взял ее. Но при этом он не только запретил грабеж, но и отнесся к побежденным весьма умеренно и даже великодушно, т. е. так, как делал это «в своем» Арагоне.

Героическая защита Сарагосы. Гравюра. 1813 г.

Двигаясь от одного укрепленного города к другому, захватывая их, но не отдавая на разграбление солдатне, он быстро расширял свои «владения».

...

***Между прочим** , условия капитуляций Сюше не были для испанцев унизительными. Признавшим поражение гарнизонам отдавались воинские почести, офицерам сохранялось холодное оружие. Им даже позволялось брать с собой во Францию жен, если те были согласны сопровождать их. Более того, если офицеры давали слово не участвовать в дальнейших боевых действиях, им разрешали жить в Испании в населенных пунктах, где имелись французские коменданты.*

Теперь Сюше имел границу, хорошо защищенную от всяких нападений со стороны Каталонии и Валенсии. Таким образом, Луи Габриэлю удалось выполнить задачу, с которой до него не смог справиться Сен-Сир, полководец отменного дарования.

...

***Кстати** , не всегда арагонцы были довольны действиями Сюше и его администрации. Однако это нельзя было сравнить с тем недовольством и озлоблением, присутствовавшим в других областях страны. Как результат, арагонцы совершенно не желали браться за оружие и предпочитали спокойную и сытую жизнь голодному, жуткому и кровавому существованию. Сюше действовал так миролюбиво и великодушно на подвластных ему территориях, будто он был выбран законным правителем, а не был завоевателем.*

Следующей на очереди у Сюше была Таррагона. Она состояла из двух частей: верхнего и нижнего города, граничила с морем и находилась среди скал, что делало ее неприступной крепостью. Нижний город располагался на равнине и был отделен от

верхнего мощным валом и высокой стеной; со стороны моря его прикрывал английский флот. Кроме того, нижний город был тоже защищен сильными укреплениями, а форт Оливо и вовсе главенствовал над всей местностью вокруг.

У Сюше было 14 тыс. солдат, тогда как в Таррагоне окопались 17 тыс. испанцев, которых к тому же поддерживал английский флот. Более того, еще одна 14-тысячная испанская армия двигалась для деблокирования города. Сюше отдавал себе отчет, сколь непроста ситуация, в которую он попал, и все же понимал всю важность взятия города. Осада сразу же не заладилась. Огонь с английских кораблей и с форта причинял большой ущерб французам, а постоянные вылазки осажденного гарнизона не давали французам расслабиться. Первейшей задачей было немедленно взять форт Оливо, и Сюше подчинил все захвату ключевого узла в обороне Таррагоны.

Были вырыты траншеи, позволившие приблизиться к форту. И это под губительным артиллерийским огнем врага. После двухдневной и не очень-то успешной бомбардировки Сюше все же решился на штурм. Он прекрасно понимал, что если осада затянется, то он сам окажется между двух огней: с одной стороны гарнизон города и английский флот, с другой – приближающаяся испанская армия. Французский генерал сформировал две колонны и вечером бросил их на штурм. Темнота скрывала наступавших, а неожиданность нападения сулила успех. Одна из колонн отвлекала испанцев от главной атаки. Противник, не ожидавший ночной схватки и неспособный сориентироваться, открыл огонь из всех орудий.

Беспорядочный огонь испанцев заставил заговорить и пушки английских кораблей. Несмотря на яростный обстрел, французские колонны стремительно ринулись к форту. В темноте одна из них наткнулась на отряд испанцев, идущих на помощь форту. В хаосе боя французы вошли в город на плечах отступающего противника. Другая колонна, приблизившись к форту и преодолев не без труда палисады и стены, ворвалась в цитадель, которая была вскоре взята. Однако сам город продолжал оставаться в руках испанцев.

Продолжая строить осадные траншеи, Сюше продвигался вперед. Но уже на подходе была деблокирующая испанская армия, и маршалу пришлось выделить 3 тыс. человек, чтобы задержать врага. Осада затянулась, положение французов стало угрожающим. Однако французский «заградотряд» смог не только остановить продвижение испанцев, но разбить и рассеять их. После этого Сюше решил штурмом овладеть нижним городом, что ему удалось после ожесточенной схватки. Не давая отдыха ни

гарнизону, ни своим солдатам, Сюше начал возводить траншеи против верхнего города.

За это время Сюше потерял более 3 тыс. человек, но верхний город продолжал обороняться. Уже шел второй месяц тяжелой осады, и надежда на скорое взятие города забрезжила перед французами. И тут выяснилось, что 2 тыс. английских солдат, прибывших на кораблях из Кадиса, готовы высадиться на берег, а недавно разбитая испанская армия вновь собралась и двигается на помощь осажденным. Однако, к счастью для Сюше, английское командование посчитало, что полуразрушенный город не сможет долго сопротивляться. Не желая подвергать свои войска бессмысленным жертвам, англичане развернули эскадру, так и не попытавшись десантироваться. В то же время испанцы, шедшие на подмогу осажденным, в очередной раз были разбиты и снова разбежались.

На волне этих успехов Сюше с удвоенной энергией несколько раз штурмовал Таррагону, но безуспешно. Тогда он продолжил инженерные работы, а осажденные постарались сделать все, чтобы помешать им. Предчувствуя скорое падение города, но желая продать свои жизни как можно дороже, испанцы расставили пушки на каждой улице, на каждом перекрестке – везде, где могли появиться французы во время штурма, – и построили баррикады. Они открыли убийственный огонь по траншеям противника, срывая его работы и причиняя большой урон.

Невзирая на потери, в назначенный срок Сюше отдал приказ на общий штурм верхнего города. Колонны французов шли и шли на приступ! Несмотря на яростный огонь испанских батарей!! Несмотря на большие потери в собственных рядах!!! Вскоре бои перекинулись на улицы города. Ярость солдат не знала границ. Таррагона испытала все те ужасы, что случаются, когда стороны не берут никого в плен. Тем более что и испанцы сопротивлялись до последней капли крови. На улицах царила беспощадная резня.

Таррагона пала, и Сюше мог вздохнуть с облегчением. Однако радость победы сильно омрачалась бесчинствами, устроенными распоясавшейся солдатней во время уличных боев. На этот раз даже Сюше не смог избежать взрыва звериной жестокости, как бы того ни желал. Но он прекрасно понимал, что идет война или, как говорили его соплеменники, àla guerre comme àla guerre.

Взяв город, Сюше не стал задерживаться в нем и двинулся к Валенсии. Уже на марше к нему прибыл нарочный от Наполеона с неожиданно-долгожданным известием о том, что 8 июля 1811 г. в императорской резиденции Сен-Клу ему присвоили звание

маршала Франции. Получив заветный жезл, новоиспеченный маршал Франции доказал свое высокое реноме и в ближайшие дни взял Монтсерат.

Довольный успехами Сюше Наполеон вывел его войска из подчинения короля Жозефа, который формально являлся главнокомандующим всеми французскими армиями в Испании. Теперь маршал Сюше мог действовать совершенно самостоятельно. На пути к Валенсии ему предстояло подтвердить свою репутацию и правомерность полученных маршальских эполет под стенами сильной крепости Сагунто. Окружив город со всех сторон, поймавший кураж новый французский маршал начал осаду. Здесь, как и под Таррагоной, 25-тысячная испанская армия попыталась деблокировать осажденный гарнизон. Сюше пошел ей навстречу с 17 тыс. солдат и 25 октября в ожесточенном бою нанес тяжелое поражение испанцам. Вскоре Сагунто сдалась.

Взятие мощнейшей испанской крепости в Валенсии – вот вершина полководческого успеха Сюше! Все попытки гарнизона вырваться из стального кольца были отражены с большим уроном для испанцев. В плен сдалось более 19 тыс. человек, в том числе 23 генерала и 898 офицеров. Кроме того, французам досталось 21 знамя и 393 орудия.

...

***Между прочим** , всего с 1809 по 1812 г. Сюше взял в плен более 50 тыс. испанских солдат – по сути дела, целую армию.*

В Испании Сюше приходилось сражаться не только с регулярными войсками противника, но и с неистовыми фанатиками герильясами. Вести с ними переговоры или «правильную войну» было почти невозможно. Они понимали только силу оружия. Особенно дикой беспощадностью выделялся монах по имени Теабольдо. Его герильясы, прятавшиеся в монастыре Сан-Хуан де ла Пена, находящемся в труднодоступной местности, казнили французов с невероятной жестокостью: варили в кипящем масле! Сюше пришлось решать и эту проблему. Он двинул своих солдат на штурм «святой обители» изуверов-националистов. Побоище было ужасным, но монастырь взяли. Перебили даже священников и монахов, сопротивлявшихся до последнего. Именно они были главными вдохновителями испанского сопротивления и проводниками самых изощренных

методов уничтожения французов. Характерно, что наиболее жестокие меры обрушивались не только на французов, но и на тех соотечественников, которые, на их взгляд, недостаточно рьяно воевали с агрессорами!

Силой и справедливостью Сюше замирил Арагон, Каталонию и Валенсию, создав настоящий оазис спокойствия на северо-востоке Испании. Кампания Луи Габриэля Сюше в Испании будет всегда оставаться среди самых замечательных военных достижений не только маршала, но и Франции того периода. С небольшими силами, посреди враждебной территории, вынужденный вести борьбу не только с партизанскими отрядами, но и с регулярной испанской армией, численно превосходящей его силы, осаждая и завоевывая крепости, управляя завоеванными территориями, Сюше выказал все необходимые качества выдающегося военачальника и человека.

Но после краха Великой армии в России в 1812 г. Наполеон постоянно отзывал все новые и новые соединения для ведения войны против союзников на германском фронте. В результате под началом Сюше осталось лишь несколько тысяч солдат, и в апреле 1814 г. маршал вернулся во Францию. После отречения Наполеона Сюше подчинился обстоятельствам и присягнул Бурбонам, получив от короля Людовика XVIII титул пэра Франции и пост командующего войсками 5-го военного округа.

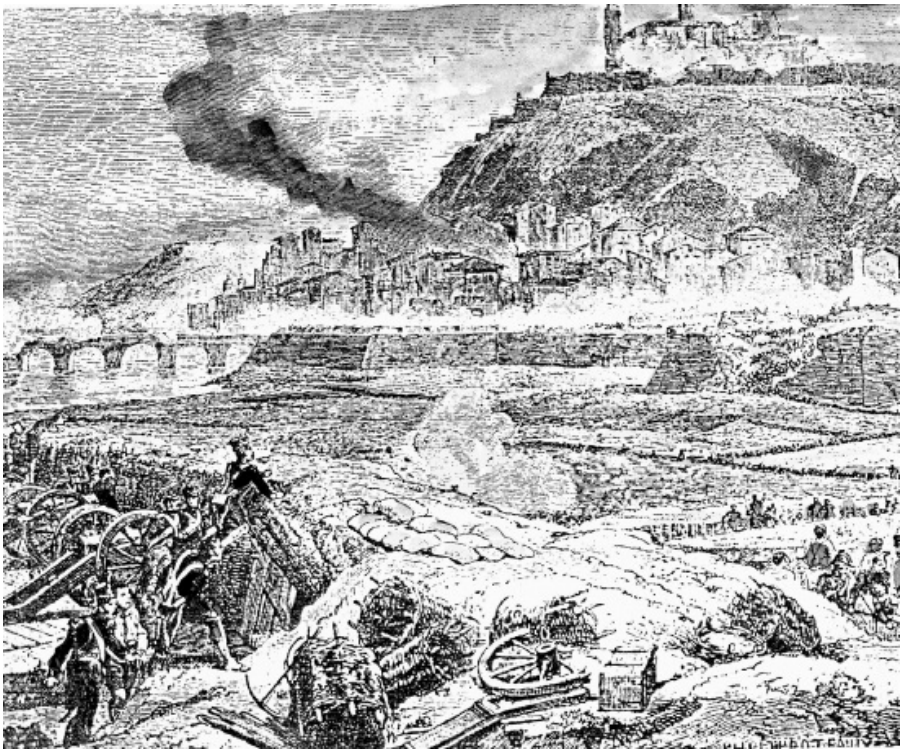
Когда в марте 1815 г. Наполеон бежал с острова Эльба и двигался к Парижу, Сюше остался верен королю, однако после бегства Людовика XVIII в Бельгию он переходит на сторону Наполеона. Не исключено, что непоследовательные «телодвижения» маршала вынудили Бонапарта назначить этого талантливого военачальника на второстепенную должность командующего Альпийской армией, оборонявшей Лион. Сюше выполнил поставленную перед ним задачу: он задержал австрийцев генерала Фримона в Пьемонте. Но судьба кампании решилась под Ватерлоо, где так не хватало Сюше. Там он был бы более эффективен на посту начальника штаба, чем Сульт, который смотрелся гораздо лучше на поле боя, чем за его пределами. Во время 2-й Реставрации Людовик XVIII лишил Сюше звания пэра и должности командующего военным округом. Герой Пиренейской войны сохранил лишь честно заслуженный маршальский жезл. Позднее король дал задний ход, но Сюше уже дипломатично вышел из игры.

...

***Кстати** , маршал Сюше пользовался большой популярностью у солдат, поскольку никогда не требовал от них невозможного и относился к ним по-человечески, а не как к пушечному мясу. Будучи дружен с Мишелем Неем, он попытался сделать все от него зависящее ради спасения «храбрейшего из храбрых» от суда и казни.*

Последние годы жизни больной герой Пиренейской войны провел на юге Франции. 3 января 1826 г. после «тяжелой и продолжительной болезни» герцог Альбуферский, маршал Франции Сюше скончался на 57-м году жизни. Вежливый, деликатный Сюше, конечно, не был самым знаменитым из маршалов, но тем не менее вместе с «железным» Даву слыл наиболее эффективным – и как полководец, и как администратор. Уже на острове Святой Елены Бонапарт сетовал, что если бы за Пиренеями у него было бы два Сюше, то «Франция, несомненно, не только полностью покорила бы Испанию, но и сохранила бы ее». Блажен кто верует… Не так ли?

P. S. Осторожный и благоразумный в составлении планов, он в то же время проявлял решительность и твердость в их осуществлении. Будучи порывистым, Сюше не был опрометчив, будучи быстрым, не был поспешным. Он вычислял свои действия прежде, чем совершал их.



Осада крепости Лерида французскими войсками. Гравюра. 1810 г.

Но если Сюше осуществлял свой план, то это был удар, подобный молнии. Его ум был настолько уравновешенным, что маршал никогда не выказывал совершенно ненужное упрямство, характерное для людей с очень сильным и слишком амбициозным характером. В зависимости от складывающихся обстоятельств Сюше мог быть осторожным или решительным, даже безрассудным, медлительным или стремительным. Он знал, когда необходимо отбросить незначительное для большей пользы. Отказываясь от меньшего преимущества, чтобы получить большее, он держал свои силы сконцентрированными в кулак, чтобы в любое время направить их для достижения цели. Впрочем, каждый читатель вправе сам сделать вывод о месте Сюше в нашей условной галерее «лучших из лучших» легатов Бонапарта.

Николя Жан де Дье Сульт Лучший мастер маневра и главный… негоциант!

Слава маршала Сульта началась с главного шедевра в полководческом наследии Бонапарта – Аустерлица. Вот как это было! Едва Даву, отступая, увлек за собой в топкую низину почти треть всей союзной армии, Наполеон приготовился бросить против ее ослабленного центра главные силы под командованием Сульта – ударные пехотные дивизии Вандамма и Сент-Илера, все еще скрытые утренним плотным туманом от глаз союзников. Нужно было только не ошибиться с моментом для смертоносной контратаки. «Сколько времени вам понадобится, чтобы привести ваши дивизии на вершину Праценских высот?» – спросил Наполеон, отрываясь от подзорной трубы, у стоявшего рядом Сульта. «Двадцать минут, сир, поскольку мои войска стоят внизу долины в пелене тумана и дыма костров!» – твердо отрапортовал маршал своему императору. «Ну что ж, тогда мы еще подождем пятнадцать минут! Пусть они поглубже увязнут в обороне Даву! Когда неприятель делает роковую ошибку, мы не должны никоим образом прерывать его!» И снова поднес к лицу свою подзорную трубу, пристально вглядываясь в центр вражеской позиции, все более и более оголявшийся согласно его хитроумному плану …

Н. Роуссе. *Маршал Сульт.* Гравюра. Около 1840 г.

И вот этот миг настал. Под давлением Александра I Кутузов отдал приказ спускаться с Праценских высот последней ударной колонне союзных войск генералов Коловрата и Милорадовича. И тогда французские мальчишки-гавроши из музкоманды Сульта дружно ударили в барабаны «В ата-а-а-ку-у-у!!!». И под хриплые выкрики командиров французы, подкрепившиеся для поднятия боевого духа тройной порцией спиртного, атаковали численно уступавших им здесь союзников: почти 27 тыс. – против 16 тыс.! Гренадеры Вандамма и Сент-Илера вынырнули из плотного седого

тумана и удушливой пороховой дымки боя внезапно, под зловещую барабанную дробь и без единого выстрела, что всегда бывает необычно и страшно, словно разжавшаяся пружина ринулись вверх по склону. Эффект от французской атаки усиливался багровыми отблесками восходящего солнца на начищенных до блеска трехгранных штыках. С расстояния в 100 шагов они быстро дали прицельно-смертоносный залп и дружно ударили в штыки на уже спускающихся солдат Милорадовича. Его люди, двигавшиеся на помощь своему левому флангу, шли неразвернутой колонной, таща пушки в хвосте. Стремительным ударом Сульт прорвал линию обороны, рассек армию противника надвое и тем самым предрешил исход Аустерлицкого сражения…

Руководитель легендарной атаки французской пехоты на Праценские высоты Николя Жан де Дье Сульт (29.03.1769, Сент-Аман-Лабастид – 26.11.1851, Сультберг) – одна из знаковых фигур среди маршалата. Этот сын мелкого нотариуса из маленького городка в департаменте Тарн был хитер и цепок. Он уже с раннего возраста отличался сообразительностью и быстрым восприятием. Правда, учился Николя Жан спустя рукава. Все изменилось после смерти отца. Мать Николя Жана не могла платить за обучение сына: дела шли все хуже и хуже. В 16 лет, не желая быть обузой матери, рано вытянувшийся, сухощавый Сульт завербовался в Королевский пехотный полк. Он с гордостью получил первое жалованье – 10 экю и с тех пор сам прокладывал себе дорогу в жизнь. Но выше сержантских нашивок в королевской армии подняться он не смог и уже хотел было заняться интересовавшим его с детства ремеслом… пекаря!

И тут «как на зло» грянула революция, и… мир перевернулся! Мутные волны революционного лихолетья открыли такие невиданные перспективы для многообещающих молодых людей, что наш смекалистый и энергичный Николя Жан быстро вырвался вперед. В 1791 г. он получил чин младшего лейтенанта и оказался в батальоне волонтеров на Рейне. Несмотря на свое хрупкое телосложение, молодой лейтенант был способен выдерживать огромные нагрузки и лишения. Он никогда не уклонялся от каких бы то ни было обязанностей, которые с каждым днем увеличивали его репутацию толкового и обязательного командира. Его военная карьера стремительно пошла в гору – выяснилось, что деревенщина Николя – отменный тактик! Он хладнокровен и рассудителен, а это особенно ценится в обороне, где надо стоять и терпеть, терпеть и стоять.

Вскоре Сульт уже – капитан. Отличившись в битве у Кайзерслаутерна, штурме оборонительных линий Вейссентуры и осаде форта Луи, Сульт уже к битве при Флерюсе (1794 г.) был

полковником и выполнял обязанности начальника штаба дивизии генерала Лефевра.

В ходе этого судьбоносного сражения Николя Жан проявил свой уравновешенный характер, трезвость суждений и хладнокровие в самые критические минуты. Когда батальоны генерала Марсо были отброшены австрийцами, их командир бросился к Лефевру, умоляя дать ему из резерва четыре батальона и обещая вернуть утраченные позиции. «Дайте их мне, – кричал Марсо, – или я потеряю рассудок». Сульт, находившийся рядом с Лефевром, спокойным голосом дал понять генералу Марсо, что время еще не подошло. Марсо, посмотрев на молодого полковника, произнес: «А вы-то кто такой?» «Кто бы я ни был, – ответил Николя Жан, – я спокоен, чего нельзя сказать о вас. Не убивайте себя, а ведите своих людей в атаку, и у вас будут эти четыре батальона, поскольку мы сумели сберечь их». Едва он произнес эти слова, австрийцы напали на дивизию Лефевра, которая защищалась стойко, однако сильный натиск превосходящего по численности противника заставил Лефевра подумать об отходе. Сульт, сохраняя спокойствие и не разделяя взглядов обоих генералов, убеждал их держаться. По его мнению, пыл австрийцев скоро иссякнет и наступит перелом в пользу французов. Так и произошло. Командующий французской армией генерал Журдан к полудню 26 июня 1794 г. предпринял неожиданную и сильную атаку против центра австрийцев. Эта контратака, в которой участвовала и дивизия Лефевра, переломила ход всего сражения у Флерюса, и французы одержали трудную, но очень важную победу. Спокойствие и уверенность Сульта в этой битве настолько поразили генерала Марсо, что после сражения последний, обращаясь к молодому полковнику, произнес: «Полковник, забудьте прошлое: в этот день вы преподали мне урок, который я не забуду никогда». За проявленную стойкость, твердость, хладнокровие и умелое руководство войсками Сульт был произведен в чин бригадного генерала.

Потом Сульт храбро сражался под Альтенкирхеном, Ланом и Фридбергом. В сражении у Герборна он, командуя тремя батальонами пехоты и шестью эскадронами кавалерии, в течение пяти часов отражал атаки превосходящих сил противника. На предложение сложить оружие он ответил отказом. Построив пехоту в две колонны и разместив кавалерию в интервале между ними, он отразил все попытки врага уничтожить его маленький отряд.

...

Между прочим *, Николя Сульт женился в 1796 г. на немке Жанне Луизе Элизабет Берг (1771–1852). Она доминировала над ним, и перед ней он дрожал как дитя – в кругу семьи он был кроток как кролик! И это человек, который очень любил застолья, был страстным ловеласом, а в армии слыл суровым воином! Даже сам Бонапарт вынужден был порой считаться с этой властной дамой. Наполеон, не терпевший вмешательства женщин в государственные дела, подчас был вынужден торговаться с прагматичной мадам Сульт по мелочам! К слову, летом 1813 г. в Дрездене, узнав о поражении под Виторией, император стал срочно искать полководца, способного исправить неудачу. Его выбор пал на Сульта. И тут Николя Жан его ошарашил: ему надо сперва получить добро на эту командировку у… жены и только потом он сможет поехать в Испанию. Так Наполеон в очередной раз столкнулся с жестким противодействием маршальши. Она категорически не желала слышать о том, что ее супругу нужно ехать в эту ужасную страну. Противостояние закончилось только после того, как Бонапарт пошел на компромисс. Получив устроившую ее «материальную компенсацию», маршальша дала добро, и ее маршал отправился командовать армией за Пиренеи. На ост рове Святой Елены Наполеон говорил: «Сульт имел свои ошибки и свои достоинства… Почти невероятно, что этот человек, столь великий везде по характеру, раболепствовал в собственном доме». Все современники, знавшие*

чету Сульт, отмечали огромное влияние супруги. Твердость ее характера и амбиции всегда одерживали верх над волей маршала, которого, между прочим, называли железной рукой. Эта женщина полностью управляла полководцем. Адъютант Сульта боевой офицер Альфред де Сен-Шаман вспоминал позднее, что он чувствовал себя провинившимся мальчонкой перед женой своего начальника! Впрочем, сам Сульт не считал себя подкаблучником. Такое бывает в семейной жизни! У Сультов родилось трое детей: Эктор Наполеон (1802–1857), Гортензия (1804–1862) и Каролина (1817). Сегодня род Сульта продолжается только по женской линии под фамилией Рейль-Сульт.

В 1799 г. Сульт сражался в Швейцарии под началом генерала Массена. Он командовал войсками, располагающимися в Гларисе, занимая своей дивизией левый берег Линта, до истоков, и часть левого берега Цюрихского озера. Против него стояли австрийцы генерала Готце. 25 сентября Массена начал наступление против русских войск Римского-Корсакова, стоявших у Цюриха, и в ходе двухдневного ожесточенного сражения разгромил их. В тот же день, когда Массена начал боевые действия против русских, Сульт переправился через Линт, наведя мост в селении Шеннис, овладел Гринау и атаковал австрийский корпус Готце. В самые первые минуты боя этот генерал был убит. Потеря его в такую минуту была для австрийцев гибельной. Русская бригада, находившаяся в селении Раппершвиль, двинулась на помощь австрийцам, но ее отбросили. Австрийцы были вынуждены отступить обратно через реку Тур. Их преследовали до селения Лихтенштейн, и они оказались отрезанными и отброшенными далеко от поля сражения. Победы Массена у Цюриха и Сульта у Линта стали единственным светлым пятном в целой цепи поражений французских армий в Германии и особенно в Италии в 1799 г.

В преддверии Маренго Сульт выполнял должность начальника штаба войск Массена и стал его правой рукой. Они уважали друг друга. Оба были очень честолюбивы. Оба были

патриотами. Но если Массене как стратегу не требовалось чему-нибудь учиться, то его помощник являлся почти новичком. Начало военных действий сложилось неудачно для Массена. Его войска оказались разрезаны, а он сам с частью войск был заперт в Генуе. Австрийская армия блокировала город со стороны суши, а английский флот, находившийся от Генуи на расстоянии пушечного выстрела, с моря.

Сначала осажденный Массена беспокоил австрийцев намного больше, нежели последние беспокоили французов. Последние делали периодические вылазки, в результате которых захватывали в плен австрийских солдат. Душой каждой вылазки осажденного гарнизона был Сульт, который своим спокойствием и неустрашимостью внушал уверенность солдатам.

Однако положение осажденного гарнизона с каждым днем становилось все хуже. И это касалось не столько военной стороны вопроса, а скорее продовольственной. Самым страшным противником, с которым пришлось иметь дело солдатам Массена и Сульта, были не австрийцы и даже не восставшее против них местное население, а голод – безжалостный и непобедимый. Все, что мало-мальски было пригодно для еды, шло в ход. Солдаты так ослабли, что караульным разрешалось сидеть на своем посту, а не стоять, как было положено по уставу.

В одной из вылазок возглавлявший атаку Сульт был ранен пулей в колено, и сопровождавшие его солдаты пытались доставить генерала в город на носилках из ружейных стволов. Однако австрийцы наседали, и быстрое передвижение причиняло раненому мучительную боль. Его пришлось оставить на поле боя вместе с братом и адъютантом. Все трое были взяты в плен и с триумфом доставлены в австрийский лагерь. Вплоть до сражения у Маренго Николя Жан находился в плену, из которого был отпущен после обмена пленными.

...

***Между прочим** , 14 июня 1800 г., находясь под стражей, Сульт услышал дальние раскаты артиллерийской канонады. (Это Наполеон подвергся атаке Меласса под Маренго.) Чтобы узнать хоть что-нибудь о происходящих событиях, он вызвал к себе австрийского врача и спросил о*

природе этого гула. «Это салют в честь победы нашего генерала Меласса», – важно ответил эскулап. Однако стрельба усиливалась с каждой минутой, и у Сульта возникали все новые вопросы. «Ничего особенного. Просто арьергардный бой», – категорично отрезал австриец. Но гром пушек удвоился, он превратился в грохот. Врач ушел, якобы чтобы выяснить, в чем дело, и… Сульт его уже больше никогда не видел. Зато скоро наш герой смог оказаться среди своих собратьев по оружию! A la guerre comme a la guerre! Не так ли?!

Возвратившись во Францию, Сульт тут же поддержал первого консула Наполеона Бонапарта – единственно из корыстных помыслов: его интересовали быстрое продвижение по службе и доходное место. Благодаря теплым, дружеским отношениям с Массена и своей репутации толкового командира он находит радушный прием у первого консула. Массена следующими словами представил Сульта Бонапарту: «По суждениям и храбрости он имеет не многих себе равных». Вскоре Сульт становится одним из четырех командиров Консульской гвардии.

В 1804 г. Сульт в числе первых 18 генералов стал маршалом Франции. Во время подготовки к вторжению в Англию Бонапарт назначил Сульта командующим 4-м армейским корпусом Великой армии. Под суровой наружностью Сульта скрывались огромная трудоспособность, проницательность и дар дипломата. Сообразительный, ловкий и хитрый, энергичный и волевой военачальник, Сульт наряду с Массена, Даву, Ланном и Сюше вошел в пятерку лучших, наиболее разносторонне одаренных маршалов Бонапарта.

Подобно Даву и Сюше, Сульт обладал выдающимися административными дарованиями и всячески поддерживал суровую дисциплину в своих войсках. С утра до вечера муштровал солдат. Методы новоиспеченного маршала оказались не по нутру многим офицерам, и они стали жаловаться Наполеону на слишком тяжелые условия, в которые командующий поставил весь корпус. При встрече Наполеон завел разговор на эту тему. На это Сульт ответил: «Те, кто не может вынести то, что я сам делаю, останутся дома; в то же время те, кто вынесет это, будут способны

завоевать мир». Наполеон все понял и лишь поощрил своего новоиспеченного маршала: ему нужна была действительно *Великая армия* , способная выполнить его грандиозные планы.

Кампания 1805 г. показала, что Бонапарт не ошибся, сделав не очень-то известного ему лично генерала Сульта маршалом и дав ему под команду целый армейский корпус. Уже под Аустерлицем Сульт показал всем, что он не только стратег, но и отменный тактик, прекрасно понимавший, когда и где надо наносить решающие удары. В сражении он демонстрировал большую энергию и проницательность, предпочитая руководить, нежели лично возглавлять атаку. Подобно Даву, Сульт обладал исключительным личным мужеством, однако был осторожен, в отличие от маршалов Нея, Ланна, Удино и Мюрата.

2 декабря 1805 г. на холмистой равнине у деревни Аустерлиц разыгралось сражение, окончившееся самой громкой победой Наполеона. Именно войска Сульта нанесли главный удар по центру армии Кутузова и захватили главенствующие над полем Праценские высоты, совместно с войсками Даву окружив наиболее многочисленную левофланговую группировку союзной армии. Когда Сульт руководил завершением атаки на ключевую позицию неприятеля, он обратился к Наполеону за дальнейшим приказом. «Продолжайте, продолжайте, мой дорогой маршал, – произнес Бонапарт, – вы знаете, что надо делать, так же хорошо, как я знаю, как закончить это дело». И затем добавил: «Мой дорогой маршал, вы превосходный тактик!»

Разгром союзной армии под Аустерлицем был полным.

Спустя год, во время прусского похода, Сульт отличился в сражении у Йены. Именно он на пару с Ланном выправил положение французов, сложившееся не в их пользу после излишне поспешной и слишком азартной атаки маршала Нея. Тогда Ожеро устремился на саксонцев, сосредоточенных на правом фланге прусской армии, Ланн ударил по центру, а Сульт атаковал противника на левом фланге. Порывистый и дико амбициозный Ней в окрестностях Йены уже несколько часов ожидал подхода остальной части своего корпуса, сгорая от нетерпения схватиться с противником. В конце концов, у Нея, видевшего, как его братья по оружию (охотники за славой!) бодро наступают на врага, сдали нервы, и он без приказа императора самочинно бросился в бой на участке между левой оконечностью центра Ланна и правым краем фланга Ожеро. Опасаясь, что вся слава достанется стремительному Ланну, он кинул свой авангард в самую гущу сражения, предоставив отчаянно искавшим его штабным офицерам возможность самим командовать его арьергардом. Сначала Нею сопутствовал успех, однако в порыве

атаки он оторвался от Ланна и Ожеро и был за это наказан! Враги отрезали его авангард. По сути дела, ему пришлось сражаться в окружении. Напор пруссаков усиливался, и «храбрейшему из храбрых» грозила гибель смертью храбрых! Лишь своевременное вмешательство Сульта, а также Ланна с Ожеро смогло исправить создавшееся по вине Нея опасное положение. Однако Ней потом открыто жалел о помощи Сульта и ворчал, что, если бы ему дали еще минут десять, он бы управился и сам.

...

***Кстати** , вместо того чтобы поблагодарить Сульта за помощь, Ней обиделся на него и стал еще одним злейшим врагом Сульта наряду с уже давно и откровенно недолюбливавшим его Бертье. Изюминка в том, что не маршал Сульт, в именно Ней явился зачинщиком этой вражды. Пройдут годы, и их отношения испортятся еще больше! Делиться славой наполеоновские маршалы не любили, тем более лучшие из лучших или самые знаменитые. Впрочем, так бывало во все времена и у всех народов! Вспомним хотя бы разборки среди военачальников Александра Македонского (еще при его жизни), или соперничество Цезаря с Помпеем, или неврастеничную реакцию русского Марса на карьерный рост других «екатерининско-павловских орлов» – Каменского-старшего, Репнина, братьев Салтыковых, Брюса, Еропкина, Эльмпта и Мусина-Пушкина.*

Преследуя разбитых пруссаков, Сульт 15 октября разбил Калькрейта у Грезена и осадил Магдебург, который сдался французам тотчас же. Потом корпус Сульта совместно с войсками Ланна, Бернадотта и Мюрата участвовал в разгроме и капитуляции Блюхера у Любека. Однако Мюрат в своем рапорте

не отметил роли Ланна, Бернадотта и Сульта в сколько-нибудь лестных словах. Будучи очень честолюбивым и амбициозным человеком, Сульт обиделся и справедливо негодовал. Так возникла новая враждующая пара среди наполеоновских маршалов.

В ожесточенном сражении с русскими у Прейсиш-Эйлау войска Сульта должны были взять на себя самую незавидную роль – провести сковывающую атаку. Ему был дан приказ нанести как можно больше потерь русским, и прежде всего задержать начало их главного наступления! Хотя бы до того момента, когда появятся Даву на крайнем правом фланге и, возможно, корпус Нея на крайнем левом фланге. Тогда бы нивелировалось численное превосходство русской армии над наполеоновской: поначалу французов было менее 50 тыс. с 200 пушками против 67–68 тыс. русских с 400 пушками. Однако с этой задачей Сульт справился всего лишь на «троечку с большим минусом».

Когда утром началась артиллерийская канонада, Наполеон приказал маршалу провести угрожающую демонстрацию, направленную против правого крыла русских генерал-майора Н. А. Тучкова – одного из пяти знаменитых на всю Россию своим доблестным служением родине братьев Тучковых (Алексе, Никола, Серге, Павла и Александра), будущего героя Отечественной войны 1812 г. Этой атакой Бонапарт попытался отвлечь внимание Беннигсена от левого фланга русских, по которому позднее французы планировали нанести главный удар силами Даву. С юга уже приближалась дивизия генерала Фриана, шедшая во главе корпуса Даву. В соответствии с приказом Сульт лихо продвинулся вперед и оттеснил войска Тучкова. Но около 9 часов утра правый фланг русских при поддержке 60 орудий пошел в наступление по замерзшим озерам и болотам, чтобы нанести удар по дивизии Леваля. Началась отчаянная схватка, большая часть солдат Сульта была оттеснена к Эйлау, хотя Мельничная гора осталась в руках французов. В то же время массы русской кавалерии бросились в мощную атаку против колонн Фриана, развертывавшихся вдалеке.

Вскоре положение на обоих флангах очень озаботило Наполеона. Он не рассчитывал, что Сульту придется так скоро отступить с потерями, и не ожидал, что дивизия Фриана на юге так быстро привлечет внимание кавалерии русских. Более того, сражение пошло совсем не так, как хотел Наполеон. Корпус Ожеро оказался брошен в плохо подготовленную атаку на русский центр генерала барона Ф. В. фон дер Остен-Сакена, где у русских было больше всего сил, а также самая мощная батарея из 70 пушек генерала Левенштерна, умело прикрытая с фронта

Московским и Шлиссельбургским полками. Как это ни парадоксально, но большому мастеру артиллерийских «сюрпризов» Наполеону не удалось своевременно обнаружить эту «домашнюю заготовку» русских, и нарвавшийся на ее картечный огонь корпус Ожеро понес огромные потери.

Чтобы предотвратить прорыв своего центра гвардейской пехотой врага, императору пришлось срочно бросить в контратаку всю кавалерию Мюрата и часть гвардейской кавалерии. Она не только остановила царскую гвардию, но и привела в смятение всю центральную группировку русской армии. Наступление Даву против русского генерала А. Н. Остермана-Толстого, еще одного будущего героя Отечественной войны 1812 г., было удачным. Ему удалось сломить сопротивление левого фланга русской армии, где у них было меньше всего орудий (всего лишь 40!), и даже выйти в его тыл. Однако отсутствие поддержки Нея, который должен был появиться на правом фланге русских и атаковать его, свело на нет весь успех Даву. Беннигсен бросил против прорвавшегося Даву прибывший прусский корпус Лестока *(Ней опрометчиво упустил его)* и вынудил французов отойти.

Любопытно, но основную часть сражения Сульт практически бездействовал. Это покажется невероятным, но, когда войска Даву прорвались в тыл русской армии и дорога в Россию оказалась перерезана, войска Сульта не двигались с места. После того как утром русские дали чувствительный отпор войскам Николя Жана, «лучший знаток маневра» более не решался беспокоить Тучкова. Это позволило одному из героев Аустерлицкого сражения полковнику А. П. Ермолову *(будущей культовой фигуре русской армии)* сняться с противостоявшего Сульту правого крыла со своей конной артиллерией. Галопом прискакав на левый фланг к месту прорыва французов, он стремительно развернул все свои 36 пушек и ураганным картечным огнем в упор уложил неприятеля в глубокий снег и остановил его наступление. Ермоловские батареи стреляли так быстро, четко и метко, что в воздухе постоянно кружились обломки оружия, взлетали каски, кивера, оторванные ноги лошадей и руки всадников, сжимающие сабли! Понеся ощутимый урон, солдаты Даву остановились.

Наполеон был поражен видом поля недавнего сражения, на котором грудами лежали тела русских и французских солдат. «Нам нанесен огромный урон», – говорил он Сульту. «Ну да ведь и наши пули тоже не из ваты», – мрачно буркнул маршал, намекая на то, что и русские также понесли огромные потери.

Продолжая разговор с императором, маршал настаивал на том, чтобы армия оставалась на местах и не предпринимала

ничего, что напоминало бы отступление. «Остерегайтесь делать это, сир, – говорил Сульт, – оставьте войска на поле битвы, и слава победы достанется вам; от того, что я увидел, я ожидаю, что противник за ночь отступит». Так и произошло: русский главнокомандующий генерал Беннигсен раньше Наполеона отдал приказ отступать.

...

***Кстати** , после Тильзитского мира с русскими, положившего конец войне, Наполеон присвоил Сульту титул герцога Далматского. Любопытно, но это вызвало у Сульта большую досаду. Он рассчитывал, что император даст ему титул, связанный с битвой, где он отличился, т. е. под Аустерлицем! Как это случилось с Даву, ставшим герцогом Ауэрштедтским. Однако Бонапарт, подобно многим великим полководцам, отказался делить славу Аустерлица с кем-либо из своих соратников. Слава для военных – нечто такое, чем они делятся крайне неохотно, если вообще делятся.*

После окончания Эрфуртских переговоров с русским царем Наполеон, недовольный действиями маршала Бесьера в Испании, приказал Сульту возглавить его корпус. Так началась испанская страница в военной карьере маршала, возможно, не самая яркая и плодотворная, не всегда успешная, но очень напряженная. Так, ему пришлось участвовать в знаменитой изматывающей погоне Бонапарта по горам за постоянно ускользавшим от него экспедиционным корпусом английского генерала сэра Джона Мура.

Тогда, чтобы ободрить усталых солдат, император шел вместе с ними пешком по снегу, по горным перевалам, рассчитывая нагнать неприятельский арьергард и, принудив его к бою, задержать отступление Мура. Сульту был направлен приказ срочно двигаться к Мансилье, угрожая ударить во фланг англичанам.

Несмотря на все старания маршала Сульта, который гнал

своих солдат по дороге из Мансильи в Асторгу в попытке упредить англичан, Мур все же выиграл эту гонку и вошел в город. Первоначально он планировал остановиться здесь и перейти к обороне. Однако физическое и моральное состояние его войск и то, что они испытывали нехватку во всем, заставило Джона Мура продолжать отход до Ла-Коруньи, а там ожидать эвакуации британским королевским флотом, которому уже передали приказ прислать корабли к предполагаемому сроку и в необходимых количествах.

Наполеону же пришлось срочно оставить войска и отправиться в Париж, откуда он получил письма тревожного содержания, требующие его личного присутствия: два «серых кардинала» Талейран и Фуше «снюхались» и замышляли нечто против Бонапарта. Поэтому он поручил дальнейшее преследование англичан герцогу Далматскому, увеличив его силы до 30 тыс. штыков и 6 тыс. сабель. Маршал Ней с 16 тыс. солдат мог при необходимости оказать ему поддержку.

После отъезда Наполеона Сульт продолжил попытки настичь неуловимого британского противника и отрезать его от портов эвакуации. И все-таки Мур все время ухитрялся быть на один переход впереди своих преследователей и первым достиг Ла-Коруньи. Однако кораблей в бухте не оказалось, а авангард Сульта уже готовился навалиться на прижатых к морю британцев. Но герцог Далматский достаточно хорошо знал англичан и их отчаянную храбрость в защите «последнего окопа», поэтому он был крайне осторожен и поджидал подхода всех своих отставших частей, прежде чем решиться на большую атаку. Возможно, осторожность и промедление маршала в итоге спасли англичан. По крайней мере, у Мура появилось время, и он успел полностью переодеть, перевооружить и накормить своих голодных и оборванных солдат, используя обширные склады Ла-Коруньи. А затем на горизонте показались долгожданные корабли, и к вечеру Мур начал эвакуацию раненых, лучших лошадей и нескольких пушек. За ними последовала кавалерия и канониры, и вскоре на берегу против окружавших сил Сульта оставалось только 15 тыс. пехоты и 200 артиллеристов. Увидев лес мачт в заливе Ла-Коруньи и лодки, непрестанно сновавшие между берегом и кораблями, герцог Далматский понял, что нужно наносить удар немедленно, иначе его жертва ускользнет. У него было не менее 15 тыс. пехоты и 4500 кавалерии, и он бросил все свои войска в атаку против англичан.

Сражение продолжалось даже вечером, но британцы упорно удерживали свои позиции, ни одна французская атака не увенчалась успехом и не сдвинула врага с места ни на шаг.

Однако ближе к вечеру английская армия понесла невосполнимую потерю – ее храбрый командир был ранен пушечным ядром в левое плечо. Видя, что его солдаты успешно отражают атаки французов, Мур позволил унести себя в тыл. Рана была ужасна: плечо было раздроблено, рука висела на куске кожи, ребра в области сердца сломаны и обнажены, грудные мускулы разорваны. Когда солдаты положили Мура на одеяло, рукоятка его сабли вошла в рану. Капитан Хардинг, офицер штаба, находившийся рядом со своим командиром, попытался вытащить ее, но Мур остановил его словами: «Пусть будет так, как есть. Я предпочел бы унести ее с поля вместе с собой». К тому времени, когда французы наконец отошли назад зализывать раны, уже спустились сумерки, а сэр Джон Мур был мертв. Его похоронили в цитадели Ла-Коруньи.

Узнав о смерти своего храброго противника, Сульт впоследствии установил памятный знак на месте ранения Мура.

Итак, Сульт достиг своей цели и сбросил противника в море. Престиж империи был восстановлен.

Перед отъездом во Францию Наполеон составил план для систематического покорения всего Пиренейского полуострова. Основной базой, осью для захвата Испании, должна была стать Португалия. Император направил туда армию Сульта для захвата Лиссабона и изгнания англичан. Отчасти это ему удалось. После бегства португальской королевской семьи престол оказался вакантным. Это обстоятельство подогревало амбиции и честолюбие герцога Далматского. Вдали от беспокойного императора, а также шумных соперников ему показалось, что именно он должен стать новым монархом страны. Если уж зять Наполеона Мюрат мог управлять Неаполем, то Николя Сульт вполне был в состоянии управлять Португалией! Вскоре он так далеко зашел в своей идее провозглашения себя королем Португалии Николой Первым, что в штабе Сульта начали опасаться за его рассудок и всерьез обсуждали возможность ареста маршала.

Однако у сэра Артура Уэлсли, будущего герцога Веллингтона, были свои планы на Португалию, и, высадившись однажды утром в Португалии, он вынудил Сульта стремительно ретироваться. Герцог Далматский успел пробиться через горы и соединиться в Луго с маршалом Неем, который тут же не преминул поиздеваться над своим спасителем под Йеной. Враждебность между маршалами достигла высшей точки, что чрезвычайно пагубно сказалось на положении французских войск в Испании.

Неизвестный художник. *Сражение при Йене.* Литография. 1825 г.

Безудержное честолюбие и жадность до титулов и чинов стали основной причиной неудачи Сульта в Португалии и не прибавили маршалу воинской славы. Император приказал Бертье написать Николя Жану выдержанное в суровых выражениях предостережение и обязать его «перестать разыгрывать из себя осла». Недовольный действиями Сульта, Наполеон назначил командовать Португальской армией маршала Массена, которому поручил взять Лиссабон. Герцог Далматский, оскорбленный тем, что его подчинили Массена, соединиться с армией последнего не пожелал. Известие о том, что два талантливых маршала не выполнили возложенное на них поручение, разумеется, было очень неприятно Наполеону и привело его в величайшее раздражение. Однако раскаты грома, раздававшиеся в Париже, долетали до Сульта слабым эхом и не производили на него никакого впечатления. Герцог Далматский действовал так, как считал нужным, не прислушиваясь ни к каким приказам и советам. В глазах маршала оккупированная им Андалусия обладала большими ресурсами, а также имела лучшие условия для базы, с которой хорошо оснащенные войска могли угрожать Лиссабону. Здесь, в благодатной Андалусии, он почувствовал себя полновластным хозяином.

Во время своего «проконсульства» в Андалусии Сульт окружил себя такой роскошью, превзошел все мыслимые границы.

Словно вспомнив о прежних хозяевах этого благословенного края – маврах, сын нотариуса буквально утопал в восточной неге. Приемов удостаивались в основном нужные посетители: жаждавшие личных выгод корыстные поставщики и ловкие спекулянты. Подобно наместнику Царя Небесного, он карал и миловал. Кроме того, обладая неплохим вкусом, Николя Жан принялся активно экспроприировать-коллекционировать произведения искусства. Конца и края этой житейской «слабости» маршала не было видно!

Знатоки-эстеты отмечали, что этикет, принятый при «дворе» герцога Далматского, намного превосходил по пышности даже церемонии самого императора в Тюильри! Его роскошный дворец в Севилье обычно бывал переполнен какими-то тыловыми офицерами, армейскими и гражданскими чиновниками, красавицами всех мастей, но подчас сомнительной репутации. Но и это великолепие меркло по сравнению с воскресными выходами маршала к мессе. В такие дни отборные батальоны в полной парадной форме выстраивались шпалерами от резиденции наместника Андалусии до врат кафедрального собора. Ярко светило испанское солнце, били барабаны, склонялись боевые знамена, солдаты брали на караул, офицеры салютовали шпагами, и посреди всего этого пиршества красок и звуков торжественно шествовал маршал империи, герцог Далматский в блестящем окружении генералов и многочисленной свиты. При этом Сульт находил особое удовольствие в том, чтобы приветствовать войска и до отказа заполнявшие площадь народные массы величественным и одновременно милостивым жестом, тщательно скопированным им у самого Наполеона.

Пока Сульт наслаждался в Андалусии, маршал Массена, дойдя до Лиссабона, наткнулся на сильные укрепления англичан у Торрес-Ведраса. Простояв долгое время около них и поняв, что взять их вряд ли удастся, Массена возвратился в Испанию, так и не покорив Португалию. Естественно, поддержки Сульта он не получил, несмотря на все мольбы, а также приказы Наполеона.

Пока герцог Далматский царствовал по полной программе сэр Артур Уэлсли не дремал. Он осадил Бадахос. Пришлось Сульту оставить «мирские радости» и снова заняться своим кровавым ремеслом. Под Альбуэрой он наткнулся на британские позиции.

Веллингтон разместил свои войска вдоль горного хребта, протянувшегося на три мили. Сражение началось атакой французской кавалерии, но вскоре двинулись массивные колонны Сульта и стали подниматься на высоты. Артиллерия с обеих сторон вела сильный обстрел. Французы несли большие потери от

прицельного артиллерийского и ружейного огня англичан, но упорно продвигались вперед. Ожесточенные и кровопролитные схватки не прекращались ни на минуту; атаки пехоты сменялись кавалерийскими наскоками. Герцог Далматский, несмотря ни на что, гнал своих солдат на штурм высот, и его настойчивость начала приносить плоды. Показалось, что центр англичан стал подаваться назад.

Однако на рванувшихся в последнюю атаку французов со всех сторон обрушился такой шквал ружейного огня, что мгновенно поредевшие колонны остановились. Сульт пытался развернуть солдат так, чтобы усилить эффективность своей артиллерии. Однако огонь английских стрелков был настолько быстр и точен, что все усилия маршала сводились на нет. Ряды французов заметно таяли, но они продолжали верить в успех своего предприятия и упрямо шли вперед. Сульт всеми средствами старался перехватить инициативу и довести сражение до победного финала. Его громоподобный голос, подбадривающий солдат, был слышен сквозь грохот сражения. Однако ни усилия герцога Далматского, ни доблесть и решимость французских солдат ничего не могли поделать с невиданным упорством и стойкостью английской пехоты.

С наступлением сумерек сражение закончилось. 15 тыс. человек остались лежать с обеих сторон на этом кровавом поле – на холмах и в долине. При этом потери англичан были очень серьезны: двое из каждых троих! Лишь стойкость и отвага нижних чинов спасли тогда Веллингтона от больших неприятностей.

Обе армии остались стоять друг против друга. Однако это не помешало Сульту объявить о своей победе. Правда, вместо того чтобы как победителю оставаться на поле битвы, маршал на следующий день отвел войска, что было явным промахом с его стороны. Если бы французы остались на прежних позициях, то Сульт показал бы англичанам свою уверенность и силу, и следствием этого, по всей вероятности, было бы снятие осады Бадахоса, обложенного Веллингтоном.

После малоэффективного кровопролития под Альбуэрой Сульту полагалось соединиться с Португальской армией, которую возглавлял Мармон. Однако и с ним Сульт не нашел общего языка. И оба маршала «разошлись как в море корабли»: Сульт предпочел остаться в «родной» Андалусии и двинулся на юг, чтобы захватить Кадис и Гибралтар. До конца 1811 г. он бездействовал, как, впрочем, и весь 1812 г., пока император воевал на бескрайних просторах Святой Руси.

Затем, 6 января 1813 г., прибыла важная новость в виде знаменитого 29-го бюллетеня, выпущенного по дороге в Вильно, –

прокламации, в которой говорилось о катастрофе, постигшей Великую армию в России и погрузившей Францию в траур своей горькой правдой.

Маршала Сульта срочно отозвали во Францию, и он принял участие в победной для Наполеона битве при Баутцене в 1813 г. Возможно, Сульт пробыл бы при Наполеоне до конца кампании, но 21 июня 1813 г. около Витории французская армия потерпела сокрушительное поражение от Веллингтона. Надо было спасать положение на злополучном испанском фронте. Сторговавшись с меркантильной мадам маршальшей, Бонапарт отправил Сульта в Испанию. Надо отдать ему должное, там он выказал столько энергии и инициативы, сколько не проявлял уже восемь лет с момента своей яростной атаки на Праценские высоты при Аустерлице. Ему, и только ему, был доверен ключ от задней двери во Францию, и Сульт намеревался удержать ее любой ценой.

Прибыв в армию, герцог Далматский сумел довести свои силы до 60 тыс. человек. Правда, объединенная англо-испано-португальская армия Веллингтона, действовавшая между рекой Эбро и Пиренеями, насчитывала до 128 тыс. солдат. Поэтому боевые действия для французов свелись к тяжелым арьергардным боям, в которых они несли существенные потери.

Веллингтон планомерно теснил Сульта к французской границе, но, видя как мастерски Сульт огрызался при любой представившейся возможности, действовал предельно осторожно.

В 1814 г. французы Сульта продолжали медленно отступать, цепляясь за каждый рубеж, пригодный для обороны. Бои шли почти непрерывно. Несмотря на малое количество сил, Сульт сражался упорно, и англичане платили высокую цену за продвижение вперед. Пока Сульт и Веллингтон маневрировали перед Тулузой, союзники вступили в Париж, и 6 апреля 1814 г. Наполеон отрекся от престола.

Входя в Тулузу и укрепляя ее для отпора войскам Веллингтона, Сульт не знал о последних событиях, происшедших в Париже. Не знал о них и Веллингтон. Полковник легких драгун Понсонби, который привез новость об отречении из Бордо в Тулузу, мчался так же быстро, как другие курьеры, но он опоздал и не мог предотвратить последней битвы 1814 г. – предпоследней встречи Сульта и Веллингтона на поле боя. В сражении при Тулузе 36 тыс. французов противостояли 54-тысячной союзной армии Веллингтона.

В чем-то два противника были похожи. Оба предпочитали оборону, были осторожны в суждениях. Но Веллингтон постоянно наступал, а Сульту приходилось столь же методично отходить. В

этом и было неоспоримое превосходство сэра Артура Уэлсли. Чтобы выиграть битву под Тулузой, Веллингтон был вынужден пойти на риск, чуждый его натуре. Не имея возможности форсировать Гаронну ниже города, он начал переправу через реку выше по течению, но, когда авангард его армии оказался на правом берегу, мост обрушился, и в течение трех дней эти английские силы были уязвимы для атаки французской армии. По всей вероятности, Сульт не располагал точными сведениями о силе переправившегося английского авангарда и поэтому не решился ввязываться с ним в бой. Он предпочел сидеть за своими водными укреплениями и длинным кряжем Монрав, который поднимается на высоту между Тулузой и рекой Эр. Пожалуй, это был единственный просчет французского командующего в данной ситуации.

Веллингтон сделал ставку на две отдельные атаки кряжа – с севера и с юга. Одновременно с ними начались отвлекающие атаки на мост через канал с севера и на укрепленный пригород Сен-Сиприен на западном берегу Гаронны. Сражение было жестоким и кровопролитным. Только к ночи англичане смогли зайти во фланг всем укрепленным позициям Сульта, и французы отступили в город. С наступлением темноты сражение затихло. Англичане остались на вершине господствующих высот. Потеряв чуть более 3200 человек, французы оставили редуты и отошли за канал. Веллингтон лишился 5665 человек.

В 9 часов вечера Сульт созвал военный совет. Обсуждался только один вопрос: возобновлять сражение на следующий день или оставить город без боя. Моральный дух войск оставался весьма высок. Но одного желания оказалось недостаточно. Город больше не был защищен линией внешних укреплений. В свою очередь, войска Веллингтона занимали господствующие над Тулузой высоты и обладали численным преимуществом.

Сульт, как и другие члены военного совета, резонно опасался, что штурм города приведет к уличным боям, пожарам, грабежам и насилию над мирными жителями, как это случилось во время взятия Сан-Себастьяна. Исходя из этих соображений, все члены совещания высказались за оставление Тулузы. Но при условии хотя бы одного дня отдыха для армии. А будет ли такой день, никто с уверенностью сказать не мог. Многое зависело от действий английского командования.

На следующее утро Веллингтон не предпринял никаких шагов: он решил дать своим войскам передышку. Французы немедленно воспользовались этим. В ночь на 12 апреля французская армия покинула Тулузу. Днем в город вступили англичане. Вскоре Сульт получил известие об отречении

Наполеона. В войсках стали зачитывать приказ герцога Далматского о принесении присяги новым властям.

Хотя Веллингтон выиграл это сражение, но чести своей войска Сульта не посрамили. Позднее сэр Артур Уэлсли высказал высокое мнение о достоинствах Сульта, считая, что среди маршалов Наполеона он уступал только Массена.

Война на Пиренейском полуострове закончилась. Она длилась более шести лет без перерыва, и только по английским сообщениям французы потеряли убитыми, ранеными и пленными более 200 тыс. человек. На полуострове сложили головы более 40 тыс. англичан. Обе армии научились с уважением относиться к боевым качествам друг друга. Для солдат Веллингтона Сульт стал своего рода кумиром. Они считали его храбрым противником и честным бойцом, и это мнение сослужило ему хорошую службу в старости. Из всех маршалов Наполеона только Сульт вызывал уважение у чопорных англичан. Более того, с течением времени его даже стали рассматривать как стратега, дарование которого равнялось дарованию Массена и самого Наполеона. И это при том, что в противостоянии с Веллингтоном он все время проигрывал и отступал, но с каждым сражением его полководческая репутация только укреплялась.

...

***Между прочим** , военную репутацию в Испании укрепили только двое из наполеоновских маршалов: Сульт и Сюше. Первый из них – своим великолепно проведенным отступлением перед превосходящими силами Веллингтона, сопровождавшимся упорными арьергардными боями (напомним, что отступление – самый сложный вид боя), а второй – успешным управлением оккупированной им территорией и обороной Валенсии и Каталонии.*

Прибыв в Париж, Сульт присягнул на верность Бурбонам и вскоре был назначен королем Людовиком XVIII военным министром. Однако первое, что сделал герцог Далматский на своем новом посту, это предал военному суду отчаянного

генерал-полковника гвардейских конных гренадер Реми Жозефа Эксельманса, обращаясь к которому Наполеон однажды воскликнул: «Невозможно быть более храбрым, чем вы!» Повинуясь распоряжениям короля и его окружения, Сульт выпустил декрет, предусматривавший изгнание из Парижа ряда наполеоновских офицеров. Лихой кавалерист-рубака Эксельманс, естественно, отказался выполнять этот декрет, считая его своеобразной чисткой офицерского корпуса и попыткой устрашения. Это разъярило ультрароялистов, и под их давлением герцог Далматский предал храброго генерала суду военного трибунала. Помимо неподчинения приказам военного министра, Эксельмансу вменялось в вину сношение с неаполитанским королем Мюратом, шпионаж, оскорбление короля, ослушание и нарушение присяги. Но, несмотря на огромное давление на суд со стороны королевского правительства, прославленный командир «больших сапожищ» Эксельманс в январе 1815 г. был оправдан, что явилось огромнейшей победой всех военных.

При высадке Наполеона во Франции, в марте 1815 г., позиция герцога Далматского показалась королю двусмысленной. Более того, окружение короля вынудило Людовика XVIII отправить маршала в отставку. Потеряв кресло министра, Сульт удалился в свое имение Вильнев-л'Этан. После того как Наполеон вернул себе власть, Сульт встретился с императором. О чем говорили эти два человека – неизвестно, но через несколько дней Сульт был назначен начальником штаба формирующейся Северной армии. Вскоре выяснилось, что Сульту не по плечу новая должность. В ней маршал оказался несостоятельным, совершал грубые ошибки и досадные промахи. В итоге он оказался неспособным заменить бывшего начальника штаба маршала Бертье. Накануне битвы при Ватерлоо Сульт, понимая всю важность этого сражения, умолял императора отозвать хотя бы часть войск маршала Груши. После завтрака на ферме Ле-Кайю Наполеон сделал оптимистические заявления. «Противник численно превосходит нас более чем на четверть, – говорил он. *(На самом деле под командованием английского герцога находилось около 49 608 пехотинцев, 12 408 кавалеристов и 5645 пушкарей при 156 орудиях – всего 67 661 человек; французский император располагал почти 48 950 пехотинцами, 15 765 кавалеристами и 7232 канонирами при 243–246 пушках – всего 71 947 человек.)* – Тем не менее в нашу пользу примерно 90 шансов, да и остальные десять – не против нас». Сульт не был настроен так оптимистично.

...

***Между прочим** , из маршалов Наполеона Сульт лучше всех знал тактику англичан. Ведь он сражался с англичанами, пройдя с боями буквально всю Испанию. Он высказал мнение, что герцог Веллингтон – способный генерал, а английские солдаты – грозный противник. «Вы считаете Веллингтона сильным полководцем лишь потому, что он смог победить вас, – уколол Наполеон своего начальника штаба. – А я говорю вам, что он слабый полководец и что у англичан плохая армия. Мы с ними быстро разделаемся». – «Надеюсь, что это так», – только и смог ответить Сульт. Его талант полевого командира так и не был использован Бонапартом под Ватерлоо против его «хорошего знакомца» и обидчика Веллингтона, манеру боя которого Николя Жан изучил за годы противоборства в Испании. Впрочем, что это меняет? Бонапарт был обречен, и даже победа в той битве уже мало что решала в его дальнейшей судьбе. Не так ли?*

В атмосфере паники, распространившейся после Ватерлоо, Сульт вел себя очень порядочно и не только сделал все возможное, чтобы собрать беглецов, но и обнаружил исчезнувшего Груши. Ему продолжало везти. Он пробрался в свои родные места и был вовремя предупрежден, что его имя числится в «проскрипционных» списках тех, кто во время «Ста дней» перешел на сторону Бонапарта, и он подлежит расстрелу. Это предупреждение Сульт получил от одного английского офицера и джентльмена *(все ветераны войны на Пиренейском полуострове относились к своим противникам с теплым чувством)*. Он воспользовался услугами одного из своих друзей, который, располагая дилижансом, перевез его на территорию Берга, где тот и провел в изгнании четыре года со своей женой и написал мемуары.

Только в мае 1819 г. опальному маршалу было дозволено

вернуться во Францию, а в январе 1820 г. ему были возвращено звание маршала Франции, а также титул герцога Далматского. Однако никаких должностей он не получил и продолжал оставаться не у дел.

За время наполеоновских войн Сульт не только воевал, но и вывез «целый обоз» произведений искусств, к которым был неравнодушен. Его знаменитая художественная коллекция начала формироваться в Италии. Однако именно походы в Португалию и Испанию пополнили собрание маршала подлинными шедеврами живописи и скульптурными работами старых мастеров. Собирание произведений искусства рассматривалось Сультом как наиболее выгодный способ вложения капитала. Сколотив приличный капитал, теперь он жил на очень широкую ногу. Прошло много лет, и после смерти герцога Далматского все эти бесчисленные полотна и изваяния были проданы на аукционе, длившемся три дня, почти за полтора миллиона франков – сумма по тем временам астрономическая. При этом одну лишь картину Мурильо «Непорочное зачатие» оценили в 586 тыс. франков.

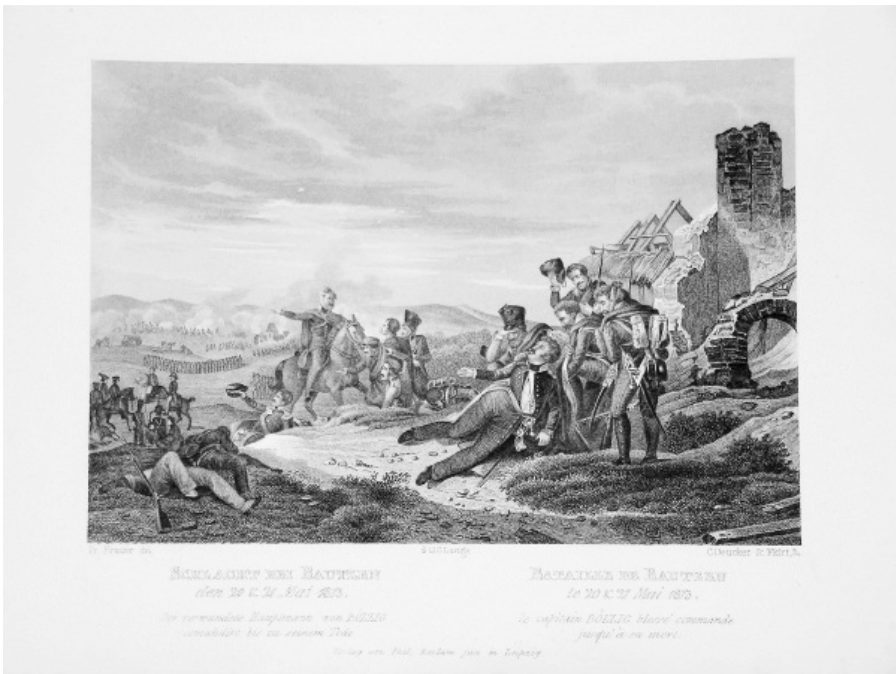
С падением династии Бурбонов в 1830 г. старый маршал встал на сторону нового короля Луи Филиппа, от которого получил кресло военного министра, но через два года спустя Луи Филипп отправил его в отставку. Спустя годы Сульт узнал новость, которая не могла оставить его равнодушной. Прах императора Франции Наполеона Бонапарта возвращался домой и готовился занять самое почетное место в Доме инвалидов. Церемония была весьма впечатляющей. Несмотря на жестокую стужу, на погребении присутствовали почти все оставшиеся в живых бонапартисты. Были там и четверо из шести последних маршалов: Сульт, Монсей, Удино и Груши. Мармон и Виктор уклонились.

Несмотря на то что Сульт уже давно не играл особой роли в политической и общественной жизни страны, Луи Филипп в 1847 г. присвоил старому воину высшее воинское звание маршала-генерала Франции, которое до него имели только трое: Тюренн, Виллар и Мориц Саксонский.

Остаток жизни старый маршал прожил в родном городе Сент-Амане среди своих «трофеев» – картин, скульптур и других произведений искусства, привозимых после каждого военного похода. Маршал был очень привязан к местам, где провел детство, и вовсе не хотел быть похороненным рядом с другими маршалами на переполненном парижском кладбище Пер-Лашез. Он приготовил себе место на провинциальном кладбище, где и был погребен. Сульт скончался в Сент-Амане 26 ноября 1851 г. Сейчас его родной город носит название Сент-Аман-Сульт.

P. S. Сульта отличали огромное честолюбие и политическая беспринципность. Он служил всем режимам, сменявшимся во Франции с конца XVIII и до середины XIX в. Его тяжелый и хитрый характер настраивал против него многих соратников и офицеров армии. Даже его собственный штаб никогда не любил маршала. Самыми отвратительными чертами его характера были жадность, тщеславие и воровство. Подобно Массена, Сульт брал все, что плохо лежало. Правда, в отличие от Массена, Сульт предпочитал брать все самое ценное, благо знал в этом толк. Не зря его дом скорее напоминал музей, нежели жилище. Недаром Наполеон потом иронично сетовал: «Мне следовало… расстрелять Сульта, самого большого грабителя из них». Как военный Сульт обладал выдающимися качествами военачальника, в частности огромной работоспособностью и глубоким умом. Наряду с маршалом Даву Сульт отличался стратегическим мышлением; он великолепно изучал страну, где воевал; перед битвой он внимательно и дотошно осматривал всю местность предстоящего сражения. Однако, как считал победивший его герцог Веллингтон, Сульт имел существенный недостаток: «…он знал, как привести и расположить войска на поле битвы, но он плохо представлял себе, как использовать их в ходе сражения». Примерно такую же характеристику дает маршалу Наполеон на острове Святой Елены: «…тот, кто гораздо лучше составит армейскую диспозицию, нежели возглавит армию». Конечно, ему не хватало гениальной разносторонности, способной превращать поражение в победу. Но ведь в истории человечества ею обладали лишь единицы среди великих полководцев! Сульт полагался на силу и мощь запланированного удара, и в случае неудачи после передышки он осуществлял другой. Если удача сопутствовала ему сразу, то его удар, как правило, бывал смертелен, словно удар шаровой молнии. Спокойный и хладнокровный, Сульт не кидался сломя голову в пыл сражения, как Ней, Мюрат, Ланн и Удино, однако это не умаляет его личную храбрость. Его проницательный и зоркий взгляд позволял ему видеть то, что в пылу боя пропускали многие маршалы-храбрецы французской армии. Он брал расчетливостью и методичностью, которой порой весьма не хватало другим его братьям по оружию. Поражения и неудачи не выводили его из состояния равновесия, он продолжал действовать так, будто это были не поражения, а мелкие недоразумения. Казалось, ничто и никто не могло вывести его из равновесия. Ему были неведомы апатия и депрессия, коим часто подвержены более пылкие и неуравновешенные «коллеги по ремеслу». А стало быть, никакая победа противника не давала моральной власти над ним. Сульт не был жестоким, мстительным

и коварным человеком. Но в то же время он ни с кем не искал особого сближения, со всеми был подчеркнуто вежлив и холоден. Бонапарт знал сильные и слабые стороны Сульта и ценил его весьма высоко: «Сульт способный, но слишком честолюбив». Когда до ушей Наполеона дошла весть о том, что Сульт в Португалии пытается возложить на свою голову корону, император поначалу был недоволен сумасбродными действиями маршала, но потом добавил: «Я ничего не помню, кроме Аустерлица». Бонапарт имел в виду то, как Сульт прекрасно провел знаменитую атаку на Праценские высоты, решившую исход его самого блестяще срежессированного сражения под Аустерлицем.



Неизвестный художник. *Сражение под Бауценом.* Литография. Около 1830 г.

В Испании Сульт показал качества как командующий армией; он превосходил других маршалов (кроме Сюше, Даву и, пожалуй, Массена с Ланном) как тактик и был единственным военачальником, который с успехом противостоял сколь упорному и мастеровитому, столь расчетливому и невероятно удачливому англичанину Веллингтону. Из тех 24 маршалов, которые ушли в мир иной до него, пожалуй, он более всего походил на Массена, столь высоко котировавшегося у самого Бонапарта. Хотя при жизни эти два человека и не были самыми лучшими друзьями, но многое их сближало. Во всей французской

армии не нашлось бы человека, который не признал бы любого из них отъявленным грабителем и в то же время большим мастером оборонительной войны.

Луи Александр Бертье Неверная «жена императора»

Уходя в свой первый самостоятельный поход – в Италию – Бонапарт пригласил начальником штаба армии генерала Луи Александра Бертье (20.11.1753, Версаль – 1.06.1815, Бамберг, Бавария). Именно Бертье формировал штаб, набирал и обучал штабных офицеров. Внук простого каретника и сын известного инженера-географа Жана Батиста Бертье Луи Александр был много старше Наполеона: ему исполнилось уже 42 года.

Отец Бертье столь прекрасно себя зарекомендовал в войне за Австрийское наследство, что через 18 лет безупречной службы дослужился до подполковника и оказался на должности главного инженера-географа полевых лагерей и армий Людовика XV, а затем и его сына Людовика XVI. Часто бывая по долгу службы при королевском дворе, Жан Батист вычерчивал для своего короля планы королевских… охотничьих угодий и в конце концов заработал себе потомственное дворянство.

Ф. С. Делпеш. *Маршал Бертье.* Литография. 1830 г.

Хотя его сын Луи Александр родился не дворянином, но именно это пожалование открыло ему дорогу в военную касту Франции. Благодаря положению своего отца уже в 13 лет Александр стал инженером. Он получил прекрасное образование для офицера генерального штаба. Его топо графические работы отличались точностью, чистотой отделки и приятностью рисунка. Король Людовик XVI, любивший географию и топографию, поручал молодому офицеру составление карт королевской охоты, черновики которых, исправленные рукой короля, представляют собой редкий образец искусства. Молодой Бертье имел отличные познания в математике, был прекрасным топографом и превосходил многих в чертежах и рисунках. Работая в конторе

своего отца и проявляя добросовестность, аккуратность и одаренность в делах, которые обещали полный успех в будущем, Александр, однако, рвался в армию. Воспользовавшись большими связями отца, молодой Бертье в 1775 г. поступил в Лотарингский полк – лучшую кавалерийскую школу того времени.

Благодаря сильному влиянию семьи и его успехам по службе, а также настойчивым просьбам самого Бертье, в январе 1781 г. вдохновленный идеей свободы он отправился с маркизом Лафайетом в составе экспедиционного корпуса сражаться против наемников английского короля Георга III за независимость Америки. Там он служил лейтенантом в штабе генерала графа Жана Батиста Рошамбо, многоопытного ветерана европейских войн: войны за Австрийское наследство (1740–1748 гг.) и Семилетней войны (1756–1763 гг.). Ему довелось повоевать как на суше *(рекогносцировка под Нью-Йорком и знаменитая битва при Йорктауне)* , так и на море *(бой при Чизапике и экспедиция на Ямайку)*. Сослуживцы и начальство по достоинству оценили его исключительную личную храбрость и феноменальную работоспособность. Для людей, узнавших его поближе, Александр Бертье раскрывался как добрый человек, приятный в общении и надежный в работе. Американская война создала молодому офицеру прочную боевую репутацию.

Вернувшись в 1783 г. из Америки, капитан Бертье был направлен на восток, в Пруссию, под командование маркиза де Кюстина для изучения военной организации короля-полководца Фридриха Великого (прославленный старик был еще жив). В 1788 г. благодаря его знаниям был построен большой лагерь в Сен-Омере, и в этом же году Бертье получил как вознаграждение за службу престижнейший крест ордена Святого Людовика. На следующий год уже в чине подполковника он стал начальником штаба сначала принца Конде, а затем барона Везенваля. Оказалось, что этот милый, лояльный, стойкий и щепетильно педантичный при выполнении любого дела, за какое только брался, человек нужен всем. Всегда пунктуальный Бертье, кроме того, имел свойство появляться именно в тех местах, где в нем возникала нужда.

В начале Французской революции дослужившийся до подполковника королевской гвардии, 36-летний Бертье оказался в рядах революционной армии уже в чине полковника. После падения Бастилии маркиз Лафайет, работавший над созданием Национальной гвардии, предложил старому соратнику должность квартирмейстера. Бертье нашел этот пост подходящим для себя и всецело погрузился в работу по организации Национальной гвардии. Когда в 1792 г. началась война с европейской

коалицией, он был направлен начальником штаба к своему давнему другу графу Рошамбо.

Когда последний вышел в отставку, Бертье сохранил свой пост при новом командующем генерале Люкнере. Какое-то время он был под подозрением в помощи аристократам, стремившимся подобру-поздорову покинуть мятежную родину. Ему грозила гильотина Сансона, но такого штабиста у революционных воротил не было, и в ситуации «Отечество в опасности!» они оставили Бертье в живых, но в 1793 г. все же уволили из армии.

Только после переворота 9 термидора, свергнувшего якобинскую диктатуру, Бертье в 1795 г. был восстановлен во всех правах и направлен начальником штаба в армию генерала Келлермана, героя Вальми и командующего Альпийской армией. Несмотря на блестящую работоспособность, Бертье, однако, не получил никаких поощрений в служебном плане. Не обладающий достаточными энергией и решительностью, чтобы попытаться выдвинуться на первые роли, Бертье имел репутацию хорошего штабиста, и это его вполне устраивало.

В Париже в 1795 г. он встретился с Бонапартом, и с тех пор судьба не разлучала их почти до конца долгой наполеоновской эпопеи. Крайне нерешительный в тех случаях, когда он оказывался предоставленным самому себе, Бертье мгновенно понял, что Наполеон – это именно то плечо, на которое можно и нужно опереться, чтобы благополучно прошагать всю оставшуюся жизнь! Через минуту после их встречи Бертье заявил: «Служить под его началом было бы чудесно!» – и он служил Наполеону беззаветно и самоотверженно – почти до рокового финала. Друзьям, которые искренне удивились, как он может служить человеку с таким характером, он, многозначительно улыбаясь, спокойно отвечал: «Помните, что однажды окажется очень здорово быть вторым человеком после Бонапарта».

Оба полководца были настолько связаны между собой в своей деятельности, что острые на язык солдаты, бывало, именовали Бертье женой императора. Сам Наполеон называл их отношения «чем-то похожим на дружбу».

…

***Кстати** , порой этой «жене императора» по долгу службы приходилось присутствовать при встречах своего «мужа» с законной женой Жозефиной. Так, когда*

Жозефину наконец убедили прекратить посещать балы и банкеты и поехать к своему супругу в Италию, истосковавшийся по женской ласке Бонапарт начал обнимать (и тискать) ее на глазах своего начальника штаба. Бертье был приведен этим в замешательство и потом даже жаловался, что «вынужден был, улыбаясь, стоять рядом и быть свидетелем некоторых супружеских вольностей». Было бы любопытно узнать, насколько эти «вольности» граничили с распущенностью…

Бертье сопровождал Наполеона в его бесконечных поездках в специальной карете. Он был единственным, кого повелитель брал к себе в экипаж. Ехать нередко приходилось всю ночь, и сиденье Наполеона превращалось в более или менее удобную раскладную кровать. Но сиденье Бертье не было приспособлено для сна. Он вынужден был сидеть, сколько бы ни продолжалась поездка. Так он и трясся по дорогам Европы и Ближнего Востока рядом с Наполеоном 17 лет, никогда не показывая, что устал. И если его повелитель спрашивал о силе и положении любой дивизии, Бертье, обладая феноменальной памятью, отвечал, не заглядывая в официальные рапорты, хранившиеся в экипаже.

…

***Между прочим** , ежедневное общение с императором требовало от Бертье ангельского терпения и героической выдержки. Другим маршалам подобной психологической нагрузки перенести не доводилось. Был случай, когда Наполеон вызывал Бертье к себе для уточнения деталей предстоящей операции 17 раз за одну ночь. Близость к императору имела и оборотную сторону. С Бертье Бонапарт позволял себе все, что угодно. Однажды он схватил*

несчастного Бертье за горло и безжалостно колотил головой о каменную стену до тех пор, пока не обессилел сам. Примечательно, но никто так и не посмел к нему подойти и заступиться за окровавленного полумертвого начальника штаба.

Внешне Александр Бертье выглядел весьма невзрачно: при небольшом росте и полноватой фигуре у него была очень крупная лобастая голова с копной жестких, как проволока, волос неопределенного цвета, незапоминающиеся черты лица, очень длинные, как у орангутанга, руки и весьма короткие, тощие и кривоватые ноги. Особо поражали всех его «гадкие руки без ногтей»: Бертье имел дурную привычку постоянно грызть ногти; порой он «съедал» их до основания. Бертье ужасно страдал от этого и изо всех сил пытался компенсировать природные недостатки красивой идеально сидящей одеждой. В любое время дня и ночи его костюм был безупречен: полный маршальский мундир с ботфортами и саблей. Не зря его признавали самым элегантно одевающимся офицером армии Наполеона и законодателем военной моды. Своими великолепными, впечатляющими мундирами он всегда вызывал черную зависть у первых щеголей наполеоновской армии Мюрата, Нея и Ланна. Даже если Бертье поднимали с постели, его никто никогда не видел в одних панталонах и рубашке. Он всегда бывал тщательно одет, свежевыбрит и улыбчив. Молодые штабные офицеры-щеголи все как один подражали своему шефу-пижону, поражая окружающих безупречной выправкой, идеально сидящими и поразительно чистыми мундирами и трудно скрываемым презрением к армейским офицерам-служакам.

Абсолютно безотказный и наивный, влюбленный в Наполеона Бертье взваливал на себя гигантскую работу. В отличие от других министров императора, сменявшихся через два-три года, он выдерживал неимоверное напряжение более 15 лет. С 1796 по 1814 г. (с небольшим перерывом в 1797–1798 гг.) Бертье был начальником штаба Наполеона, принимая активное участие в разработке его стратегических планов. Он понимал Наполеона с полуслова, и быстро сказанные намеки Бонапарта вскоре превращались в детальные и полновесные распоряжения, декреты, указания и т. д.

Бертье никогда не ставил под сомнение решения Наполеона, чем отличался Ланн, и никогда не порицал его, как это мог

делать Ожеро. Другими словами, что бы ни совершал Наполеон, в глазах Бертье он всегда оставался прав, даже если события говорили об обратном.

Работоспособность Бертье была под стать работоспособности его патрона: он готов был писать, работать с картами и всевозможными донесениями, рапортами всю ночь, не теряя четкости понимания деталей дела. Он с удивительной точностью наносил на карту замыслы Наполеона, настолько ясно доводил до командиров суть приказов командующего, как будто это были его собственные замыслы и распоряжения. Он знал наизусть не только все дивизии и полки французской армии, но и батальоны, роты и даже взводы и мог в любой момент дня и ночи сказать, где какая часть располагается в данный момент. Он знал значение каждого взгляда, каждого жеста Наполеона, и порой взгляд или жест императора был более красноречив и действен для Бертье, нежели десяток слов.

...

***Кстати** , в сражении при Эйлау, когда корпус Ожеро был практически уничтожен огнем русской артиллерии, а русская кавалерия прорвалась к Эйлаускому кладбищу, где находились Наполеон и его штаб, Бертье охватил страх, и он готов был поворотить лошадь. Наполеону достаточно было только взглянуть на перепуганного начальника штаба, чтобы тот забыл о своем решении и застыл, словно каменное изваяние. Вместо того чтобы обратиться в бегство, он под влиянием безмолвного, но красноречивого взгляда императора приказал батальонам гвардии выдвинуться вперед, а кавалерии Мюрата начать стремительную атаку.*

Физическая выносливость Бертье казалась невероятной: он мог днями идти без отдыха, сохраняя такую же ясную голову, как и в первые часы похода.

Бертье обладал не только поразительной

работоспособностью, но и почти неправдоподобной памятью, административной хваткой и талантом превращать общие указания командующего в точные параграфы приказа.

...

***Между прочим** , Наполеон при Ватерлоо, узнав, что начальник его штаба Сульт (Бертье уже не был в живых) послал к Груши всего лишь одного курьера с требованием немедленно идти на выручку, воскликнул: «Милостивый государь, Бертье направил бы сто гонцов!» И действительно, приказы, направляемые Бертье из императорской ставки командующим армиями и корпусами на отдельных театрах военных действий, не просто дублировались, но посылались в трех, четырех, а если нужно, то и в большем количестве экземпляров. Так, накануне битвы при Эйлау Бертье отправил в корпус Бернадота одно и то же распоряжение с восемью офицерами, из которых добрался только один.*

Его способность руководить снабжением огромной, быстро продвигавшейся армии была так велика, что часто казалось: Бертье угадывает желания императора. Он умел создавать базы по пути следования армии, с тем чтобы ускорить ее марш. Когда наполеоновские солдаты являлись к месту назначения, получив рацион на несколько дней и дополнительные боеприпасы, они были готовы сразу же вступить в бой. Своими многими ранними успехами Наполеон был обязан именно «серому кардиналу» Бертье. В то же время несомненно и то, что, не будь Бертье рядом с великим корсиканцем, Бертье не достиг бы той известности и тех почестей, которые приобрел.

...

Между прочим *, и у незаменимого Бертье случались проколы, если он брался не за свое дело. Так, в 1807 г. он, будучи обер-егермейстером императорского двора, организовал для Наполеона знаменитую охоту на… кроликов, которых можно было собрать в любом количестве. Как закоренелый штабист Бертье мыслил масштабно, казалось, он продумал все детали охоты. Обеспечил загонщиков, роскошный завтрак, легионы егерей, подающих знатным стрелкам заряженные пристрелянные ружья, и – самое главное – тысячи кроликов, специально доставленных для отстрела в Булонский лес. Но одну мелочь он не учел: штабист закупил вместо диких кроликов… домашних! Более того, их заранее прикормили на живописной лесной поляне, в том самом месте, где полагалось оказаться Главному Охотнику! Наконец настал час торжества организатора охоты. Император с многочисленной свитой, придворными, военными и гражданскими сановниками прибыл насладиться настоящим мужским занятием и оценить профессиональные организаторские способности маршала. И когда сам Наполеон, кстати неважный стрелок, встал на отведенное ему почетное место, случился страшный конфуз. Вслед за первым зверьком из кустов выскакивает второй «заяц», потом третий… Император доволен – добыча будет богатой. Но что это? Дичи становится все больше и больше, и вот уже десятки «зайцев» радостно скачут к повелителю французов. Они окружают его*

веселой толпой и всем видом выказывают свое расположение. Некоторые даже подпрыгивают, норовя ухватить его за руки! Сотни кроликов, приняв его за своего хозяина, каждый день дававшего им вкусные листочки салата, всей огромной массой бросились в ноги к обалдевшему Бонапарту! Напрасно загонщики пытались хлыстами разогнать этот живой пищащий поток мяса и направить его на другие номера, где стояли другие стрелки. Кроличья орда не желала покидать своего «любимого хозяина»… Наполеона. Последнему ничего не оставалось, как в ярости швырнуть ружье в Бертье, вернуться в карету и приказать гнать в Париж, давя колесами тучи глупых кроликов. Желание доставить своему господину охотничье удовольствие обернулось для Бертье позором. Этот комический случай остался вечной раной в душе у Бертье: Наполеон не отказывал себе в удовольствии попенять ему той легендарно-бездарно организованной охотой.

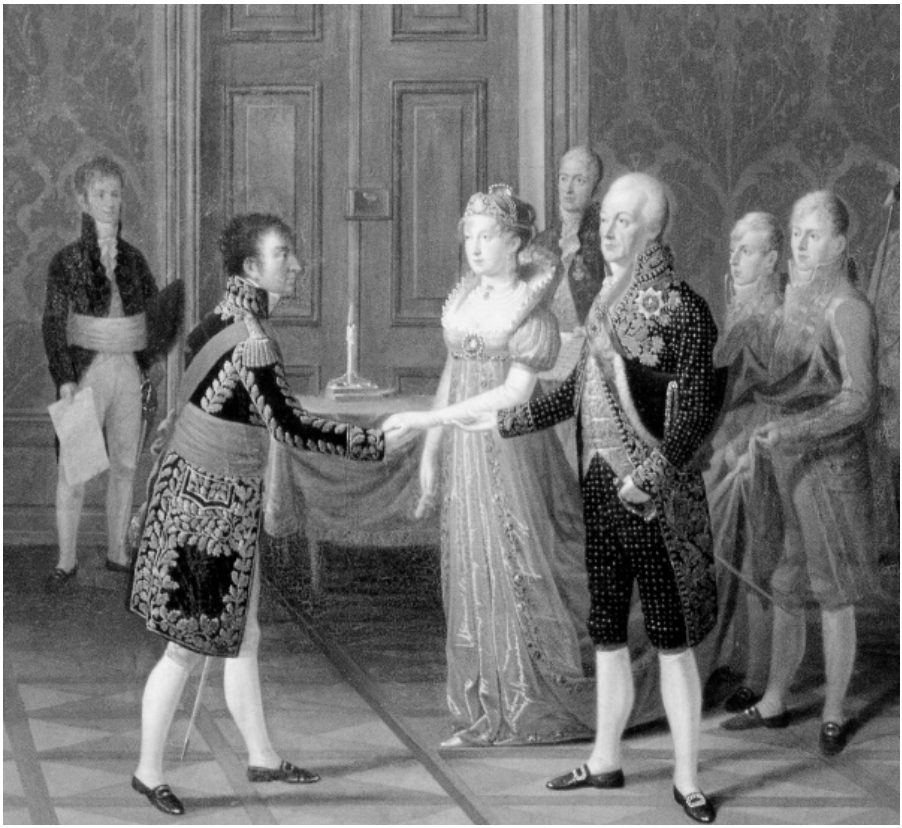
На первые или самостоятельные роли он не годился. «Бертье был чрезвычайно деятельный человек, – писал Наполеон, – но он был нерешительного характера и не имел способности командовать войсками!» И в то же время никто не мог заменить его на посту начальника штаба. Эта должность была очень сложной, поскольку многие наполеоновские маршалы испытывали друг к другу неприязнь и никто из них не хотел сражаться под командованием другого. Поэтому Бертье выступал еще и в качестве третейского судьи соперников. Хотя другие военачальники Наполеона и не очень жаловали Бертье, но его талант и недюжинные дипломатические способности уважали. Со временем сам Бертье посчитал, что пришел момент подчеркнуть свое превосходство над остальными маршалами. Он завел себе некое подобие двора, стал весьма сух и велеречив. Слава и почести, власть и богатство портят людей. Так было, так есть и

так будет!

Когда в 1796 г. молодой, но уже хорошо зарекомендовавший себя генерал Бонапарт приехал в Ниццу, чтобы принять командование над Итальянской армией, его сопровождало трое военачальников: Мармон, наш герой и Мюрат. Всем им суждено было стать маршалами Франции.

В самом начале Итальянской кампании Бертье пришлось заниматься не только штабной работой. В битве у Лоди он на личном примере воодушевлял солдат во время штурма моста. В знаменитом сражении у Риволи помимо исполнения штабных обязанностей Бертье командовал центром французской армии и дрался с упорством. В наши дни совершенно немыслимо, чтобы начальник штаба вступал с противником в рукопашную, но Бертье участвовал тогда почти в каждой битве, с саблей в руке соревнуясь в храбрости с Ланном и прочими – каждый из них хотел первым пробиться через огневую завесу. И все же к концу кампании 1796 г. Бертье доказал, что в первую очередь он является выдающимся начальником штаба.

После мирного договора в Леобене Наполеон направил Бертье в Рим. И тут выяснилось, что наш генштабист не прочь погреть руки, используя вымогательства и грабежи. В Париж полетел такой ворох жалоб, что вскоре правительство отозвало Бертье на родину. Присланный ему на смену Массена показал всем, где раки зимуют. То, что творил этот генерал, было уму непостижимо.



И. Б. Хёхле. *Маршал Бертье встречает австрийскую принцессу Марию Луизу*. 1810 г.

Как в Италии, так и в Египетской экспедиции 1798–1799 гг. Бертье являлся правой рукой Бонапарта. Поход был тяжелым, и еще тяжелее оказался климат Египта. Даже крепкое здоровье Бертье стало давать сбои. После «битвы у пирамид», где Бертье принял активное участие, оно ухудшилось настолько, что перед походом в Сирию он обратился к главнокомандующему с просьбой отправить его во Францию. Поговаривали, что истинной причиной стремления Бертье в Европу была любовная связь с мадам Висконти и желание ее увидеть, даже бросив армию в трудную минуту. Однако Бонапарт не верил злым языкам и, считая ухудшение здоровья своего начальника штаба результатом сильного переутомления, дал согласие на отъезд. Прощаясь, Бонапарт холодно заявил, что жалобы Бертье настолько претят ему, что он просто счастлив отказаться от его услуг. Кроме того, Наполеон заметил, что, хотя некоторые частные лица могут приходить в отчаяние, он, главнокомандующий, совершенно убежден в успешном исходе кампании и намерен пройти через Синайскую пустыню, затем по берегу Палестины, через Малую Азию и вплоть до самой Франции по сухопутью. Более того, он

может даже основать новую Восточную империю и никогда больше не возвращаться в Европу.

Бертье ломал руки. Было ясно, что ему предстоит принять «решение жизни». Если он уедет, то Наполеон вскоре найдет и обучит нового начальника штаба, а если новый фаворит сумеет прорвать блокаду и пробиться во Францию, то он, Бертье, утратит какие-либо шансы заслужить репутацию одного из величайших начальников штаба своего века. Верх взяла служебная привязанность Бертье к корсиканцу, и он бросил паспорт наземь. Наполеон тотчас же обнял его, и они вместе принялись разрабатывать план марша на Яффу.

Бертье был одним из тех, кого Бонапарт взял с собой, ретируясь из Египта. Наш либерал поддержал Бонапарта во время государственного переворота 18 брюмера. Когда Наполеон захватил власть и стал первым консулом Французской республики, Бертье был назначен на пост военного министра, где проявил таланты организатора: все административные службы тотчас были реорганизованы, крепости на границе пополнены новыми гарнизонами, армия снабжена провиантом, денежным довольствием и резервами.

Бонапарт всячески ублажал своего главного генштабиста: зная его «болезненное отношение» к купюрам, преподносил ему крупные денежные подарки, которые, правда, тут же переходили в нежные ручки мадам Висконти. Однажды первый консул подарил Бертье великолепный алмаз стоимостью несколько десятков тысяч франков. «Возьмите его; мы часто играем по крупному: приберегите его до того времени, пока он не понадобится», – произнес Бонапарт. Через несколько часов этот алмаз уже искрился на очаровательной головке возлюбленной Бертье.

…

***Между прочим** , о многолетнем романе Бертье с Висконти судачила вся французская армия. Мало кто понимал, почему первая красавица Италии, вокруг которой роем вились неотразимые «Мюраты» из наполеоновской свиты, остановила свой выбор на маленьком и неказистом Бертье. Все очень просто: Висконти была не только красивой, но и весьма умной женщиной, она*

быстро поняла, что «эрогенными зонами» Бонапарта являются Власть и Слава и ей нечего рассчитывать на долгосрочные отношения с таким мужчиной, а вот второй человек во французской армии – начальник штаба всесильного Бонапарта – у нее в кармане! Женщины обычно умеют очень быстро просчитывать варианты, и случай с Бертье тому лишний пример.

В кампании 1800 г. Наполеон вновь назначил Бертье начальником штаба армии. Мало кто знает, что идея перехода через Сен-Бернар на самом деле исходила от Бертье и впервые была им предложена еще в 1795 г. Поэтому в течение двух месяцев он был поглощен исполнением собственного плана. Как потом выяснилось, не все в нем было столь идеально, как казалось на бумаге, и под Маренго Бонапарт попал в весьма сложную ситуацию во многом по вине своего главного «расчетчика» маршрутов Бертье.

После Маренго Бертье оказывается с дипломатической миссией в Мадриде, где весьма умело действует на благо наполеоновской Франции. Но уже в октябре 1800 г. он снова в Париже, поскольку больше нужен Наполеону как военный министр.

В числе первых 18 генералов, получивших маршальский жезл, оказался и Александр Бертье. Помимо этого он был удостоен звания сенатора, главного офицера двора и главного егеря (ловчего) империи.

В 1804 г., готовясь к десанту на Британские острова, Наполеон совместно с Бертье работал над созданием огромнейшего Булонского лагеря. В этом трудном деле маршал проявляет потрясающую энергию, работоспособность, весь свой богатый опыт и талант. Много времени занимала реорганизация армии, вооружения и снаряжения. Он постоянно то один, то вместе с императором выезжал на смотры армейских корпусов, дислоцировавшихся в лагере. Маршал не упускал из виду гарнизоны, расположенные во Франции, Италии, Бельгии, Голландии. Казалось, что он никогда не уставал и никогда не спал.

Но затем десант на побережье Англии пришлось отложить – на повестку дня встал другой вопрос: разгром очередной коалиции противников Бонапарта. Наполеон отдал приказ всем

армейским корпусам Великой армии начать движение к Рейну, где в районе Ульма расположилась австрийская армия генерала Мака.

Героем этого утомительного похода стал Бертье. Того, чего он достиг тогда в качестве начальника генерального штаба, не совершал еще никто. Поход прошел идеально, и о Бертье разнеслась слава как о гении-организаторе. Все воинские части уже через 45 дней оказались на Рейне и огромной дугой охватывали австрийские войска, засевшие в Ульме, отрезав город от баз и подкреплений, медленно двигавшихся на запад из-под Вены и из России. Это была безупречная, произведенная прямо-таки по лучшим учебникам военного искусства концентрация войск.

Генерал Мак понял, что его песенка спета, лишь тогда, когда французская кавалерия развернулась в гигантскую дугу, через которую никак не могли пробраться его разведчики (даже конные), а французская пехота отрезала австрийцев от всех источников снабжения и подкреплений. Запертый в Ульме генерал Мак позорно капитулировал 20 октября.

При подготовке к следующей войне – против Пруссии – Бертье снова на коне: он выказал столько же энергии, как и в предыдущие годы. План Наполеона предусматривал не просто разгром, а уничтожение Пруссии как государства, и император рассчитывал осуществить его за месяц. Фактически же план был претворен в жизнь за 24 дня. Великая армия выступила в поход 8 октября, а к первой неделе ноября Пруссии как королевства уже не существовало. По крылатому выражению Гейне, «Наполеон дунул на Пруссию, и ее не стало».

Это был триумф, достигнутый в результате не только боев, но и быстрых маршей, умелого маневрирования и почти идеальной работы генерального штаба. И снова главным источником победы стал холодный разум главнокомандующего, а Бертье, реализующий его решения как администратор, показал, что войны выигрываются не только саблями и ружьями. Способ их ведения должен быть просчитан, как просчитывается сложная математическая задача.

В большой мере огромные успехи наполеоновской армии стали заслугой ее начальника штаба. Среди бумаг и карт Бертье был тем, чем Бонапарт на поле боя: здравомыслящий и пунктуальный, он приводил в полный порядок бумажный хаос, состоящий из рапортов, донесений, указаний, обрывков фраз. Все это восхищало Наполеона, он ценил эти качества Бертье и как-то сказал: «Никто другой, возможно, не смог бы заменить его». Наполеон якобы даже утверждал, что не проиграл бы битву при

Ватерлоо, если бы Бертье был с ним. Ибо он, по мнению Бонапарта, сумел бы распорядиться так, что Груши, получив приказание вовремя, не оставался бы в нерешительности, а поспешил на выручку. Впрочем, как говорится, все крепки задним умом: ситуация с Груши под Ватерлоо не была столь проста, как это кажется на первый взгляд! Не исключено, что Наполеону в его последней кампании не хватало именно Бертье, который обладал одним ценным на войне качеством: *умением самые сложные движения армии представлять в докладах и приказах ясно и просто* .

…

> ***Между прочим*** *, будучи аккуратным, методичным и пунктуальным во всем, что касается штабной работы, Бертье содержал дела в образцовом порядке и добивался этого от своих офицеров. Так, по его приказу все командиры ежедневно, тем более после битв, докладывали в штаб «о проделанной работе». В Русском походе после кровавого Бородинского сражения командир 5-го армейского корпуса князь Понятовский подал рапорт о действиях своих дивизий вечером того же дня, едва только отгремели выстрелы. Остальные корпусные командиры представили донесения в ближайшие день-два. Зная требовательность Бертье, маршал Мортье однажды даже посадил под арест своего начальника штаба генерала Годино, срывавшего своевременное направление рапортов в императорскую ставку.*

Так как Бертье было трудно исполнять все должности, которые возложил на него Наполеон (командующий французскими войсками, начальник генерального штаба и военный министр), после Польской кампании император освободил маршала от министерского портфеля, передав его

генералу Кларку. В тот же день Наполеон возвел Бертье в звание вице-коннетабля Франции.

В течение трех месяцев после этого Бертье, еще раньше получивший титул князя Невшательского, наслаждался мирной жизнью в своем великолепном имении Гробуа. С самого начала Испанской войны он предупреждал императора, что вопрос о снабжении армии лежит в основе всех трудностей на Пиренеях. Однако Наполеон всегда цеплялся за свою идею, что война должна поддерживать войну; иными словами, армия должна кормиться за счет той территории, на которой она находится. Бертье прекрасно знал, что заставить императора пересмотреть свои взгляды очень сложно, и, не имея решимости, ничего не предпринимал для этого. Кроме того, вера во всемогущество императора заставляла маршала думать, что любые трудности преодолимы. Правда, в Испании все получилось наоборот: Бонапарт вляпался в такое дерьмо, из которого так потом и не вылез.

Наполеон лишил свою «жену» возможности… жениться на любимой – редкой красавице итальянской маркизе Джузеппине Висконти, чья божественная фигура («нагая мода» той поры, как известно, позволяла ее лицезреть чуть ли не «от и до»!) делала ее объектом вожделения всех мужчин. Об ее очаровании говорит и то, что ни одна из ее писавших дневники современниц не зафиксировала в них что-либо, что могло бы бросить тень сомнения на ее красоту. Такое за женщинами всех времен и народов водилось крайне редко. Кто, как не соплеменница, по достоинству оценит чужую красоту?! Как пишет о ней всем известная ехидна номер один той поры, грешившая направо и налево жена генерала Жюно Лаура д'Абрантес: «Она была на самом деле исключительно прекрасна». Суровый Бонапарт женил слабовольного Бертье по своему усмотрению на совершенно невзрачной женщине, но зато баварской принцессе Елизавете, чем навсегда сделал Бертье несчастным человеком.

…

Между прочим *, плодовитая немка Елизавета родила Бертье трех детей: Наполеона Луи Жозефа (1810–1878), Каролину Жозефину (1812–1905) и Марию Анну Вильгельмину Александрину Елизавету (1816–1878). Дети Бертье продолжили*

фамилию отца. Его старший сын женился на племяннице Жозефа Бонапарта и Бернадота. Многие потомки маршала породнились с семействами Мюрата, Ланна, Сюше. Один из них погиб за Францию в 1918 г. на полях Первой мировой войны. В наши дни носителями фамилии Бертье являются отпрыски сводного брата маршала Александра Жозефа.

Женитьба никак не повлияла на отношения Бертье с давно любимой женщиной. Его семейная жизнь приняла какой-то странный оттенок. В Париже он снял для Джузеппины дом рядом со своим особняком. Овдовевшая маркиза частенько навещала Бертье и даже играла в вист с его женой. В страсти Бертье было что-то болезненное. Не понимая, почему его, такого непредставительного мужчину, самая прекрасная женщина Италии предпочла всем красавцам-рубакам из свиты Бонапарта, он не находил себе места, когда был не рядом с ней. Так, во время неудачного Египетского похода Бертье, примирившийся с потерей дамы сердца, дошел до абсурда. Он воздвиг ее алтарь в своей палатке! Бурьенн, мрачный и педантичный секретарь Наполеона, был ошеломлен, когда, заглянув однажды вечером к начальнику штаба, застал его коленопреклоненным перед портретом дамы сердца. Секретарь скромно кашлянул, но Бертье даже не пошевелился, и совершенно изумленный Бурьенн тихо вышел из палатки, оставив начальника генштаба армии наедине с предметом его обожания.

Судьба нанесла по психике Бертье сокрушительный удар: как только он женился по указу императора, выяснилось, что в тот же день муж маркизы де Висконти скончался, и его дражайшая возлюбленная теперь свободна. Погрузившись в горе, Бертье проклинал несчастную судьбу и плакался Бонапарту о поспешности своей женитьбы. Как Бертье тогда не сошел с ума, для истории осталось загадкой. В далекой России во время отступления из Москвы маршал не выдержал и просил готовившегося к отъезду императора взять его с собой. Но Наполеон был неумолим: «Я знаю, в чем дело. Вы хотите к своей мадам Висконти!» И маршал остался с армией до конца.

Судьба не пощадила любовников. Внезапный удар парализовал левую половину тела маркизы де Висконти. Бертье по-прежнему относился к больной женщине с нежностью.

Джузеппина на 25 лет пережила своего таинственно погибшего обожателя. Многие годы спустя на острове Святой Елены Наполеон счел нужным подчеркнуть: «Никогда я не видел такой страсти, как у Бертье к мадам Висконти».

Но вернемся из любовных альковов на поля сражений. В начале Австрийской кампании 1809 г. Бертье совершил массу оплошностей, которые чуть не привели к разгрому армии по частям. Не обошлось без ошибок оптического телеграфа (напутал туман), с помощью которого Наполеон из Парижа стремился координировать деятельность Бертье на передовой в Страсбурге. Обстановка не становилась яснее, так как из Парижа в ставку поступали противоречивые приказы. Наполеон непрерывно посылал дополнения к своим распоряжениям. В течение двух дней царила полная неразбериха, а Бертье с утомленным видом ездил верхом взад и вперед, чтобы быть везде, где грозит опасность.

К счастью, Бонапарт уже мчался с бешеной скоростью к границе, останавливаясь только для смены лошадей. Позже Наполеон, упоминая о создавшейся ситуации, сказал: «Вы не можете представить, в каком положении я нашел армию по своему прибытию и к тому же какие ужасные последствия могли бы произойти, если бы мы имели дело с предприимчивым врагом». Оценив ситуацию, Наполеон написал Бертье: «Надо было делать прямо противоположное тому, что вы сделали». Для того чтобы исправить ошибку Бертье, понадобились гений Наполеона и чрезвычайные усилия со стороны войск, но в конце концов она была исправлена, не в последнюю очередь благодаря тактическому искусству Даву.

После того как Наполеон, разведясь с Жозефиной и начав поиски невесты, остановил выбор на австрийской эрцгерцогине Марии Луизе, Бертье в 1810 г. в качестве чрезвычайного посла ездил в Вену просить у императора руки принцессы. Простые австрийцы воспринимали приезд французского посланника как завершение военного времени и переход к мирной жизни, которую обещал им союз Наполеона с дочерью Габсбурга.

Свою миссию Бертье выполнил с большим тактом и достоинством. Когда он заметил уныние Марии Луизы по поводу того, что ей предстоит покинуть дом и семью, он отдал секретное распоряжение перевезти в Париж все, что было дорого ее сердцу. Результаты этого мудрого поступка стали очевидны, когда Мария Луиза удалилась с балкона, с которого Наполеон представлял ее согражданам, и перешла в свои парижские апартаменты, где ее с радостным лаем встретила любимая собачка. Вместе с ней в Париж были привезены ее птички, рисунки младшей сестры и все

столь милые ей вещи, стоявшие в ее покоях в Хофбургском дворце в Вене. Методичный Бертье приказал упаковать каждую вещицу и отправить во французскую столицу до прибытия туда невесты. Наполеон был тронут предусмотрительностью маршала, а когда Мария Луиза стала выражать тому свою признательность, император даже настоял на том, чтобы она обняла и поцеловала Бертье.

В Русскую кампанию 1812 г. Бертье потерпел провал. Если во время наступления на Москву он еще справлялся со своими обязанностями начальника штаба французской армии, хотя и допускал ошибки, то, когда началось гибельное отступление, оказался неспособен правильно истолковывать приказы и распоряжения Наполеона. Чтобы компенсировать свою бездеятельность, он лишь увеличил число курьеров и предписаний, часто сваливая свои просчеты на маршалов, к которым питал особую неприязнь.

...

***Кстати** , Бертье был среди тех немногих рассудительных соратников Бонапарта (Бессьер, Арман де Коленкур и главный снабженец Великой армии Дарю), что шептали ему в критический момент Бородинского сражения: «Мы погубим свою гвардию в бессмысленной мясорубке, а она нам еще пригодится».*

Когда Наполеон решил покинуть остатки Великой армии и инкогнито мчаться в Париж, он оставил маршала Бертье в помощь Мюрату, назначенному главнокомандующим. Ни тот, ни другой для столь ответственной роли не подходили: первый смылся в свой благодатный Неаполь, а второй не умел принимать самостоятельные решения без согласования с Наполеоном. Лежа на грязной соломе в нищей крестьянской избе, Бертье лишь проклинал свою несчастную долю: «Что толку от полутора миллионов моей ежегодной ренты, прекрасного особняка в Париже и огромного поместья, если я вынужден переносить танталовы муки? Я умираю здесь, и последний солдат в армии счастливее меня».

Бертье прибыл в Париж 9 февраля 1813 г. совершенно

разбитый как морально, так и физически. Но уже в марте 1813 г. он вновь занял свой пост начальника штаба, помогая Наполеону реформировать и организовывать новую армию. Обращаясь к Бертье, император сказал: «Давайте еще раз проведем нашу Итальянскую кампанию!» Но Бертье уже был не тот – он сломался.

После исторического разговора Бонапарта со своими маршалами в Фонтенбло в апреле 1814 г., потребовавшими его отречения, Бертье в числе первых приготовился покинуть своего благодетеля, чтобы присягнуть воцарившимся Бурбонам. 12 апреля Бертье обратился к Наполеону с просьбой отбыть в Париж «по частным делам». «Вы вернетесь, Бертье?» – спросил император, когда тот выходил из помещения, и, услышав утвердительный ответ, все понял. «Он не вернется», – иронично констатировал Наполеон и оказался прав. Больше они уже не встречались. Преданность Бертье имела свои пределы: он тихо, без сцен и упреков перешел на сторону Бурбонов – к Людовику XVIII Желанному. Проще говоря, «улизнул от своего покровителя», переметнувшись к новой «кормушке».

Когда спустя несколько месяцев Наполеон высадился во Франции и двинулся к Парижу, Бертье последовал за королем в Бельгию, но не остался с ним, а 22 мая отправился к своему тестю в баварский город Бамберг. Бертье не хотел воевать за короля против Франции, равно как и вместе с Наполеоном против короля. Наполеон исключил Бертье из числа маршалов империи. Оказавшись в родовом замке жены в Бамберге, Бертье якобы встал на стул, чтобы получше рассмотреть колонну русских войск, спешивших на подмогу Веллингтону и Блюхеру. До сих пор не понятно, что случилось дальше. То ли он слишком высунулся из окна четвертого этажа и, потеряв равновесие, упал на мостовую, разбившись насмерть, то ли, как потом писали, видя неизбежность краха своего кумира, покончил жизнь самоубийством, то ли… Так или иначе, когда исчезло плечо, на которое Бертье опирался почти 20 лет, шок был настолько велик, что он привел к смерти маршала.

Говорили, что тогда Наполеон горевал о гибели Бертье, но много позже, на острове Святой Елены, сказал: «Бертье – одна из моих ошибок». Еще раньше, слыша людей, хваливших работу Бертье в 1796 г., Бонапарт говорил своему секретарю Бурьенну: «Что касается Бертье, с тех пор как вы со мной, вы видите, что он собой представляет – он болван, тупица». В конце Русской кампании Наполеон с грубой откровенностью сказал Бертье: «Я знаю, что вы ничего не стоите, но, к вашему счастью, другие этого не знают». Именно эта «оценка» позволила потом кое-кому

утверждать, что Бертье был всего лишь «героизированным главным писарем».

P. S. Несмотря на некоторые слабые стороны характера и военного дарования, в созвездии наполеоновских маршалов Бертье занимает почетное место. Задачей его было не одерживать, а подготовлять победы. Идеи Наполеона, едва намеченные, он быстро схватывал и усваивал. Приказания императора он выполнял с предусмотрительностью и точностью. Он умел чрезвычайно ясно представить себе самые сложные движения войск, с легкостью разбирался в картах, быстро и отчетливо подводил итоги разведки и в случае надобности мог превосходно начертать расположение позиций. Его память была феноменальной: он помнил наизусть все дивизии, полки и даже батальоны и роты; его физическая выносливость была такой, что он, казалось, никогда не знал усталости. Но когда кто-то, пытаясь польстить Бертье, начинал утверждать, будто без начальника штаба Бонапарт ничто, ибо именно он составляет для него планы всех кампаний и сражений, то наш герой очень пугался и делал все, чтобы положить конец разговору. Бертье громко настаивал, что он всего лишь организатор и исполнитель, но не инициатор и не руководитель. Так или иначе, но Наполеон был гениальным полководцем, а маршал Бертье – выдающимся начальником штаба. Позднее принципы штабной работы французской армии распространились в армиях практически всех цивилизованных государств, в том числе и России. Соединившись и дополняя друг друга, Бонапарт и Бертье создали шедевры военного искусства.

Жан Батист Жюль Бернадот Хвастливый гасконский петух или дальновидный выжидала?

Одной из наиболее колоритных фигур эпохи революционных войн во Франции был пятый ребенок в семье, беарнец Жан Батист Жюль Бернадот (26.01.1763, По, Беарн – 8.03.1844, Стокгольм). Его отец Анри Бернадот был королевским адвокатом, а мать, урожденная Жанна де Сен-Жан, дворянкой. Этот высокомерный, драчливый и неуживчивый приятель и ровесник знаменитого революционного генерала Моро, обладал импозантной внешностью: высокий, стройный, с длинными локонами иссиня-черных волос, крупным орлиным носом и сверкающими глазами.

Семья Бернадота была не только зажиточной, но и почтенной, его родословная прослеживалась с XVI в. В роду было немало юристов. Когда Жан Батист подрос, он начал посещать школу монахов-бенедиктинцев в По, нередко наведываясь на почтовую станцию, чтобы ради развлечения прокатиться на лошадях. Благодаря буйному темпераменту и непокорному нраву Бернадот-младший уже в детстве обзавелся парочкой заметных шрамов, украсивших его лоб. После школы юного Жана Батиста определили обучаться профессии адвоката в контору мэтра де Бассаля – близкого друга семьи. Однако не прошло и двух лет, как внезапно умер отец юноши. Семья очутилась в сложной ситуации. Любивший пожить на широкую ногу Анри Бернадот вместо денег оставил после себя долги. Его вдове ничего другого не оставалось, как, продав большой и нарядный дом на улице Тарн, перебраться в жилище поскромнее, правда, на той же самой улице. Старший сын вдовы и ее любимец Жан как мог помогал матери и сестре. А Жан Батист забросил учебу и в августе 1780 г. неожиданно для всех записался рядовым в Брассакский пехотной полк. Впрочем, вскоре он сменил его на Королевский морской полк, квартировавший в ту пору на Корсике. Полк предназначался для службы на островах, в морских портах, за океаном, т. е. был прообразом будущей морской пехоты. *(Сегодня во всем мире крутые морпехи – самый элитный и престижный вид пехоты; даже ВДВ котируется несколько ниже!)*

На Корсике наш герой пробыл полтора года, прослужив несколько недель в родном городе Наполеона Аяччо. Каких-либо замечательных происшествий на Корсике с Жаном Батистом не случилось. Но два года гарнизонной службы не прошли для него

даром. Здесь он очень быстро приобрел славу заправского фехтовальщика, и драться на дуэли с этим задирой желающих было мало. Но продвижению по лестнице армейских чинов это не способствовало, и наш бретёр дослужился лишь до сержанта. Лихой повеса и ловелас, Бернадот разбил множество женских сердец. Однажды с «помощью» некой старой девы по имени Катрин Ламур («говорящая» фамилия) несколько недель даже был отцом незаконнорожденного ребенка – бедный малыш умер вскоре после рождения.

В июне 1782 г. Бернадот подхватил малярию – единственную «награду», заработанную им на Корсике. Получив по болезни отпуск на полгода, Жан Батист отправился к родным в По и вместо положенных шести месяцев задержался там… на полтора года. Наш морпех с толком использовал свободное время для пополнения своего не слишком обширного образования. Он с увлечением прочел книгу о знаменитом испанском конкистадоре Эрнане Кортесе, а также жизнеописания известных французских полководцев XVII в. Фабера и Катина. Однако он не забыл и своего армейского прошлого: дрался на шпагах в лесу с жандармским офицером по имени Кастен и серьезно ранил его. Молва гласила, что причиной дуэли стала ссора из-за прелестей некой любвеобильной дамочки. После той победы Жан Батист стал котироваться среди земляков еще выше, чем прежде.

После возвращения в полк начиная с 1784 г. Бернадот нес гарнизонную службу в Гренобле. Здесь, как и до этого на Корсике, он был на хорошем счету у начальства. Командир полка, в котором служил Бернадот, Луи де Мерль, маркиз д'Амбер, давал ему ответственные поручения: тренировать рекрутов, инструктировать новичков по фехтованию, организовывать рейды вдогонку за дезертирами.

Незадолго до революции Бернадот отличился в своем первом сражении: он утихомиривал вспышку народного гнева в Гренобле. Открыв в ответ на публичную пощечину, полученную от разъяренной женщины, огонь по безоружной толпе, Жан Батист показал всем, что готов действовать быстро, решительно и… без сантиментов.

Ф. С. Делпеш. *Маршал Бернадот.* Литография. Первая четверть XIX в.

В мае 1789 г. полк Бернадота был переведен из Гренобля в Марсель. Здесь волею случая Жан Батист свел судьбоносное знакомство с семьей зажиточного купца Франсуа Клари. В его доме Бернадот, в то время адъютант полковника д'Амбера, снимал скромную комнату. Конечно, тогда вряд ли кто, в том числе и сам беарнец, мог предположить, что постоялец г-на Клари станет членом его семьи, а его дочь, шаловливая 12-летняя Дезире (1777–1860), – супругой горбоносого брюнета. Это будет потом. А тогда Марсель, как и вся Франция, напряженно вслушивался в эхо революции, случившейся в сердце Франции – в Париже. Не обошел своим вниманием текущие события и наш герой. Высокий, красивый, с большим орлиным носом,

эгоистичный до мозга костей гасконец не только выглядел очень импозантно, но и обладал весьма высоким интеллектом. Парадоксально, но историки обходят стороной всестороннюю оценку личности Бернадота, тем более что о его причудливом характере встречаются совершенно противоречивые мнения. Большинство равных ему по званию ненавидело его, считая честолюбцем, приспособленцем сомнительных дарований, человеком, который ожидает исхода событий невдалеке так, чтобы в случае выгоды мгновенно оказаться «при делах», а если обстановка неблагоприятная – выйти из воды сухим.

Законченный карьерист, очень умный и столь же волевой Жан Батист быстро смекнул, что именно революция даст ему возможность добиться того, о чем он мечтал с юности. Хитрый беарнец приложил все свои незаурядные дарования, чтобы вознестись как можно выше на гребнях мутных революционных волн. Своей невероятной работоспособностью, чрезвычайным красноречием *(граничащим с краснобайством),* природным умением увлекать за собой толпу Бернадот очень напоминал Дюмурье – такого же авантюриста, как и он.

Смелый Жан Батист ухитряется спасти своего полковника маркиза д'Амбера от виселицы! Вернее, фонарного столба – взбунтовавшаяся чернь облюбовала для аристократии в качестве виселиц именно фонари. Дикие вопли «Àla lanterne!» («На фонарь!») стали неотъемлемой частью французской революции. Правда, защищая своего офицера, Бернадот чуть не пустил при этом кровь революционным собратьям.

И тем не менее в начале 1792 г. он уже лейтенант… революционной армии, готовой дать отпор монархическим Пруссии и Австрии, жаждавшим задушить мятежный Париж – колыбель смуты на Европейском континенте. Отечество направляет его на северо-восток – в Рейнскую армию, кузницу многих будущих легенд французского оружия эпохи Наполеона Бонапарта. В считаные недели Бернадот получает повышение по службе: капитан, майор, полковник…

В ту пору многие сколь даровитые, столь и решительные военные быстро пошли в гору. Для этого у Бернадота было все необходимое – он был крепким профессионалом и смелым человеком. Он знаком и дружен со многими видными деятелями Франции той поры – от Сен-Жюста, правой руки Робеспьера, до подлинного «льва французской армии» генерала Франсуа Марсо. Последний в годы службы на Рейне стал близким другом Бернадота. Два с лишним года (с 1792 по 1794 г.) он воюет под знаменами легендарных революционных дивизионных генералов Журдана и Клебера. За отличие в знаменитой битве при Фрелюсе

29 июня 1794 г. последний прямо на поле боя повышает Жана Батиста до бригадного генерала. Клебер рапортовал Журдану: «Я не могу нахвалиться генералом Бернадотом и Неем, которые ежедневно доставляют мне все новые доказательства своих талантов и отваги… Я счастлив, что предоставил им посты, которые они занимают». Спустя три месяца (2 октября 1794 г.) уже Журдан присваивает Бернадоту высший чин во французской революционной армии – дивизионного генерала. *(Столь же быстро двигается по служебной лестнице и его соратник по Рейнской армии – еще одна будущая наполеоновская знаменитость – Мишель Ней.)* Историки подсчитали, что за 15 месяцев Бернадот пять раз получал повышение по службе.

Бернадот всегда оказывался в самых горячих точках боя, заслужив авторитет настоящего бойца революции. Уже тогда подчиненные шутливо, а кое-кто и подобострастно прозвали его… богом войны! Жан Батист умел быстро и жестко навести дисциплину и порядок среди подчиненных. Он не обладал ярко выраженными талантами тактика и стратега, но брал личным магнетизмом, побуждающим подчиненных следовать за ним, пренебрегая опасностью. Во многих случаях его спасал горячий гасконский темперамент. Но в то же время Жан Батист не был «мясником», т. е. никогда понапрасну не жертвовал жизнями своих подчиненных. Не исключено, что именно эта его черта в гораздо большей мере, чем все иные грани военного дарования, снискала ему неподдельную любовь и искреннее уважение со стороны тех, кто когда-либо сражался под его началом. Он учится хладнокровию и расчетливости. Но уже проявляется его главная полководческая черта: никогда не ввязываться в чересчур рискованное предприятие. Вместе с тем его никто не упрекнул бы в отсутствии мужества. В пылу сражения он всегда на виду, всегда в самой гуще боя. 21 августа 1796 г., во время отступления Самбро-Маасской армии, в стычке под Дейнингом, Бернадот получает рану пикой в голову. «Не будь у меня шляпы, – пишет он брату, – я бы погиб».

…

***Между прочим** , со временем неуемное честолюбие, амбициозность и тщеславие возобладают у Бернадота над разумом, взаимовыручкой. Понятия чести и долга будут ставиться им в*

зависимость от чинов, титулов и денежных пожалований. Его упрямый, независимый характер приведет к тому, что он будет чисто формально выполнять, а иногда и уклоняться от приказов, не несущих какой-либо выгоды лично для него. Любопытно, но это почувствуют не только во французской армии, но и в армиях союзников, когда Бернадот будет воевать на их стороне против Наполеона.

Годы, проведенные Бернадотом в рядах Самбро-Маасской армии (1794–1796 гг.), когда он участвует практически во всех мало-мальски серьезных военных операциях, делают его известной личностью в глазах начальства и еще больше способствуют его популярности в солдатской массе. Во многих случаях Жана Батиста выручает его беарнский темперамент. Он как никто другой умеет заставить себя слушать и подчиняться своим приказам. Поток пламенного красноречия, который он обрушивает на головы солдат, когда того требуют обстоятельства, заставляет даже самых отъявленных смутьянов идти на попятную.

В первый раз судьба свела его с Бонапартом в далеком 1797 г. во время Итальянской кампании. Бернадот и его 20-тысячный корпус были посланы на подмогу Наполеону. 22 февраля 1797 г. отряд Бернадота прибыл в Милан, столицу Ломбардии. С самого начала отношения генералов не задались. При личной встрече 3 марта 1797 г. в местечке Ла-Фаворита близ Мантуи они не понравились друг другу. Слишком разные, эти люди были и слишком похожи, преследовали одни и те же цели: прославиться и подняться как можно выше, благо после революции это стало возможным независимо от происхождения. И все же скупой на похвалу Бонапарт отдал должное выучке и дисциплине приведенных к нему бернадотовских солдат: «Прекрасные войска, в превосходном состоянии!»

Очень скоро война предоставляет Жану Батисту прекрасный шанс показать заносчивому «коротышке-корсиканцу» все, на что он способен. В бою при Тальяменто (16 марта 1797 г.) именно его стремительная атака под ураганным огнем австрийской артиллерии обеспечила победу французам. Но с той поры Бонапарт стал «притормаживать» Бернадота, явно почувствовав в нем скрытые до поры до времени неограниченные амбиции. В своих характеристиках он называет его «одним из выдающихся

защитников Республики», но на деле старается не дать Бернадоту развернуться, а то и отправить с глаз долой, например в Париж – отвезти пять… захваченных у австрийцев знамен. Правда, в письме к Директории командующий Итальянской армией лестно именует Жана Батиста «превосходным генералом, уже стяжавшим славу на берегах Рейна, и… одним из тех командиров, которые в наибольшей степени содействовали славе Итальянской армии».

Впервые оказавшись в столице в 34 года, Бернадот вместо нескольких дней, которые должна длиться его миссия, находится там семь недель. Наш любознательный гасконец не растерялся и сразу завел ряд нужных знакомств в правительстве (в частности, с директором Баррасом) в надежде получить достойный его таланта пост, например… военного министра или, на худой конец, командующего знаменитой Рейнско-Мозельской армией, после того как внезапно скончался легендарный генерал Гош! Но, как говорится, не сложилось. Потом ходили слухи, что здесь не обошлось без руки Бонапарта! Якобы даже издали он все время контролировал ситуацию с темпераментным и упрямым беарнцем, рвавшимся на первые роли в армии. Тщеславному и честолюбивому Жану Батисту приходится вернуться в Итальянскую армию под начало… Бонапарта.

История сохранила любопытное описание этой знаменательной встречи. Когда Бернадот прибыл к Наполеону, то Дюрок вежливо попросил его немного подождать в приемной, пока главнокомандующий разберется со срочными бумагами из Парижа. Импульсивный Бернадот громко возмутился, заявив, что такая фигура, как он, имеет полное право на немедленную аудиенцию. Услышав гневную тираду Бернадота сквозь двери своего кабинета, Бонапарт тут же вышел к «дорогому гостю» с «ангельски-вкрадчивым» выражением лица и с плотно стиснутыми от раздражения губами. То, что случилось дальше, стало для заносчивого гасконца хорошим уроком и заставило его впредь опасаться маленького корсиканца.

«Корсиканский выскочка» очень вежливо извинился перед генералом Бернадотом, мягко и ласково заметив, что никогда и не помышлял затевать какие-либо церемонии со столь знаменитым соратником, тем более его, Бонапарта, «правой рукой». После этой приторно-сладкой тирады главнокомандующий Итальянской армией, взял пыхтящего от напыщенности «рейнского друга» под локоток и пригласил прогуляться в тиши соседнего парка, дабы посоветоваться о «важных делах в Париже».

Далее началась трагикомедия. Бонапарт интересовался мнением «правой руки» об их выдающихся соратниках по борьбе с

врагами революции: Массена, Клебере, Гоше и Серюрье. Затем последовала внезапная смена темы. Бонапарт с ученым видом знатока стал обсуждать особенности построения македонской фаланги и римского легиона. Не слишком сведущий в военной теории, Бернадот тут же сник. А выпускник двух военных учебных заведений, кадровый военный Наполеон Бонапарт, как бы не замечая созданной им самим неловкости, с упоением продолжал «копать в глубь» каверзной для собеседника темы. Никто не знает, сколько времени маленький корсиканец «преподавал» высшую военную науку хвастливому беарнцу. Но зато после того, как Наполеон так «мягко и ласково» поставил Бернадота на место, тот все понял и, забросив все, не только плотно засел за книги по военной истории, но после каждой прочитанной главы обязательно обсуждал ее со своими адъютантами. Бернадот был способным учеником.

После той «встречи двух друзей» Бонапарт предпочел убрать «наглого неуча» из армии с глаз долой. Напористость и амбициозность Бернадота начинают не на шутку его тревожить. Видя в нем своего соперника, Бонапарт вовсю расхвалил Директории… дипломатические способности Бернадота. С его подачи вояку отправили послом в побежденную Австрию. В новом качестве темпераментный гасконец поначалу стал настоящей «достопримечательностью» Вены, причем довольно скандальной. С его именем связана целая череда опасных с точки зрения политика (но не военного) казусов и досадных промашек. Так, к примеру, против всех дипломатических правил он взял и приказал повесить на балконе посольского дома флаг республиканской Франции, чем вызвал взрыв возмущения у австрийцев, только что позорно проигравших войну Бонапарту. Дело кончилось тем, что французский флаг сорвали и сожгли, а Франция отозвала своего горе-дипломата.

…

Между прочим *, по словам очевидцев, инцидент с французским флагом в Вене чуть было не сорвал готовившуюся экспедицию генерала Бонапарта в Египет. Международная обстановка накалилась, и французское правительство раздумывало о возможных ответных действиях. Но затем благоразумие*

политиков взяло верх, и французская сторона спустила инцидент «на тормозах». Судя по всему, в Париже не стали вешать на бравого гасконца всех собак, поскольку сами дали ему опрометчивое предписание выставить на здании французского посольства в Вене революционно-республиканские трехцветные эмблемы, тем самым спровоцировав конфликт.

В Париже он возобновляет старые знакомства и заводит новые, в том числе из ближайшего круга своего главного «доброжелателя» Бонапарта. Так, он оказывается на короткой ноге с самым умным из братьев Наполеона Люсьеном. Более того, будучи частым гостем у хлебосольного Жозефа Бонапарта, Бернадот снова встречается с уже знакомой ему с 1789 г. свояченицей Наполеона, теперь 20-летней Дезире Клари, сестрой жены Жозефа Бонапарта. Пикантность возобновления знакомства заключалась в том, что Дезире была первой юношеской любовью Наполеона, их мимолетный роман закончился отнюдь не по ее вине. Из шаловливого ребенка Дезире превратилась в грациозную и сексуально привлекательную томную девицу с испытующе-многообещающим взором огромных бархатных глаз. Глаз, в которых даже наш бывалый гасконский петух-ловелас 35-летний Жан Батист увидел всю… свою оставшуюся жизнь! Дело заканчивается тем, что Бернадот женится на Дезире и входит в семью Бонапартов вопреки воле Наполеона.

Не исключено, что Дезире Клари решилась на этот «неравный брак» – разница между новобрачными была немалой, как-никак целых 15 лет – все же не из-за безумной любви к бравому революционному генералу, а в пику своему прежнему воздыхателю Наполеону Бонапарту! Тому самому, которого в мгновение ока окрутила «ласковая и пушистая кошечка» Жозефина – дамочка хоть уже и не первой свежести, но знающая, как при первой встрече правильно расстелить мужчину, чтобы потом всю оставшуюся жизнь ходить по нему ногами в обуви на… каблуках! Недаром, когда Дезире много лет спустя спросили, почему она вышла замуж именно за Бернадота, она без запинки дала исчерпывающий ответ: «Просто потому, что он был солдат, способный противостоять самому Наполеону!» Женская логика обезоруживает раз и навсегда.

Прошли годы, и Наполеон горько пожалел о случившемся, но

«поезд уже ушел»! Так судьба еще теснее переплела пути-дороги двух революционных генералов, рвущихся на олимп, где место было только для одного.

Поэтому, когда Бонапарт отправился в 1799 г. в Египет, он не взял с собой Бернадота, и тот остался в Европе.

Потом началась новая война с европейскими королями, и Бернадот стал военным министром Франции. Обстановка крайне непростая: пока отборная французская армия во главе с «корсиканским выскочкой» все глубже и глубже увязала в Египте, Суворов в Италии стремительно громил лучших из оставшихся французских генералов, а австрийский эрцгерцог Карл все настойчивее наседал на Рейне. В суровую для отчизны годину Бернадот, любивший красивую фразу и красивую позу (недаром за свою изящную походку он получил от солдат ехидное прозвище Сержант Красивая Ножка, *фр.* Sergent Belle-Jambe), на деле доказывает, что он истинный патриот. В этот момент он – сама кипучая энергия, распорядительность и несомненный талант организатора. Франция спасена (правда, не им одним, как это он потом стал везде расписывать!) и ждет возвращения своего главного героя – Бонапарта из Египта. Не без помощи Жана Батиста в стране наводится порядок: роялистские мятежи в Вандее подавлены.

А потом показалось, что судьба предоставила Бернадоту уникальный шанс подняться на вершину политического олимпа. Осенью 1799 г. Франция, явно уставшая от многолетних революционных потрясений, усугубленных «грохотом поражений» от неистового старика Suvaroff, нуждалась в сильной руке – «шпаге-сабле», причем знаменитой и уважаемой народом! Сам Наполеон оставил по этому поводу очень емкое изречение: «Для того чтобы управлять, надо быть военным: ведь лошадью управляют в сапогах со шпорами». Но не всякий генерал может быть пригоден для… гражданского управления! С падением якобинской диктатуры и вступлением во власть термидорианцев военная диктатура была уже неизбежна. Термидорианцы были карьеристами и собственные интересы (в отличие от якобинцев, все же опиравшихся на народ и выполнявших волю народа) ставили выше интересов Отчизны. Армия нужна была им не только для защиты отечества от внешнего врага, но для защиты… их самих от врагов внутренних.

Положение правящей Францией Директории было очень непростым: пытаясь привлечь к решению своих проблем того или иного генерала, она сильно рисковала. Поверяя военному свои «темные планы», она, с одной стороны, делала его сообщником *(он освобождался от обязанности подчиняться ей!)* , а с другой

стороны, становилась его… заложником! Вероятность измены возрастала пропорционально его умственным способностям и амбициям. Ведь до конца было не известно, как такой человек поступит в отношении «себя, любимого», когда поймет, что на самом деле именно он – вершитель судьбы всей страны! На кого он повернет солдат и пушки? Не на Директорию ли? Вот почему она придирчиво искала именно ту «шпагу-саблю», которая не проткнет ее саму. Переворот 18 фрюктидора 1797 г. прошел на ура с помощью хорошего генерала, но недалекого политика Ожеро. Он так и не сообразил, что в тот день в его руках были огромные возможности для личного возвышения. Но на этот раз обстоятельства несколько изменились, и одной лишь решительности было недостаточно. Нужен был человек не только отважный, но и по-настоящему умный.

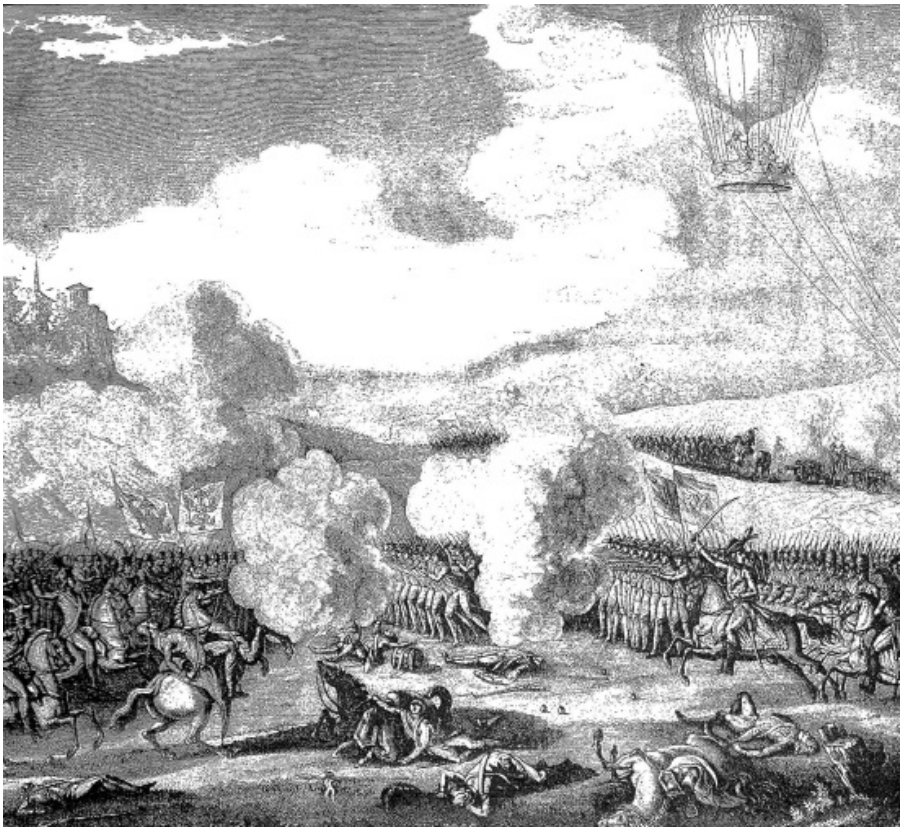
Вопросом поисков «шпаги-сабли» в Директории ведали двое: виконт из провансальского мелкопоместного дворянства Поль Жан Франсуа Никола де Баррас (1755–1829) и Эммануэль Жозеф Сьейес (1748–1836), сын почтмейстера, выпускник духовной семинарии в Сен-Сюльплиссе, главный викарий Шартрского епископства – по профессии и политик – по призванию. *(Фамилия последнего, максимально приближенная в русской орфографии к ее подлинному французскому звучанию, должна произноситься именно так – Сьейес, а не как это утвердилось в отечественной историографии – Сийес.)*

Каждый из них планировал государственный переворот по-своему и в собственных интересах. Последний, будучи человеком более радикальным, решил сокрушить республику. Он исходил из того, что, пока во Франции сохраняется республика, соседние монархические страны будут пытаться ее уничтожить. Следовательно, нужно отказаться от республики самим!

Одно время Директория серьезно рассматривала кандидатуру Бернадота. Казалось, все было за него: решителен, ловок, красноречив, умеет увлекать за собой толпу! Карьерист каких поискать, Жан Батист приучил «директоров» к мысли, что именно он им нужен! После отправки Ожеро в Рейнскую армию «директоры» склонялись к мысли, что Бернадот лучше всех походит на роль «переворотчика». Как говорили потом, «он сам метил в бонапарты». Но было одно «но», причем большое: хитроумный гасконский петух Бернадот обладал уникальным даром выжидать до последнего! Он быстро согласился со всеми поступившими ему предложениями, и политикам уже казалось, что Бернадот у них «в кармане», как вдруг «шпагасабля»… исчезла и оказалась «временно недоступна»! Пришлось подбирать нового кандидата: им мог стать еще один генерал из Итальянской

армии Бонапарта – Жубер, весьма заинтересованный послужить на благо Директории и ее «директоров»! Как военный, он, несомненно, стоял выше Бернадота, а вот как политик все же уступал ему в ловкости и изворотливости. Обе «шпаги-сабли» наперебой успокаивали Директорию, что наведут порядок одним махом. Но если Жубер говорил: «Дайте мне 20 гренадер, и я в любой момент покончу со всеми!» – то хитрющий гасконец Бернадот громко и убедительно возражал: «Ну что вы?! 20 гренадер – это слишком… много! Четырех солдат с капралом достаточно, чтобы выгнать всех этих адвокатишек из Совета пятисот!» Ярко выраженное хитроумие Берандота вкупе с его непомерным бахвальством напрягло «дьявола-искусителя» Сьейеса. И Бернадота сделали… военным министром, но сам переворот несколько отложили, а поиски адекватной кандидатуры продолжились. Соперники Бернадота, претендовавшие на этот «пост», отпадали один за другим: Жубер погиб в сражении с русским Марсом при Нови, Моро слишком долго колебался, и дело пахло его «самоотводом»! Казалось, цель Бернадота близка!

А потом в дело вмешался *его величество* … с *лучай* ! Словно черт из табакерки внезапно возник главный недруг генерала Бернадота – его свояк генерал Бонапарт, исключительно вовремя ретировавшийся из Египта и благополучно высадившийся на юге Франции. Отлично понимавший, какой прекрасный шанс предоставляет ему судьба для восхождения на вершину власти, Наполеон начал действовать. Через «христопродавца в шелковых чулках» Талейрана он быстро столковался с Сьейесом. Министр полиции Фуше – еще один «хитрован» той богатой на проходимцев эпохи – мгновенно сообразил, откуда дует ветер удачи и сделал вид, будто ничего противозаконного не видит. Военного губернатора Парижа генерала Лефевра Наполеон примитивно купил, подарив ему роскошную дамасскую саблю, и тот тут же «взял под козырек», громогласно рявкнув: «Давно пора перетопить в Сене всех этих жуликов-адвокатишек из правительства!» А Бернадот то ли проспал момент, то ли перехитрил самого



Неизвестный автор. *Сражение при Флерюсе.* Гравюра. 1794 г.

себя, то ли его смогли нейтрализовать сторонники Бонапарта. Опасный из-за своей большой народной популярности генерал Моро сам явился к Бонапарту и заявил, что ему надоели эти мерзкие «адвокатишки», профукавшие отечество. Два других пламенных республиканца – генералы Клебер и Брюн – были далеко от Парижа, но если первый был предусмотрительно оставлен расчетливым корсиканцем в Египте «за главного» и там увяз, то второй сдерживал врага на северо-востоке Франции. Для наиболее влиятельных сторонников «сильной руки» был устроен ряд «деловых обедов»; люди из ближайшего окружения Бонапарта активно сгоняли «заблудших овечек» в лагерь удачливого корсиканца, явно претендовавшего на роль капитана французского государственного корабля.

И через месяц после возвращения во Францию, 9—10 ноября 1799 г. (по революционному календарю 18–19 брюмера 8-го года революции), Наполеон взял власть в свои руки: власть, как известно, не дают, ее берут!

С возвращением Наполеона Бернадоту пришлось отойти на второй план. Теперь уже бывший военный министр совершил большую ошибку: он слишком долго выбирал, как ему поступить.

Он не примкнул к Бонапарту, но и не торопился встать в ряды его противников. В решительный момент захвата власти Бонапартом он все же явился в его дом, но в отличие от других военных не в мундире, а в штатском костюме. Подобная манера поведения, естественно, не устроила Наполеона, и, на словах выражая Жану Батисту свое расположение, он сделал все, чтобы оставить его если не у дел, то, по крайней мере, на третьих ролях. Интересно, что чем выше продвигался Наполеон, тем больше он не любил Бернадота. Чуял сильного соперника? Второго генерала-патриота вроде Моро? Или второго себя?! Напомним, что Бернадот сам метил в бонапарты! Но двум бонапартам было «не ужиться в одной берлоге»!
Так началась бесконечная война Бернадота против Бонапарта.

…

> ***Между прочим*** *, до сих пор никто не объяснил, что могла означать записка, оставленная Наполеоном Бернадоту перед отъездом на Итальянский театр военных действий в 1800 г. Накануне судьбоносного Маренго Бонапарт написал: «Если я погибну, вы будете располагать 40 тысячами солдат у ворот Парижа, и судьба Республики будет в ваших руках». То ли Бонапарт отдавал себе отчет, что ярый якобинец Жан Батист один из немногих, кто действительно сумеет удержать ситуацию в стране в рамках республиканских устоев и не допустит резких перемен, то ли…*

Наполеон не оставлял мысли отправить честолюбивого гасконца «к черту на кулички», например генерал-губернатором французского острова Гваделупа, или губернатором Луизианы, или послом в Константинополь либо в Соединенные Штаты Америки. Но каждый раз изворотливому строптивцу удается «отмазаться», прикрываясь тем, что он… муж бывшей пассии Бонапарта Дезире Клари. Не исключено, что именно нежные воспоминания о первой чистой любви действительно останавливали Наполеона от расправы с тщеславным

честолюбцем из Беарна! На самом деле Жан Батист слишком самостоятелен, чтобы всецело зависеть от воли Наполеона. Бернадот пробился на вершину военного олимпа сам. Он стал генералом всего лишь на год позже Наполеона. В общем, он ничем не обязан маленькому корсиканцу и очень часто напоминает ему об этом. Фрондерство и неумение «служить» – не единственный недостаток Бернадота, но главный.

Взаимная неприязнь не затухала. Ходили слухи, что импульсивный Бернадот даже участвовал в заговоре с целью свержения Наполеона. Однако благодаря своей популярности в армии, а также во многом из-за вмешательства своих влиятельных родственников по линии жены Жан Батист так и не понес наказания. Более того, он попал в число 18 революционных генералов, назначенных маршалами, и *первым* получил княжеский титул! Новоиспеченному князю Понте-Корво и маршалу Франции Наполеон приказал выдать столько денег, сколько тот пожелает, чтобы не кричал на всех перекрестках, что вынужден попрошайничать во времена империи Наполеона. Золотой дождь, пролившийся на нашего беарнского «попрошайку», вызвал немало кривых ухмылок других маршалов Франции, чьи заслуги перед отечеством и лично Наполеоном, несомненно, были выше, чем хвастливого гасконского петуха.

В 1805 г., когда начинается новая война с европейскими монархами, Бернадоту поручается командование 1-м армейским корпусом, в составе которого больше солдат-баварцев, чем французов. И так теперь будет всегда, никогда более под началом у Бернадота не будет французов, а только ненадежные союзники: в 1807 г. – поляки, в 1808 г. – голландцы и испанцы, в 1809 г. – вестфальцы и саксонцы. Недоверие Наполеона было явно налицо. Но военные таланты Бернадота он по-прежнему использует по назначению. И тот отличается, окружив австрийцев Макка. Ему принадлежит немалая заслуга в том, что этот маневр завершился столь блестяще.

Но когда Бонапарт решает совершить нечто подобное в отношении русской армии Кутузова, то на этот раз Бернадот не справляется из-за размытых осенними дождями дорог и непрекращающихся снегопадов, превративших Дунай в настоящее море. Ни понтонов, ни каких-либо других средств, необходимых для переправы *(за исключением 14 небольших лодок),* у Бернадота не было. К назначенному императором месту 1-й корпус прибыл с трехдневным опозданием. Не успев перерезать путь русским, Жан Батист подвергся гневному разносу со стороны Наполеона. Поскольку на войне даже часовое опоздание бывает смерти подобно, то столь огромная просрочка вызвала у императора

невероятный гнев. Все объяснения были бесполезны, и патрон орал своему маршалу обидные слова: «Я все больше убеждаюсь, что самые лучшие люди – это те, которых я воспитал сам! Я доволен Мюратом, Ланном, Даву, Сультом, Неем и Мармоном, но не вами!»

Перед Аустерлицем Наполеон предельно высокомерно, ледяным тоном отдал приказы Бернадоту, как тому действовать на левом фланге французской позиции. Бернадот не только стерпел, но сумел показать меру своего военного дарования. Он отличился исключительно точными самостоятельными действиями в этом решающем для Бонапарта сражении. Когда в ходе знаменитой атаки 800 русских кавалергардов на позиции Сульта в центре французской армии солдаты последнего попятились, именно Бернадот, первым осознав всю опасность натиска русских лейб-гвардейцев, без приказа Наполеона, лично кинулся на помощь Сульту с одной из своих ганноверских дивизий и, по сути дела, спас положение. Только затем подоспела гвардейская кавалерия из резерва Бонапарта, и понесшая большие потери элита русской армии откатилась назад.

Заслуги заносчивого беарнца не остались незамеченными, и он в обход других маршалов в числе первых оказался в наградном листе и получил титул князя Понте-Корво. Среди обиженных маршалов и генералов, а затем и в казармах начались разговоры о… семейственности. Это были прямые намеки на Дезире Клари. Больше всех возмущался желчный Даву, открыто говоривший об ошибках «жалкого Понте-Корво» в этой кампании: опоздал захлопнуть в капкане Кутузова; не сумел организовать преследование русских после Аустерлица и т. п.

…

***Кстати** , крохотное владение Понте-Корво входит в состав Неаполитанского королевства, и то, что именно Бернадот превращается в его светлость герцога Понте-Корво, вряд ли может кого-либо удивить. Это «пожалование» лишний раз подчеркивает: император награждает Бернадота не за его заслуги, а за то, что он – член семьи Бонапартов.*

Отношения между двумя маршалами обострились еще больше после знаменитого сражения при Ауэрштедте. Тогда Даву неожиданно столкнулся с более чем вдвое превосходящей его численно прусской армией. Отступать было поздно, да и не в правилах Даву: пришлось принять бой в невыгодных условиях. Даву все время ждал, что в любой момент подойдет параллельно двигавшийся корпус Бернадота и спасет положение, но атаки врага следовали одна за другой, а Бернадот так и не появился. Один из штабных офицеров Даву впоследствии заявлял, что видел вдалеке Бернадота верхом на коне и даже смог к нему пробиться и объяснить, что происходит на поле боя. Он также добавил, что в ответ на его горячие слова убеждения герцог Понте-Корво холодно произнес: «Возвращайтесь к своему маршалу и передайте ему, что я буду там, пускай не беспокоится». Так и не получив поддержки от явно не торопившегося Бернадота, Даву не только устоял против огромных сил противника, но и разгромил их наголову. До безумия уставшему Даву оставалось распорядиться по поводу раненых и отправить в главную квартиру курьера, чтобы тот в произнесенных ледяным голосом выражениях выяснил, почему корпус, вынужденный сражаться более чем с половиной прусской армии, был оставлен без поддержки.

Вся наполеоновская армия с нетерпением ждала самого сурового наказания для Бернадота. Среди генералов, не говоря уж о маршалах, его никогда особенно не любили. Столь недостойное поведение чуть не стоило Бернадоту головы. Взбешенный Наполеон потом орал на него: «Вас нужно отдать под трибунал и расстрелять!» В порыве гнева он даже подписал приказ об этом, но затем передумал и разорвал его. Говорили, что и на этот раз не обошлось без заступничества Дезире Клари. Возможно, он думал, что Бернадот осознает всю тяжесть своего проступка и постарается загладить его. Будущее показало, что снисходительность Наполеона была ошибкой. Причем роковой!

И все же почему Бернадот по зову Даву не явился на поле боя под Ауэрштедтом? Ходили упорные слухи, что крайне самолюбивый и завистливый Бернадот ревновал к Даву и желал ему поражения. Рассказывали, что позднее Бернадот проговорился и выдал себя: «Это мне-то получать приказы от какого-то Даву!» Профессиональная ревность, не так ли?! Не исключено, что никакого приказа поддержать Даву сам Наполеон Бернадоту не давал: документов с его подписью не сохранилось! И Бернадот предпочел действовать согласно букве *(но не армейской этике и взаимовыручке!)* имевшегося у него первого приказа на раздельное стратегическое движение к намеченному

пункту сбора. К тому же между Даву и Бернадотом были две реки, протекавшие по гористым ущельям, и быстро преодолеть их не представлялось возможным.

Но с тех пор Бонапарт окончательно убедился, что главная черта Бернадота – умение отсутствовать в решающем месте в решительный момент. Именно с той поры Наполеон стал открыто недолюбливать самоуверенного гасконца. Семейная снисходительность императора дорого обойдется ему. Но это будет потом, а пока все шло как нельзя лучше… Бернадот, всячески стремясь хоть как-то сгладить негативное впечатление от его «неджентльменского» поведения под Ауэрштедтом, полез из кожи вон, участвуя наряду с кавалерией Мюрата в преследовании остатков прусской армии. Жан Батист проявил энергию и решительность! Он заставил пруссаков капитулировать под датским портом Любеком. Безжалостным преследованием пруссаков Бернадот не дал им погрузиться на корабли и отплыть в Англию. Этим маневром 12-тысячный 1-й корпус и его командир частично искупили свои грехи перед братьями по оружию, по Великой армии. Но Бернадот не успокаивается победой под Любеком и в следующем бою под Галле разбивает в пух и прах последний прусский резерв под началом принца Фридриха Вюртембергского, двигавшийся для прикрытия отступления уже не существующей армии.

Проштрафившемуся в самом начале Прусской кампании Бернадоту в ходе преследования бегущих пруссаков удалось не только «набрать вистов» перед своим императором (захват Галле, Бранденбурга, Любека и других оплотов «прусского милитаризма»), но и получить козырную карту на будущее. Дело в том, что именно к нему в руки попала прибывшая на помощь союзникам-пруссакам шведская пехотная дивизия графа Густава Мёрнера. Бернадот очень снисходительно *(можно даже сказать, весьма ласково!)* отнесся к полутора тысячам шведских пленных. О благородном и любезном французском маршале заговорила вся… Швеция! Очень скоро совершенно особое отношение Бернадота к шведам обернется для него невероятной удачей – подарком Судьбы!

Затем последовала кровавая ничья Бонапарта с русскими Беннигсена на морозном заснеженном поле под Прейсиш-Эйлау, на которое Бернадот снова… опоздал! Раздосадованный результатами Эйлау и особенно тем печальным резонансом, который они имели в Европе, французский император немедленно попытался сделать козла отпущения из Бернадота. Беарнскому бахвалу, получившему клеймо «злодея» еще со времен Ауэрштедта, теперь вменялось в вину, что он опять-таки

вовремя не подошел к главным силам. Бернадот ссылался на то, что так и не получил от кавалерийского генерала д'Ополя повеления Наполеона о направлении главного удара французов. Его на самом деле перехватили казаки, а д'Ополь погиб во время знаменитой атаки всей кавалерии Мюрата на русский центр, и спросить было не с кого. Но Наполеон уже закусил удила и ничего не хотел слушать. «Если бы Бернадот пришел в Эйлау, – твердил он на следующий день после сражения, – я бы выиграл битву!» Наполеону подпели личные враги гасконца Бертье и Даву. (Они и дальше будут использовать малейшие промахи князя Понте-Корво, чтобы выставить его перед повелителем в самом неприглядном свете.) Всем оправданиям хвастливого гасконца теперь уже мало кто верил, а сам виновник сомнительного успеха при Эйлау настолько озлобился, что стал искать удобный случай предать императора. Пройдут годы, и Бернадот преуспеет в этом…

Следующий повод устроить Бернадоту унизительную публичную выволочку подвернулся Наполеону через пару лет – в ходе знаменитого сражения с австрийцами эрцгерцога Карла на поле Ваграма в 1809 г. Тогда в первый день двухдневного сражения плохо обученные и отнюдь не горевшие желанием воевать под французскими знаменами саксонцы из 9-го корпуса Бернадота весь день протоптались под деревенькой Ваграм. Их командующий попытался прикрыть свою неудачу обычной для него неуместной гасконской бравадой. Он открыто заявил, что Наполеон из рук вон плохо руководил сражением и что, «будь он командующим, уж он-то точно перестал бы бросать в фронтальную атаку огромные, неповоротливые колонны, а заставил бы Карла ловким маневром сложить оружие почти без боя». Бернадоту дорого обойдутся его наглые высказывания по поводу полководческого искусства императора. Уже на следующий день Наполеон найдет повод свести с ним счеты, причем раз и навсегда.

Спустя сутки саксонцы Бернадота, действовавшие в центре, снова не выдержали накала битвы (после шквального артобстрела против них были брошены отборные австрийские гренадеры вместе с резервной кавалерией под началом самого эрцгерцога Карла) и побежали. Их маршал-гасконец попытался обогнать своих солдат, чтобы повернуть и собрать. Он галопом помчался перед ними и во время этого маневра налетел… на самого Наполеона. Французский император не мог упустить такой шанс отомстить хвастуну Бернадоту за вчерашнее наглое высказывание в его адрес, о котором услужливые офицеры, естественно, донесли Бонапарту. «Это и есть ваш "ловкий маневр", которым вы

заставите Карла сложить оружие?» – съязвил он под дружный гогот своей свиты. Вновь опозоренный и ошеломленный Бернадот надолго лишился дара речи. Никогда, ни прежде, ни потом, Жан Батист не переживал столь большого унижения. А безжалостный император продолжал разгром своего нелюбимого маршала: «Я отстраняю вас от командования корпусом, которое вам не по силам! Уйдите с поля боя! Я даю вам сутки на то, чтобы навсегда покинуть ряды французской армии!» Лишь искусный перекрестный огонь артиллерии Лористона и Друо смог остановить, казалось, неудержимую атаку австрийцев на центр наполеоновской позиции.

Бернадот никогда не был трусом, но он превратился в слишком большого хвастуна и, считая себя не менее великим полководцем, чем Наполеон, последнее время стал слишком мало делать для его побед. Бонапарт это прекрасно понимал и, давно чувствуя его ненадежность, а возможно, даже измену, воспользовался случаем, чтобы окончательно убрать Бернадота от себя подальше, попутно унизив как военачальника.

Но хвастливый Бернадот сам продолжал провоцировать развитие конфликта с императором. Наполеон не счел нужным отметить участие саксонского корпуса в битве при Ваграме в официальном бюллетене по армии. Зато опальный маршал с чисто гасконским самомнением по своей инициативе выпустил собственный приказ по 9-му корпусу, в котором подчеркивал его… героизм в ходе Ваграмского побоища! Гасконца явно понесло, и он не смог остановиться: скандальный приказ был опубликован без ведома Бонапарта не только в дрезденских, но и в парижских газетах,

Неизвестный автор. *Переход французской армии через реку Тальяменто в Италии.*

вызвав резонанс среди широкой общественности. Подобное самоуправство Бонапарт не прощал никому, даже… свояку. Бернадот оказывается окончательно не у дел. После Ваграма военная карьера во французской армии одного из ее самых самобытных военачальников – маршала Жана Батиста Жюля Бернадота завершилась.

Казалось, у него уже не было никаких шансов во Франции, пока ею правил Наполеон. Но случай дал ему – одному из ярых вождей умершего якобинства – возможность протянуть руку к… европейской короне!

В том же 1809 г., когда Наполеон разбил австрийцев под Ваграмом, а Бернадот так сильно оконфузился, шведы в очередной раз проиграли войну России. В стране произошел дворцовый переворот, и вместо свергнутого армией короля Густава IV Адольфа на трон взошел его старый и бездетный дядя Карл XIII Юхан. Спустя год после этого умер двоюродный брат короля – принц Христиан Август Шлезвиг-Гольштинский, единственный наследник шведского престола. Пришла пора искать преемника. Решено было обратиться за помощью к… Наполеону. Расчет был абсолютно правильным: французский император единственный в Европе мог пойти войной на Россию, а шведы жаждали реванша еще со времен катастрофы под Полтавой! Шведские уполномоченные во главе с Отто Мёрнером,

направлявшиеся на переговоры к всесильному французскому императору через Померанию (одну из немецких провинций, оккупированных Францией), встретились с ее наместником… Бернадотом и поведали ему о целях своего визита. Подвернувшуюся возможность карьерист из Беарна использовал на все сто процентов. Несмотря на то что его соперниками в этом щекотливом соревновании были Массена, Даву, Бертье и пасынок Бонапарта Евгений Богарне, победителем оказался гасконец, в 1806 г. в ходе разгрома Пруссии дальновидно отпустивший из плена полторы тысячи шведских солдат под командованием Густава Мёрнера, брата Отто Мёрнера! Для Наполеона это был весьма невыгодный расклад в политическом пасьянсе Европы. Но, как он ни старался склонить делегатов в пользу иной кандидатуры, твердолобые шведы упрямо стояли на своем и получили в наследники престола бывшего революционного генерала.

…

Между прочим *, французский император, учитывая свои отнюдь не ласковые взаимоотношения с Жаном Батистом Жюлем Бернадотом, попытался напоследок связать по рукам и ногам этого вечного фрондера и оппозиционера, ставшего наследником шведского престола. Перед отъездом последнего в Швецию Наполеон настойчиво ему предложил подписать специальную грамоту, по которой кронпринц Швеции гарантировал Франции, что не будет вступать в антифранцузские союзы и тем более воевать против своей родины! Бернадот уже почувствовал свою силу и наотрез отказал свояку в попытке закабалить его! Причем сделано это было по-гасконски нагло и безапелляционно. Всесильному Бонапарту пришлось ограничиться весьма провидческой фразой: «Ну что же, идите, и пусть с нами случится то, что случится». Бернадот ушел в*

самостоятельное плавание без гарантий лояльности к бывшему патрону.

Казалось, теперь у Наполеона появился «свой человек» под боком у русских! Но Бернадот, ставший наследным принцем Швеции Карлом Юханом, не только не пошел войной против России в 1812 г., но в трудную для Наполеона годину – в 1813-м – сделал все, чтобы, войдя в союз с Англией, Пруссией, Россией и Австрией, насолить своему обидчику.

Для Бернадота, немало повоевавшего под началом Бонапарта, не было секретов ни в стратегии, ни в тактике французского императора. Взбешенный его предательством Бонапарт обозвал Бернадота «самым бездарным из моих маршалов», что было отнюдь не так. Просто тот оказался самым гибким и самостоятельным среди наполеоновских военачальников. Теперь он вынашивал крайне честолюбивые планы, рассчитывая с помощью российского императора Александра I «забраться» на… французский престол, когда падет Наполеон. Другое дело, что для самих французов он давно стал… не просто чужим, а изменником!

Наполеон был ослеплен предательством бывшего подчиненного и стремился с ним поквитаться. Маршалы Мармон и Сен-Сир предупреждали Наполеона, что с Бернадотом следует считаться. Но французский император в запале перестал учитывать, что Бернадот был совсем не последним среди маршалов Франции. Другое дело, что и в 1813 г. он действовал в своей традиционной манере: не спешил ввязываться в бой, а маневрировал, маневрировал, маневрировал. Заставить его вступить в сражение было крайне сложно, потому что он всегда находил массу весомых отговорок. Правда, Бернадот все же переиграл Нея при Денневице, а Удино под Гросс-Бееренном, и это стало его ответом на все нападки многочисленных злопыхателей среди маршалов Франции. Вскоре будущий шведский монарх принял участие в эпохальной битве под Лейпцигом осенью 1813 г., по сути дела, положившей конец наполеоновской империи. Очевидец писал: «Принц шведский… верхом на белом коне, одетый в шубу из лилового бархата, отделанную золотыми петлицами, с шляпой на голове, украшенной белыми перьями и громадным развевающимся султаном шведских цветов, с жезлом с руках, обтянутым лиловым бархатом, с золотой короной на обоих концах». Но и тогда он был верен своей неизменной тактике: поменьше усердия, побольше – осторожности! Уговоры и увещевания – бесполезны! Шведские войска почти не участвовали

в сражении: за три дня боя под Лейпцигом части Бернадота потеряли несколько сот человек.

Он очень умело топтался на месте, «маневрируя» в пользу того, чтобы Дания уступила ему Норвегию. И только после отречения Наполеона от престола (6 апреля 1814 г.) Бернадот проявил невиданную прыть. «Бесхозная» корона Франции неудержимо манила к себе его королевское высочество, и он явился во французскую столицу. Французское общество, по крайней мере парижане, восприняло претензии наследного принца Швеции на освободившийся престол Франции с нескрываемой враждебностью. Под окнами дома, в котором остановился кронпринц шведский, были слышны крики: «Прочь, изменник! Прочь, вероломный!» Бернадот недолго оставался в Париже. Очень скоро, несколько озадаченный, он уехал из столицы, чтобы никогда туда не возвращаться. Возможно, это решение ему помогла принять жена Лефевра, в глаза назвавшая его изменником.

Правивший Швецией в качестве регента до вступления на престол 18 февраля 1818 г., Жан Батист Жюль Карл Юхан пережил многих из своих коллег-маршалов и надел на свою голову одну из самых старых европейских корон. Ни у одного из революционных генералов и наполеоновских маршалов не было карьеры столь благополучной, как у Бернадота. Судьба многих была, конечно, блестяща, но до конца безмятежно, без всяких помех воспользовался добытым положением только наш беарнский выжидала. Бывший республиканец и революционный генерал Бернадот стал королем Швеции Карлом XIV Юханом и сделал все от него зависящее для восстановления престижа страны и мирного сосуществования с Россией. Именно тогда Швеция встала на тот путь развития, который привел ее к современному процветанию.

Жан Батист Жюль Бернадот умер от апоплексического удара в возрасте 81 года 8 марта 1844 г., оставив по себе в Швеции добрую память, а его потомки правят этой страной до сих пор. Незадолго до смерти, узнав, что останки его непримиримого визави и свояка Бонапарта наконец будут погребены в Париже, он горестно воскликнул: «Когда-то я был маршалом Франции, теперь всего лишь король Швеции». Уже будучи монархом, Бернадот всячески избегал людских глаз, когда купался. Даже слуги ни разу не видели его обнаженным. И только когда он скончался, все узнали о причине такого поведения: на груди у этого короля удрученные подданные обнаружили большую наколку, сделанную им в годы революционной молодости: «Смерть королям и тиранам!» Таковы гримасы истории…

P. S. По сложившейся двухвековой традиции личность Бернадота несколько недооценивалась. В первую очередь в нем видели записного гасконца: горлопана, задавалу и примитивного вояку. Вместе с тем его причудливый характер был весьма неоднозначен. Большинство коллег по кровавому ремеслу его недолюбливали, порой открыто, в основном за его весьма специфическую особенность – ожидать развязки событий как бы «сидя на заборе»! Среди маршалата это считалось моветоном! Во многом поэтому в армейской среде гуляло мнение о сомнительности военного дарования гасконского петуха. В действительности Бернадот был сколь умным, столь и волевым и одаренным человеком. Он не был откровенным лгуном и примитивным горлопаном. Просто умел подстраивать свой неординарный характер под изменяющиеся обстоятельства или под натуру того человека, с которым ему на данный момент приходилось иметь дело. Так он управлял своей судьбой. К тому же он обладал особым даром: счастливо оправдывать свои порой малопонятные поступки, а вернее, «топтание на месте». Бернадот прекрасно схватывал положение, понимал, где нужно ждать и где следует торопиться, вносил железное самообладание во все то, что он предпринимал, и добился в конце концов своего. Недаром уже на острове Святой Елены Наполеон так резюмировал отношение к бывшему соратнику: «Я могу его обвинить в неблагодарности, но не в измене».

Мишель Ней Les Brave des Braves («храбрейший из храбрых»)

Наибольшей славой и любовью во французской армии по праву пользовался полуфранцуз-полунемец из Лотарингии, сын бондаря, огненно-рыжий и зеленоглазый маршал Мишель Ней (10.01.1769, Саарлуи – 7.12.1815, Париж). Солдаты любовно звали его Le Rougeaud («красномордый», «рыжий»), а Бонапарт – «рыжегривым львом». Отец Мишеля Пьер Ней был родом из Фридрихсхафена, что на берегу Баденского озера. В молодости он был храбрым солдатом королевской армии, участвовал в неудачной для Франции Семилетней войне и сражался в знаменитой битве при Россбахе с прусским королем-полководцем Фридрихом II Великим, где французы принца де Субиза потерпели унизительное поражение. Максимум, до чего он смог дослужиться, – сержантские нашивки, после чего в 1766 г. вышел в отставку, поселился в Саарлуи и женился на Маргерит Граванинье. Пьер Ней стал мелким собственником, владельцем нескольких небольших участков земли, но его главным занятием было ремесло бондаря. Мишель был вторым ребенком. В крестьянских семьях с их традиционно большим вниманием к старшему сыну и наследнику Мишель если и не был обделен родительской заботой, то в любом случае в разряд баловней тоже не попадал.

Семья Нея исповедовала протестантизм, но, когда Мишель подрос, отец все же решил отдать его для обучения в католический коллеж Святого Августина. Учение давалось маленькому Мишелю без труда, о чем красноречиво свидетельствовали его весьма неплохие школьные отметки. Уже с детства Мишеля отличала склонность к лидерству, которая проявлялась во время обычных для мальчишек игр в «войнушку». Организуя со своими сверстниками потешные баталии, будущий «храбрейший из храбрых» частенько являлся домой с разбитым в кровь носом и в разодранной в жаркой схватке рубашке. По окончании коллежа Ней поступает в услужение к нотариусу, в конторе которого проведет долгих четыре года.

Физически очень сильный, рослый, неутомимый, превосходный наездник, Ней с детства бредил кавалерией. В 18 лет Мишель бежал из родительского дома. В декабре 1788 г. он записался в королевскую кавалерию гусаром и стал нести гарнизонную службу в приграничном Меце. Блестящая униформа – алый ментик с желтыми шнурами, голубой доломан, расшитый широкий пояс, красивый высокий головной убор малинового

цвета, ухарски сморщенные сапожки-венгерки и волочащаяся сабля с ташкой – была очень к лицу огненно-рыжему кудрявому зеленоглазому молодцу-эльзасцу с залихватской косичкой над левым ухом – предметом особой гордости всех лихих гусар-сорвиголов той поры. Он быстро прослыл лучшим фехтовальщиком в своем гусарском полку, на него стали делать большие ставки. Записной дуэлянт и забияка, он вскоре настолько серьезно ранил лучшего шпажиста-бахвала из соседнего егерского полка, что того комиссовали из армии. Честь гусарского полка осталась незыблема, а для братьев по оружию Ней стал идолом. Вполне понятно, что эта

Неизвестный художник. *Маршал Ней.* Гравюра. 1830-е гг.

бретерская выходка ему, любимцу своего полковника, сошла с рук: несколько дней гауптвахты, и наш герой снова задирал сослуживцев, снова дрался на дуэлях, снова выходил победителем.

Парадоксально, но Мишелю Нею не довелось участвовать в важнейших сражениях Наполеона – ни при Маренго, ни при Аустерлице, ни при Прейсиш-Эйлау, ни при Ваграме! Зато благодаря беспредельному бесстрашию он покрыл себя немеркнущей славой в двух самых неудачных битвах Бонапарта –

при Бородине и Ватерлоо! И тем не менее именно его скупой на похвалу Бонапарт называл Les Brave des Braves – «храбрейшим из храбрых». Правда, уже после смерти другого легендарного храбреца – Жана Ланна. Так что наш герой был «храбрейшим из храбрых» № 2! Ней как никто умел вдохновить своих людей, вселить в них отвагу. Эффект его присутствия был волшебным. Там, где появлялся Ней, об отступлении и, тем более, бегстве никто не думал. Его можно было назвать воином из воинов. Мишель не знал чувства страха. Как-то незадолго до смерти его спросили, испытывал ли он когда-нибудь страх. Ней, не раздумывая, простодушно ответил: «Нет, для этого у меня не было времени!»

И действительно, он не любил долго думать на поле боя. Еще в 1797 г., в годы лихой гусарской молодости, шедший со своими солдатами в арьергарде бригадный генерал Ней внезапно обнаружил под Гиссеном бесхозную батарею конной артиллерии. Недолго думая, Мишель развернул горстку кавалеристов и бросил их в атаку на австрийскую пехоту, уже почти завладевшую пушками. После жестокой стычки с подоспевшими на выручку пехотинцам австрийскими тяжелыми драгунами малочисленные гусары Нея разбиты. Сам он в бою ломает саблю, получает тяжелое ранение в правую руку, его придавливает павшей под ним лошадью, и он в первый и последний раз в жизни оказывается в плену. Но очень скоро – 27 мая 1797 г. – его отпустили под честное слово, а затем, задним числом, обменяли на взятого в плен австрийского генерала.

...

***Между прочим** , ранение правой руки Нея было настолько серьезным, что врачи настоятельно советовали ампутацию. Однако Мишель категорически отказался: ведь это же конец карьере, он не сможет служить в армии с одной рукой. Состояние Нея с каждым днем ухудшалось, и врачи вновь и вновь настаивали на ампутации, но, даже находясь в полубреду, Ней отказывался. Несколько дней Мишель был в очень тяжелом состоянии, однако крепкий молодой организм*

справился, и вскоре Ней пошел на поправку.

Со шпагой в руке в роскошном темно-синем бархатном, расшитом золотом и серебром маршальском мундире, Мишель Ней всегда был впереди своего корпуса. Как лидер и вдохновитель он не знал себе равных. Не единожды собственным примером останавливая бегущих, Ней в одиночку бросался в атаку, увлекая за собой солдат. *(При этом Ней никогда не гнался за чинами и орденами!)* Лучшего командира, чтобы повести необстрелянных юнцов в бой, было не найти. Он запросто мог с каре пехотинцев отразить атаку кавалерии или оборонять деревню штыками. Ней никогда не полагался на адъютантов, чтобы выяснить, что случилось на поле боя, а устремлялся в гущу схватки сам. Он, казалось, был совершенно неуязвим для пуль и ядер, и, где бы ни появлялся, солдаты собирались с духом, вылезали из траншей и из-за стен и шли в атаку с криком: «Там – Le Rougeaud! Сейчас дело пойдет!»

Пылкий и добрый, безумно храбрый в атаке и невероятно стойкий в обороне, Ней пользовался заслуженными почетом и уважением в скупой на симпатии и сантименты военной среде *(причем как среди своих, так и у врагов!)* ; рядовые же его просто боготворили. И это при том, что он достаточно неохотно делился славой, предпочитая тянуть одеяло на себя. Однажды корпус Нея из-за самонадеянности маршала попал в серьезную передрягу в битве при Йене, и обеспокоенный Наполеон послал ему на помощь Ланна с подкреплением. В ответ Ней, находившийся, как всегда, в самой гуще схватки, крикнул: «Скажите его величеству, что я ни с кем не делю славу!» Его солдаты знали за ним эту слабость и весьма своеобразно высказывались по этому поводу: «С ним плохо спать: он все одеяло стягивает на себя!» Несмотря на победу в той битве, раздосадованный упрямством Нея император высказал ему свое недовольство, правда весьма деликатно.

Все это стало возможным для сына простого бочара только после взятия 14 июля 1789 г. королевской тюрьмы Бастилии, положившего начало Французской буржуазной революции. Прекрасно вооруженные и обученные войска коалиции европейских монархов уже стояли на пороге Франции. Противник находился в Саарлуи, на родине Нея, и патриотически настроенный отец Мишеля ушел в республиканскую армию. В первый день 1791 г. его второй сын, рыжегривый Мишель, получает повышение – чин капрала-квартирмейстера. Однако не прошло и года, как радость от этого была омрачена смертью матери, скончавшейся в ноябре. Ее смерть очень сильно потрясла

Нея-младшего. «Я обещал ей, что приеду домой генералом», – со слезами на глазах говорил он.

Массовое бегство за границу офицеров королевской армии вызвало необходимость в пополнении офицерского корпуса. В республиканской армии под началом генерала Дюмурье, где перед многими честолюбцами из низов открылся широкий путь к военной карьере, Мишель Ней начинает быстро продвигаться по служебной лестнице. 1 февраля 1792 г. Ней получает очередное повышение – чин вахмистра. У местечка Вальми армия Дюмурье и Келлермана преградила путь армии герцога Брауншвейгского. Пруссаки были уверены в победе, они знали, что им противостоят солдаты в оборванной одежде, многие из которых даже не нюхали пороха. Однако эти оборванцы знали, что защищают свою революционную отчизну, и стояли насмерть на этом ставшем знаменитым поле. И пруссаки повернули вспять перед голоногими санкюлотами, возвратившись за Рейн. Наш герой получил первое настоящее боевое крещение и почувствовал опьяняющий вкус победы. После Вальми Дюмурье двинулся на Брюссель. Шесть недель спустя Мишель Ней вновь одержал победу под Жемапом, и, когда входил в Брюссель 8 дней спустя, он уже чувствовал себя ветераном. Правда, битва при Неервиндене завершилась для французов (и Нея в том числе) жесточайшим поражением. Постоянно находившийся в первых рядах бойцов вахмистр Ней из 4-го гусарского полка всегда готов был в любой момент ринуться на врага. За два с небольшим года Ней из рядового гусара «из глубинки», драчливого нарушителя спокойствия превращается в офицера.

И уже в 1796 г. он – бригадный генерал. Этот чин Ней получил по представлению самого Жана Батиста Клебера, одного из лучших генералов Французской республики.

Ней служил на севере Франции, поэтому не только не разделил славы Итальянского похода Бонапарта, но и не познал горечи неудачи в его Египетской кампании. И тем не менее после всех жарких дел с участием Самбро-Маасской армии имя Нея всегда присутствует в наградных списках. За отвагу при штурме Вюрцбурга, где он с сотней своих сорвиголов-гусар с налета берет в плен 2 тыс. австрийцев, и храбрость в сражении при Форхайме Нея производят в бригадные генералы.

...

***Кстати** , уже тогда за ним очень быстро закрепилась слава*

превосходного мастера арьергардного боя! Пройдут годы, и он окончательно превратится в лучшего наполеоновского специалиста по прикрытию отступающей армии от наскоков «борзого» врага. Именно этой гранью своего полководческого искусства он обессмертил свое славное имя в Испании и, особенно, в России.

Австрия выведена из игры, и Директория видит главного врага за Ла-Маншем – в Англии. В воздухе витает идея высадки на ее берега. Уже начинается формирование так называемой Английской армии. Десантом в Британию должен был руководить молодой, самый популярный на тот момент генерал Французской республики Наполеон Бонапарт. Нею было поручено принять участие в организации этой новой армии. Он находился в Амьене, когда внезапно Бонапарт решил, что время для такого нападения пока не подо шло. Его взор обратился в сторону Египта, который он планировал захватить. В свете новых событий часть Английской армии была переформирована в армию, которой предстояло отправиться в Египет, а генерал Ней был направлен в Германию командующим кавалерией Рейнской армии, где стал подчиненным генерала Бернадота.

Пока Бонапарт с лично отобранными генералами и войсками «покорял» Восток, грозная антифранцузская коалиция европейских держав принялась наступать со всех сторон: из Италии, из Швейцарских Альп, из прирейнских земель и даже через отвоеванные у моря голландские низины. Один из главных фронтов – по-прежнему рейнский, или германский.

Первое крупное событие кампании 1799 г. на Рейне, в котором участвует Ней, – осада города Мангейма, удерживаемого большим австрийским гарнизоном. Все прекрасно понимают важное стратегическое значение города – настоящего ключа ко всей Южной Германии. Австрийцы полагали, что они в безопасности, поскольку между ними и французской армией – широкий Рейн, незаметно переправиться через который невозможно. Они рассредоточивают свои силы по близлежащим деревушкам, разбросанным вокруг Мангейма. Ней предложил Бернадоту с небольшим отрядом незаметно форсировать реку и внезапным ударом захватить город. Авантюрно-осторожный Бернадот дал согласие на эту весьма сомнительную затею лихого гусара, но при условии, что тот предварительно лично проведет

разведку. И только взвесив все за и против, можно будет начать рискованную операцию.

Переодетый в крестьянина Ней переправился через реку с корзиной овощей и спокойно отправился в сторону Мангейма. Никто из австрийцев не заподозрил в этом простолюдине генерала французской армии, поскольку Ней прекрасно владел немецким языком. Он быстро исследовал расположения австрийских войск и их численность. Успеху дерзкого и опасного предприятия Мишеля способствовало и то, что австрийские солдаты слишком беззаботно несли караульную службу, будучи уверенными в том, что за широким Рейном они в безопасности. Более того, Ней весьма ловко разузнал время, когда опускался разводной мост укрепленного форта на входе в город.

...

***Кстати** , уроженец Лотарингии Мишель Ней лучше говорил по-немецки, чем по-французски! Акцент у него остался просто чудовищный. А писал он по-французски еще хуже, чем говорил. Таковы большие парадоксы истории: одна из ярчайших звезд французского оружия, Мишель Ней до конца жизни испытывал проблемы… с французским языком.*

Всего лишь с двумя ротами пехоты и драгунским полком Ней бесшумно переправился через Рейн. Со штыками наперевес французские солдаты неожиданным ударом опрокинули выставленную австрийцами стражу и вихрем ворвались в город. Внезапность нападения, темнота ночи, скрывшая от австрийцев малочисленность нападавших, обеспечили успех отчаянному набегу.

После беспредельно дерзкого захвата Мангейма военный министр направил из Парижа декрет Директории о присвоении Нею звания дивизионного генерала. Ней поколебался-посомневался, но по настоянию Бернадота согласился с повышением. (Правда, кое-кто из историков склонен считать, что в 1799 г. он со своей кавдивизией сражался под началом Удино и Массена в Швейцарии с Суворовым, получил тяжелое ранение и… чин дивизионного генерала.) Так или иначе, но Ней быстро двигается по служебной лестнице, и его имя уже давно на слуху у

революционных братьев по оружию.

Ней находился в своей палатке в Рейнской армии, когда до него дошли новости о государственном перевороте 18 брюмера 1799 г.: с Директорией было покончено, и генерал Бонапарт стал первым консулом. Ней, конечно же, слышал о генерале Бонапарте и знал, что тот был отменным военачальником – не хуже, чем Моро. Более того, Ней знал, что этот генерал – человек дела. В его представлении первый консул был всего-навсего первым магистратом республики, и никем иным. То, что Ней – республиканец, не подлежало ни малейшему сомнению. Прежде всего, это объяснялось тем, что он «рейнец». Многие офицеры и солдаты Рейнской армии не отделяли воинского долга от долга гражданина. Республиканские взгляды Нея объяснялись очень просто: революция и республика дали ему все; без них деревенский парень из Саарлуи мог заслужить в королевской армии в самом лучшем случае сержантские нашивки, и ничего более. О чем он и пишет своему другу, известному республиканскому генералу Лекурбу, в ноябре 1799 г.

Свою военную карьеру Ней сделал сам, без Наполеона. Он не принадлежал к «когорте» Бонапарта. Они познакомились лишь в мае 1801 г., уже после того, как старший брат (или дядя?) нашего героя, капитан Жан Ней, геройски погиб в битве при Маренго 14 июня 1800 г. Зато Ней вместе с Груши и безвременно ушедшим в мир теней генералом Ришпансом стал одним из героев битвы при Гогенлиндене (32 км от Мюнхена). Тогда в сложных морозных условиях 2–3 декабря 1800 г. командующий Рейнской армией генерал Моро одержал громкую победу над австрийцами эрцгерцога Иоганна.

Сражение началось с атаки австрийского авангарда, направившего главный удар в центр французской армии. Гренье, Ней и Груши легко отразили эту атаку, в то время как оба крыла французской армии все более охватывали австрийцев, блуждающих по незнакомым лесным дорогам. Когда обходные движения закончились, Ней и Груши, ограничивавшиеся до тех пор обороной, внезапно перешли в наступление. Моро предписал им прорвать австрийскую боевую линию и соединиться с генералом Ришпансом, который как раз в это время насел на австрийцев с тыла. Именно яростная лобовая атака Нея и Груши не дала центральной пехотной колонне австрийцев генерала Коловрата надлежащим образом развернуться при выходе из заснеженного леса, и исход боя, открывшего французам дорогу на Вену, к трем часам пополудни был предрешен.

Французы одержали победу на всех пунктах и понесли ничтожный урон сравнительно с потерями австрийцев, у которых

выбыло из строя более 20 тыс. человек убитыми и ранеными, не считая пленных. Разгромленная австрийская армия оставила в руках французов большую часть своей артиллерии и обозов. Австрийцы обратились в столь беспорядочное бегство, что сам эрцгерцог Иоганн едва не попал в плен.

Гогенлинденская победа была не плодом заранее продуманной стратегии, а, как выразился Наполеон, «удачной встречей», правда крупного масштаба. Дело в том, что только после этого поражения *(после чудо-виктории везунчика Бонапарта под Маренго минуло уже более полугода!)* австрийский гофкригсрат (придворный военный совет) согласился подписать столь нужный первому консулу Люневильский мир.

Три месяца спустя после заключения Люневильского мира с Австрией, в мае 1801 г., по приглашению Наполеона Ней явился в Париж. Первый консул принял генерала в бывшем королевском дворце Тюильри. Отныне это резиденция Бонапарта. Это их первая встреча. Превосходный психолог, «итальянец» Наполеон легко отыскал нужную тональность в разговоре с ярым «рейнцем». Все напоминает встречу двух старых друзей, один из которых безмерно рад показать приятелю свой дом и город. «Добро пожаловать, гражданин Ней, добро пожаловать в Париж и в Тюильри» – такими словами встречает Наполеон Нея. Первый консул мастерски изображает радушие, напоследок одарив Мишеля роскошной трофейной египетской саблей и патетически произнеся: «Примите это оружие на память о дружбе и уважении, которые я испытываю по отношению к вам. Оно принадлежало паше, нашедшему героическую смерть в битве при Абукире! Теперь вам надлежит защищать ею Республику!» Ней очарован, ошарашен и горячо реагирует на консульский подарок: «Генерал! Я клянусь, что расстанусь с этой саблей только вместе с моей жизнью!»

…

***Между прочим** , у Бонапарта была целая оружейная комната с подобными саблями из трофеев его похода в Египет, которыми он в нужный момент награждал нужных ему военачальников, но только тех, кого там с ним не было.*

Но, несмотря на любезный прием и обходительность,

Наполеон не дал Нею какой-либо очень важной должности: Ней – «рейнец», и этим все сказано. Известно, что многие известные офицеры (Клебер, Даву, Моро, Бернадот и др.) и солдаты Рейнской армии с некоторой неприязнью (порой обоснованной) либо предубеждением относились к своим коллегам из Итальянской армии Бонапарта, и к нему в том числе, как бы давая понять: «Мы велики и без вашего „корсиканского выскочки“! Все мы делали себе имя сами!»

Обласканный первым консулом, но не получивший никакого назначения Мишель Ней уже на следующий день после визита в Тюильри покидает Париж. Он возвращается домой, в Саарлуи. За то время, что он отсутствовал, здесь произошли перемены, и кроме постаревшего на восемь лет отца его встречает сестра, успевшая обзавестись семейством и именуемая теперь гражданкой Мунье. Генерал без обязанностей: пожалуй, первый и последний раз в своей жизни Ней оказывается в подобном положении. Те месяцы (где-то чуть более полугода), что он проводит дома, Мишель изнывает от безделья, не зная, чем себя занять. Наблюдательные деревенские кумушки зорко следят за тем, что происходит в доме у Неев, и вскоре, к немалой своей радости, открывают тайну: Мишель встречается с некой молоденькой немкой, которую молва немедленно превращает в его любовницу.

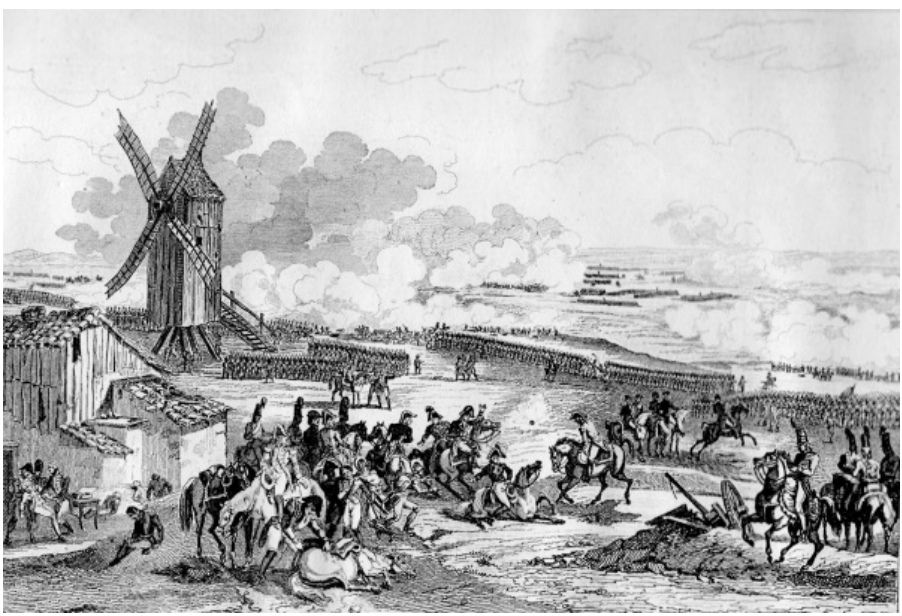
И все же фамилия Нея хоть и под 11-м номером, но значилась в первоначальном списке 18 генералов, произведенных Наполеоном в чин маршала.

Ему Бонапарт поручал самые рискованные предприятия: лобовые фронтальные атаки, ведущие к самым большим потерям, и самый сложный вид боя – арьергардный (заградительный). Надо отдать должное маршалу: он с честью справлялся с ними. При любых обстоятельствах Мишеля Нея не покидало присутствие духа. Однажды во время отступления с маленьким отрядом в 20 гусар Ней ухитрился наголову разбить вражеский отряд в 300 сабель! В другой раз всего лишь с 30 драгунами он рассеял 200 знаменитых «черных гусар смерти» – наследников славы прусского короля Фридриха Великого! Ратная доблесть этого сорвиголовы была феноменальной! Он запросто кидался сразу на несколько неприятельских всадников и благодаря блестящему владению холодным оружием выходил из любых передряг… живым и невредимым! И это после тяжелого ранения в правую руку!

Его главные качества – беспримерная отвага и находчивость – во шли в поговорку. «Блистательная отвага Нея, – писал Бертье, – сопоставима лишь с отвагой времен рыцарства!» В то же время

именно его отчаянная храбрость и жажда единоличной славы иногда приводили к серьезным ошибкам во время сражений, например при Йене или Ватерлоо!

Под Йеной Ней, не дождавшись подхода оставшейся части своего корпуса, сгорая от нетерпения схватиться с противником, не получив никаких приказов, бросился в бой на участке между левым флангом Ланна и правым Ожеро, невидимыми под пеленой медленно поднимавшегося утреннего тумана. Мишель всегда и везде опасался, что вся слава достанется его конкуренту Жану Ланну. Вот и на этот раз Ней повел свой авангард в самую гущу сражения, предоставив отчаянно искавшим его штабным офицерам возможность самим командовать его арьергардом. Не испугавшись двукратного превосходства сил противника, Ней направил свой удар прямо против мощной прусской батареи. Вначале удача сопутствовала ему. Правый фланг прусской армии рассыпался при его приближении, французы отогнали канониров от пушек и закрепили успех, заставив стремительно отступить 45 прусских эскадронов, собиравшихся идти в атаку против войск Ланна у Фирценхайлигена.



Неизвестный художник. *Сражение при Вальми.*

Но успех дерзкого Нея был недолог. Его опрометчивое продвижение вперед неизбежно привело к большим потерям, и, когда кавалерия противника собралась с силами после неожиданного отступления и опять пошла в атаку, Ней был вынужден выстроить каре, чтобы устоять перед этим напором. Порывистый Ней слишком далеко оторвался от шедших по бокам

от него в атаку Ланна и Ожеро, и ему грозило окружение. Под натиском пруссаков Ней был вынужден отступать. Лишь благодаря расторопности Сульта и Ланна опасное положение, создавшееся по вине Нея, было исправлено и все обошлось.

Зато при Ватерлоо, когда Ланна уже давно не было в живых, а ненавидевший Нея со времен Испании Сульт был начальником штаба, неевская горячность пагубно сказалась на исходе судьбоносного сражения!

Корпус Нея не принимал непосредственного участия в жутком побоище на заснеженном поле при Эйлау в феврале 1807 г. Ней следил за перемещениями прусского корпуса Лестока: в его задачу входило не допустить соединения пруссаков с русской армией. Однако Лестоку удалось избежать ловушек и засад французского маршала. Правда, Ней получил приказ от Наполеона срочно прибыть к Эйлау только в два часа дня, т. е. уже в самый разгар битвы. Ней даже не подозревал, что южнее идет ожесточенная битва: сильный ветер и снежный буран заглушали шум сражения, не был слышен даже грохот пушек. А вот Лесток получил от Беннигсена сигнал к возвращению раньше, и, прибегнув к ускоренному маршу, ведя успешные арьергардные бои, пруссаки подошли вскоре после часа дня и начали продвигаться за измотанной линией Беннигсена, чтобы напасть на сминавшие левый фланг русских войска Даву. После четырех часов дня прусско-русские части перешли в контратаку против заходившего им в тыл Даву и оттеснили его с захваченных позиций. В сгущавшихся сумерках Наполеон напряженно вглядывался в пространство на севере, надеясь увидеть признаки приближения Нея, единственного человека, от которого зависел исход сражения. Но его марш серьезно затрудняли постоянные стычки с арьергардом Лестока. Наконец в семь часов вечера первые части запоздавшего, но долгожданного 6-го корпуса появились у правого фланга русских. Но только около восьми вечера бульшая часть (14 500 человек) корпуса Нея смогла атаковать правофланговые позиции русского генерала Тучкова и отбить у него деревню Шлодиттен, однако яростной контр атакой русские вернули ее себе. Стемнело, и Нею пришлось отойти на исходные позиции.

Итак, Ней упустил марш-маневр прусского корпуса Лестока (не самого лучшего военачальника прусской армии), успевшего прийти на помощь русским под Прейсиш-Эйлау и тем самым выровнявшего ситуацию. Более того, сам Ней опоздал, появившись на поле боя лишь вечером, и не сумел серьезно повлиять на исход сражения! 14 часов непрерывной бойни у Эйлау так и не дали никакого результата, хотя цвет французской

и русской армий остался лежать мертвым на кровавом снегу. Ней был так потрясен этим жутким зрелищем, что бросил историческую фразу: «Что за резня! И без всякого результата!»

Это его весной 1807 г., когда ему пришлось уносить ноги из-под Гутштадта, чуть было не раздавил Беннигсен!

И все же именно благодаря своей отваге, а не тонкому тактическому искусству Ней обычно одерживал победы. Это за ним бесстрашно шли в самый тяжелый бой солдаты и офицеры. Во многом его невероятная храбрость, когда он лично водил гренадер в штыковую атаку на засевших за каменными монастырскими стенами Эльхингена австрийских стрелков, осенью 1805 г. помогла Наполеону загнать австрийцев генерала Макка в Ульм и заставить их капитулировать до подхода русской армии Кутузова. Это после его отчаянной штыковой атаки на левый фланг русских под Фридландом, за которую Наполеон прозвал его «рыжегривым львом», по сути дела, был решен исход не только той важнейшей битвы, но всей войны 1806–1807 гг. После сражения Наполеон вызвал Нея, поцеловал и сказал: «Все было отлично, господин маршал, я очень доволен вами. Сражение выиграли вы».

...

***Кстати** , сам Ланн – первая шпага Франции – не раз обращал внимание Наполеона на то, что Ней дерется один против всей вражеской армии и его надо немедленно выручать! Ответ императора, лучше других знавшего цену «рыжегривому льву», обычно был банально прост: «Он всегда таков, атакует противника, как только увидит его!» И французская армия чаще становилась свидетельницей триумфа Нея, чем его фиаско.*

Чуть ли не 20 лет проведя в казарме и на бивуаке, Мишель Ней превыше всего ценил военную, солдатскую славу. Именно из-за нее он постоянно «лаялся» с другим сорвиголовой среди наполеоновских маршалов – кавалеристом от Бога Иоахимом Мюратом. Их непримиримое противостояние началось с кампании 1805 г., когда сын бочара впервые отказал сыну

трактирщика в наличии полководческого таланта, а закончилось лишь с битвой при Лейпциге в 1813 г. Перебранки шли на таком солдатском сленге, что у присутствовавших уши вяли. Причем порой острый на язык гасконец не находил чем ответить рыжему лотарингцу. Унимать-разнимать их умел только Бонапарт, иногда для этого ему было достаточно хлопнуть рукой по столу. Столь же непросты были взаимоотношения Нея с «железным маршалом» Даву. Особо обострились они во время отступления из России в 1812 г., когда солдатам из арьергарда «рыжегривого льва» не досталось запасов пропитания в Смоленске, поскольку они пришли туда после вояк Даву, разметавших все съестное. Тогда русские почти полностью вырубили неевцев. А сам Ней не попал в плен лишь благодаря своему исключительному мужеству и везению: в момент его переправы Днепр замерз, а когда подоспела погоня, он снова вскрылся. Вскоре Ней незаслуженно оскорбил тяжелораненого храбреца маршала Удино. Правда, тому хватило выдержки и благородства отписать брату по оружию примерно следующее: «У меня нет другой возможности отплатить вам, кроме как рассказав всем об этом происшествии; но это было бы столь недостойно, что я не стану этого делать». Впрочем, в тот момент неврастеничному поведению Нея имелось простое объяснение: он был арьергардом отступающей Великой армии, и никто, кроме него, не справился бы с этой тяжелейшей задачей!

Ней был твердо убежден, что настоящий солдат должен пасть на поле боя и что те воины, которые умирают в своих постелях, – не настоящие солдаты, а… дерьмо! Быть со своими солдатами в самом опасном месте, разделять с ними все тяготы службы, честно исполнять свой долг – все это казалось Нею неизмеримо важнее высоких наград и пышных регалий. Он был согласен всю жизнь прожить на жалованье рядового, лишь бы его прославляли как человека, выигравшего для Франции не одну битву, все знали бы его как военачальника, идущего с сигарой в зубах в бой на десять шагов впереди самого быстрого из его солдат! Это роднило его с маршалом Мюратом. Как писал позднее Наполеон, «не было людей более отважных на поле сражения, чем Ней и Мюрат, но и нет менее решительных людей, чем они, когда нужно принять какое-нибудь решение в тиши кабинета». Именно они соперничали друг с другом в отваге в самой страшной битве Наполеона – при Бородине и покрыли себя неувядаемой славой. Добавим, что и в личной жизни храбрец Ней отнюдь не отличался самостоятельностью. Он женился по… настоятельной рекомендации супруги Бонапарта Жозефины. Вот как это случилось.

Ближе к концу 1801 г. Ней узнает о том, что правительство

снаряжает экспедицию на остров Сан-Доминго. Экспедиционным корпусом, по слухам, назначен командовать зять первого консула – генерал Леклерк. Последний, как и Ней, дивизионный генерал, был с ним знаком по Гогенлинденской кампании 1800 г. В начале декабря 1801 г. Ней отправился в Париж с намерением просить собрата по оружию рекомендовать его в состав готовящейся экспедиции. 4 декабря он уже у Бертье с рапортом об участии в экспедиционном корпусе. Бертье дал согласие на просьбу Нея, о чем даже было опубликовано соответствующее сообщение в газетах. Но уже буквально на следующий день Ней написал Бертье записку, в которой извещал последнего о том, что он отказывается от своей просьбы, так как некие «семейные дела» настоятельно требуют его присутствия во Франции. 1 января 1802 г. Ней вновь выступает в роли просителя. На сей раз он хочет получить все у того же Бертье согласие предоставить ему пост инспектора кавалерии. Военный министр, не выказав никакого неудовольствия, соглашается дать Нею этот пост.

Крутые перемены в «настроениях» столь испытанного вояки объяснялись очень просто. У супруги первого консула Жозефины появились свои виды на перспективного генерала: она задумала женить его. Чтобы не упустить завидного жениха, Жозефина стала оказывать Нею «высочайшее покровительство», настояв перед Бертье на удовлетворении всех пожеланий упрямого «красномордого». Это она решила, что хватит 33-летнему боевому генералу с гусарскими замашками в свободное от службы время музицировать на флейте. *(Мишель, кстати, очень недурно играл на этом благородном инструменте.)* И тем более «снимать стресс» с помощью некой Иды Сент-Эльм – большой мастерицы по ублажению высшего командного состава французской армии, от генерала-инженера Армана Самуэля Мареско до командующего армией генерала Моро. Губа не дура была, кстати, у Иды – все генералы как на подбор выдающиеся специалисты. Именно Жозефина по-женски мягко, но настойчиво указала Мишелю на 20-летнее сокровище – красавицу, умницу, подругу ее дочери Гортензии – Аглаю Луизу Огье (1782–1854), племянницу и еще одну элитную воспитанницу камеристки королевы Марии Антуанетты мадам Кампан. Грациозное чудо было отменно воспитано и к тому же весьма недурно пело. В общем, «рыжегривому льву» прямым текстом сказали о недопустимости дальнейших сеансов расслаблений с помощью дам полусвета с их изысканным букетом «галантных болезней».

Примечательно, что первая встреча будущих супругов могла оказаться и последней. Жених-вояка, никогда не общавшийся с благородными девицами, был крайне робок и неловок, а невеста-

выпускница-пансионерка – холодна и неискренна. Именно Жозефина, дама более чем искушенная в амурных делах, убедила Аглаю – высокую, очень аппетитную брюнетку с томным взором огромных черных глаз, что такой герой, как «красномордый» и огненно-рыжий, зеленоглазый и громогласный Мишель Ней с его бурным гусарским прошлым, казарменными замашками и кровавыми побасенками про войнушку, вполне достоин быть ее избранником. Нею поначалу тоже не понравилась девица Огье: она показалась ему чересчур воспитанной «мамзелью с манерами», т. е. не тем, что ему нужно! Это – не утеха воина! Именно Жозефина заставила лихого генерала приодеться, сменить прическу, состричь помпезную гусарскую косичку, отпустить окладистые бакенбарды, не брезговать новомодным одеколоном (причем как наружно, так и внутрь – для плезира!) и подарить невесте дорогие украшения. Мишель по-военному просто объяснился с прелестницей: он не обещает ей сказочного богатства, но слава супруги… «первой шпаги Франции» ей обеспечена! (Три выдающихся бретера наполеоновской армии – Ланн, Мюрат и Ней – задирали тогда всех вокруг, чуть что – постоянно щелкая эфесом о ножны!) Не прошла даром и проведенная Жозефиной работа: искусные куаферы и модистки сделали жениха неотразимым, а невесту – очаровательной. 33-летний Мишель и 20-летняя Аглая пригляделись друг к другу под другим ракурсом и окунулись… «в роман». «Романились» они недолго, и уже 5 августа 1802 г. один из самых перспективных женихов из армейской касты наполеоновской Франции оказался «окольцован». По сути дела, это был типичный брак по расчету, поскольку никаких горячих чувств молодые люди не испытывали. Однако с годами Аглая стала для Мишеля верной супругой и заботливой матерью его четырех сыновей: Жозефа Наполеона (1803–1857), Мишеля Луи Феликса (1804–1857), Эжена Мишеля (1806–1845), Наполеона Анри Эдгара (1812–1882).

Именно женитьба и «высочайшее расположение» особы, особо приближенной к особе Бонапарта, – его супруги Жозефины – позволили Нею, приятельствовавшему со свояком Бонапарта генералом Леклерком, избежать участия в трагической для французов *(и самого Леклерка)* экспедиции на остров Сан-Доминго, где гусару Нею надлежало быть начальником кавалерии корпуса. Чуткая и отзывчивая, нежная и веселая мадам Ней быстро стала своей при дворе. Она даже встала в оппозицию к Наполеону, когда он развелся со «старушкой» Жозефиной, и хотела вслед за ней покинуть императорский двор. Но тут уже Бонапарт дал ей понять, «что не по чину себя ведет», и назначил статс-дамой при новой государыне-австриячке. Она очень мало

видела мужа – тот постоянно воевал, от Мадрида до Москвы, – и воспитание их четырех сыновей достойными имени Les Brave des Braves полностью легло на ее хрупкие, но крепкие плечи, тем более что она овдовела в неполные 33 года. Ей даже пришлось перенести тяжелейшую для любой матери трагедию: пережить двух сыновей – Эжена Мишеля и Мишеля Луи. После смерти «храбрейшего из храбрых» Эгле (так звали мягкую и заботливую Аглаю близкие знакомые и родственники), подобно вдовам маршалов Ланна и Бесьера, так больше и не вышла замуж, хотя, как и у Луизы Ланн или Мари Жанны Мадлен Бесьер, достойных претендентов на ее руку было более чем достаточно. Скажем сразу, что не все молодые еще маршальши устояли перед искушением повторно выйти замуж после смерти своих знаменитых супругов. Эгле была из той *(отчасти несчастливой)* породы жен военных, что выходят замуж один раз в жизни, храня память о людях, ставших гордостью нации: вдова Ланна, вдова Нея, вдова Бесьера – героев Франции! Это звучит гордо!

…

***Кстати** , потомки маршала Нея живут во Франции и сегодня. Более того, они породнились с семейством Мюратов, а ведь Мишель и Иоахим, мягко говоря, не очень-то жаловали друг друга, соперничая из-за… солдатской славы, столь высоко ценимой в армиях всех времен и народов. Таковы парадоксы малой истории, а вернее, большие гримасы человеческих судеб.*

Мишель Ней не только ладно играл на флейте, но любил коллекционировать нотные партитуры. *(Среди других маршалов только Мармон тоже был на «ты» с музыкой; он слыл весьма искусным виолончелистом!)* В частности, у него имелось 148 партитур итальянских опер, благо его супруга Эгле недурно пела дуэтом с Лаурой Жюно (пресловутой герцогиней д’Абрантес). Более того, Les Brave des Braves не поленился собрать изумительную библиотеку, где на полках красовались Корнель, Мольер, Вольтер, Бомарше, Тацит, Расин, Руссо и Монтескье с Сервантесом. Особо почитал «первый меч Франции», конечно, военно-историческую литературу. Не чужд сын бочара оказался и

живописи, вывезя из одной только Испании немало полотен старинных мастеров. Всего в его коллекции насчитывалось около 90 картин известных художников разных эпох. Впрочем, современники считали, что здесь не обошлось без влияния его утонченной супруги Эгле.

В августе 1803 г. Нею поручают командование войсками военного лагеря в Компьене. В декабре того же года ему дают под начало 6-й армейский корпус Великой армии, который располагался в Монтрейле – самом южном из лагерей, где собираются войска для участия в грандиозной десантной операции на Британские острова. Здесь Ней, кажется, в первый и последний раз пытался изучить военную теорию, которую он вот уже больше десятка лет осваивал на практике. Он читал специальные работы по тактике пехоты и даже сам сочинил нечто вроде руководства по строевой подготовке для солдат своего корпуса. В инструкциях, составленных Неем, наряду с рассуждениями о роли пехоты, кавалерии и артиллерии в бою, о выносливости солдат во время долгих маршей и о меткости стрельбы есть один поистине удивительный пункт. Он настолько замечателен, что заслуживает отдельного упоминания: «Нашим солдатам обязаны объяснять причину каждой войны. Только в случае вражеского нападения мы вправе ожидать проявления чудес доблести. Несправедливая война в высшей степени противна французскому характеру». Именно эту сентенцию он открыто высказывал самому Бонапарту, когда осмеливался спорить с ним по тем или иным военным вопросам.

Рядовые солдаты обожали «красномордого» за простую солдатскую дружбу. По бивакам ходила легенда, как он однажды на званом обеде в пору заключения Тильзитского мира на глазах у высокородной прусско-русской знати расцеловал слугу, подававшего кушанья на стол, тот оказался его старым сослуживцем, отставным гусаром времен революционных войн. Ней бросил чопорное застолье и отправился на кухню, где, к недоумению чванливой знати и к большой радости челяди, весело провел оставшееся время, травя байки о лихой гусарской юности, участником которых, между прочим, был и тот самый слуга-отставник. Большей чести для старого солдата трудно представить: сам маршал Франции, легендарный «рыжегривый лев» не побрезговал с ним общаться – вот оно, солдатское братство наяву! На прощание однополчане крепко обнялись, Ней отдал сослуживцу все наличное золото, и они расстались – теперь навсегда. Солдатские пути-дороги неисповедимы.

В трагическом для Бонапарта и всего его воинства походе в Россию в 1812 г. 3-й корпус Нея был постоянно на острие атаки.

Он и Мюрат все время соперничали между собой за право нагнать русских и навязать им решающую битву. Войска Нея участвовали в сражении за Смоленск, в бою у Валутиной горы. В ожесточенном сражении под Бородином Мишель проявил чудеса храбрости у Семеновских флешей. В кульминационный момент, когда русские зашатались и попятились к Семеновскому оврагу, он вместе с Мюратом просил у Бонапарта дать последний резерв – Старую гвардию *(почти 20 тыс. элитных пехотинцев и кавалеристов)* , мол, они бросят победу над Кутузовым к его ногам! Вернувшийся генерал Бельяр сообщил, что император не видит необходимости в столь рискованном «шахматном ходе» за тысячи лье от Парижа! Ней в бешенстве орет: «Что же, мы пришли сюда только для того, чтобы посмотреть, как наш император „играет в шахматы“ на поле сражения? Чего он там дожидается, кроме поражения? Уж если он больше не полководец и не воюет сам, а желает повсюду разыгрывать императора, пусть он убирается в Тюильри и предоставит нам самим командовать!» Бонапарт мудро сделал вид, будто не знает об этих словах.

Зато в ходе отступления из Москвы, памятуя о невероятном мужестве Нея в ходе арьергардных боев в Португалии и Испании, Наполеон поручил ему самое трудное задание: с 6-тысячным арьергардом прикрывать отход разваливавшейся на глазах армии. Конечно, Даву, Мортье, принц Евгений и Лефевр были достойны всяких похвал, и все же именно Ней подходил для этой роли лучше всех. Ведь во все времена прикрывать отступление армии было самой нелегкой и опасной задачей. Ней с честью выдержал и это испытание.

То, что смог сделать тогда маршал с несколькими тысячами раненых, обмороженных и истощенных людей, трудно передаваемо словами. Беспримерная доблесть, невероятная выносливость и поистине гипнотическая сила личного примера – вот три слагаемых его подвига. По сути дела, брошенный на погибель, без артиллерии и кавалерии, он сумел под бешеным огнем русских пушек Милорадовича и Ермолова увести 3 тыс. своего поредевшего арьергарда в соседний лес. Под покровом темноты Ней ночью вышел со своими бойцами к Днепру. Уже после полуночи они были на речном берегу, а на следующее утро маршал перешел по тонкому льду с 600–900 солдатами *(остальные провалились в полыньи)* и продолжил свой героический арьергардный марш на Оршу.

Ней сражался как лев, но время побед для французов миновало. В лютый мороз, сопровождавшийся жестокой пургой, без еды, по 20 раз в день выстраиваясь в каре из-за постоянных нападений казаков, ежедневно неся потери, корпус Нея выходил

из заснеженной страны. Несколько сотен обмороженных бойцов, больше похожих на бродяг, по густым лесам, по тонкому льду вставáвших на их пути рек и речушек продолжали отчаянно пешком пробиваться к главным силам Наполеона, стремительно отступавшим на запад. Переправлялись по ночам, с одной льдины на другую. Раненых, кроме тех, кто мог идти, оставляли в селах. Порох и патроны давно закончились – от казаков отбивались штыковыми контратаками, сам Ней мастерски орудовал ружьем, как простой гренадер. Его маленький отряд, сколоченный из людей разных полков и родов войск, таял, словно снег под лучами весеннего солнца: 500… 200… 100… 50… 30 человек! Как-то на привале кто-то решил поторопить маршала, сидящего у костра, пока в деревню не ворвались казаки. Непреклонный «рыжегривый лев», кивнув в сторону четырех ветеранов, гревшихся у соседнего огня, ответил: «С такими людьми мне не страшен сам черт!»

…

***Между прочим** , слышавший доносившуюся с востока канонаду Наполеон говорил своему секретарю: «У меня в Тюильри, в моих подвалах, 300 миллионов франков; я их охотно отдал бы, лишь бы маршал Ней вышел живым из этой скверной передряги». Но ждать Нея он уже не мог: надо было срочно уносить ноги из России, и ему пришлось смириться с потерей Нея.*

Фантастическая сила воли и непоколебимая вера в себя сделали невозможное. Ней прорвался. По легенде, именно он с мушкетом в руках в числе последних перешел пограничный Неман.

Очевидцы рассказывали, что 15 декабря 1812 г. в Гумбиннене (Пруссия) в ресторан, где обедали французские старшие офицеры, вошел бродяга в рваной одежде, со спутанными волосами, с бородой, закрывавшей лицо, грязный, вшивый, страшный… Но прежде, чем его успели выбросить на мостовую, подняв руки, чудище заорало: «Вы что, не узнаете меня, господа?! Я – арьергард Великой армии. Я – Мишель Ней!» Офицеры во главе с генералом Дюма долго не могли поверить, что перед ним

действительно Ней, которого все в армии уже считали «храбрецом среди мертвых» или «мертвецом среди храбрецов». Лишь чудовищная брань на французском с диким эльзасским акцентом вывела всех из ступора.

Наполеон был вне себя от радости, когда узнал об этом подвиге. Именно тогда лихой гусар Ней заслужил от восхищенного Бонапарта исключительно емкое, легендарное прозвище Les Brave des Braves! Именно тогда в наполеоновской армии окончательно поняли, что лучше «храбрейшего из храбрых» сдерживать наседающего врага не умеет никто! Несмотря на все свое численное превосходство, ни Милорадович, ни донской атаман Платов *(безусловные храбрецы и первоклассные генералы)* так и не смогли разгромить остатки неевских солдат и пленить самого маршала. Но пройдут годы и десятилетия, прежде чем Франция и французы узнают подлинную историю героизма ее маршала при отступлении из Москвы, историю воинской славы, которую они сами бездушно осудили и хладнокровно расстреляли после падения Наполеона.

Случалось, что порывистый и нетерпеливый храбрец Ней попадал впросак на поле боя, когда требовались хладнокровие, осмотрительность и тонкий расчет. Например, в войне с Испанией и Португалией 1809–1811 гг. ему, как и другим наполеоновским маршалам, так и не удалось победить лучшего британского полководца герцога Веллингтона – большого мастера обороны и тактических ловушек. Впрочем, и сам Бонапарт, намеренно не назначив поначалу главкома в Испании *(с королем Испании Жозефом Бонапартом или начальником его штаба стареющим Журданом никто из маршалов считаться не собирался)* , дал возможность своим полководцам, крайне ревнивым до славы, перегрызться между собой, словно стая бешеных шакалов. Скажем сразу, что Ней с огромным нежеланием поехал в Испанию. Военного до мозга костей, Нея тяготила та роль, которую в основном принуждены играть французы в Испании, – роль карателя, приводящего к покорности испанских мужиков, сжигающего их дома, разрушающего их храмы и монастыри, расстреливающего схваченных с оружием в руках герильясов. «Жители этой страны упрямы, – откровенно говорил он Бонапарту, – а женщины и дети принимают участие в боях; я не вижу конца этой войне». В Испании Ней демонстрировал прискорбное отсутствие стратегических способностей и неумение действовать совместно с корпусами других маршалов. Гордый и вспыльчивый, он вдрызг рассорился с Сультом. С последним у него не заладилось со времен Йены. Тогда тот вместе с Ланном выручил вырвавшегося вперед Нея и стал его… злейшим врагом!

Такого «благородного оскорбления» Мишель не прощал никому и по-своему «расплатился по счетам» с «обидчиком». Когда Сульту пришлось спешно ретироваться из Португалии в Испанию, Ней встретил его откровенно злорадным смехом. «Своеобразие» ситуации состояло в том, что не Сульт, а Ней явился инициатором этой всем хорошо известной враждебности.

Во избежание драматической развязки между братьями по оружию Бонапарту пришлось перевести Нея в подчинение Массена. Но хрен редьки не слаще: Мишель и с безусловно превосходящим его по глубине и широте военного дарования «хитрым контрабандистом» не нашел общего языка. Его бунтарский дух и полнейшее пренебрежение к приказам вышестоящего командира грозили катастрофой. Ней постоянно публично подвергал сомнению правильность решений и действий Массена. Последнему пришлось отказаться от попытки разбить упрямого Веллингтона с его «стойкими оловянными солдатиками», засевшими за неприступными линиями Торрес-Ведраса, и не солоно хлебавши ретироваться. Но именно тогда Ней блестяще показал всем, что во французской армии он – непревзойденный мастер арьергардного боя. С 10 тыс. солдат он умело сдерживал напор более чем вдвое превышавших британцев, не потеряв во время тяжелого отступления по враждебной территории ни единой пушки, ни одной обозной фуры. Но, когда все уже было позади, Ней снова сделался абсолютно неуправляемым, а его презрение к Массена и вовсе стало просто патологическим. Он опять начал вставлять палки в колеса сопернику. Тот взорвался: отстранил «храбрейшего из храбрых» от командования корпусом, и Бонапарту пришлось отозвать строптивца во Францию.

В сражениях 1813 г. Нею приходилось порой сражаться самостоятельно. К сожалению, он очень часто не справлялся с поставленными задачами, демонстрируя полную беспомощность в планировании и реализации крупных военных операций. Порой его упрямство граничило с безрассудством! Но таков был Les Brave des Braves: как старый гусар, очертя голову бросался он с саблей в руках в самую гущу боя, в частности под Баутценом.

...

***Кстати** , пока у Нея с 1804 по 1812 гг. был личный консультант по тактике швейцарец Антуан Анри Жомини – полковник и барон, ошибки*

Нея не становились пагубными. Жомини был для «храбрейшего из храбрых» главным советником, куда идти и чего не делать! Но в 1813 г. их пути-дороги разошлись (Жомини оказался на русской службе, где вскоре создал Академию генерального штаба) , и у Нея начались… большие проблемы, когда на поле боя требовалась не только беззаветная отвага, но и умение думать.

Неизвестный художник. *Маршал Ней в Ковно.* Конец XIX в.

После поражения маршала Удино от вставшего на сторону союзников Бернадота в битве под Гросс-Беереном Наполеон поручил Нею командовать его войсками, приказав прямиком идти на Берлин. 6 сентября 1813 г. Ней со своей армией попал в западню, устроенную ему под Денневицем все тем же хитрецом Бернадотом. Распоряжения, которые он отдал накануне и во время сражения, продемонстрировали его полную беспомощность в планировании крупной военной операции. Атака генерала Бертрана на правое крыло Бернадота была отбита, а Ней, подошедший с трехчасовым опозданием, столкнулся с пруссаками

генерала Бюлова и не смог их одолеть. Затем саксонцы Нея неожиданно дрогнули: они либо бежали с поля боя, либо переходили прямо к врагу. В образовавшуюся брешь устремилась прусская кавалерия, и французы под ее натиском отступили к Торгау. Эта свирепая атака расколола бегущую армию на две половины, которые во всю прыть устремились в противоположные стороны.

В генеральном сражении кампании 1813 г., знаменитой Битве народов под Лейпцигом (16–19 октября), Ней принимал участие, командуя частями, сдерживающими наступление противника, идущего с севера. Как прежде под Баутценом и Денневицем, он проявлял то излишнюю нерешительность и нерасторопность, то безудержную отвагу. Во время трехмесячной французской кампании 1814 г. Ней вместе со своим корпусом участвовал в сражениях при Бриенне, Ла-Ротьере, Шампобере, Монмирайле, ШатоТьерри, Краоне, Лаоне, Реймсе, Шалоне-на-Марне и Арси-сюр-Об… Но ни он, ни кто другой уже не мог повлиять на исход войны. Союзники вышли на Париж, воспользовавшись тем, что Наполеон со своей армией далеко ушел от столицы – император надеялся смутить противника, очутившись в его глубоком тылу.

Именно Ней твердо заявил Бонапарту, когда тот во время отречения от престола 31 марта 1814 г. попытался было уговорить маршалов дать последний бой, что обратной дороги уже нет! В старинном дворце Фонтенбло тогда собрались Ней, Бертье, Лефевр, Монсей, Удино и Макдоналд. Они мрачны и напряженны: им предстоит навязать их императору… отречение! А вдруг он прикажет арестовать их всех как заговорщиков?! И все-таки их – шестеро, а он – один! Но он – бог (вернее, демон) войны, а они все ему обязанные… его архангелы-подельники! И вот произносится ключевое слово «отречение»… «Армия повинуется мне!» – гневно кричит Нею Наполеон и слышит резкий ответ: «Сир! Она повинуется своим генералам!» Более того, кое-кто из историков не исключает, что Ней якобы позволил себе «успокоить» императора совершенно недопустимой ранее фразой: «Не бойтесь. Мы не собираемся повторять здесь петербургскую сцену». *(Все помнили, как драматически завершилось недолгое правление российского императора Павла I.)* Но бог (вернее, демон) войны уже слишком устал от их… обыденности, и он не вызывает караул! А ведь мог! Интересно, что произошло бы тогда? Не сумев сразу взять инициативу разговора в свои руки, Наполеон оказался перед необходимостью отречения. Получается, что все точки над і поставил тогда легендарный Les Brave des Braves. Однако, как оказалось, «храбрейший из храбрых» еще не сказал своего последнего слова.

Не успел отрекшийся император добраться до места своей первой ссылки – острова Эльба, Ней, как и остальные маршалы (кроме Даву, который отречется позже, когда дело императора будет окончательно проиграно), приносит присягу вернувшимся в обозе союзников Бурбонам. Более того, сын бочара быстро превратился в крутого роялиста: в своем роскошном особняке, когда-то пожалованном ему генералом Бонапартом, он закатывает грандиозный бал в честь… своих новых хозяев. В ответ Людовик XVIII (Станислав Ксаверий), носивший весьма ироничное прозвище *Желанный,* король Франции (1814–1824 гг.) из династии Бурбонов, назначает бывшего маршала, а ныне ловкого царедворца главнокомандующим всеми королевскими кирасирами, драгунами, конными егерями и уланами.

Затем наступили знаменитые «Сто дней» Бонапарта. Момент истины для него самого и всех его «легатов». Против «сорвавшегося с цепи дьявола» во главе сильной армии был брошен маршал Ней. Тот самый, кто был многим обязан своему императору, а потом столь энергично подталкивал его к отречению. А теперь его и вовсе занесло: он обещал королю Людовику привезти Наполеона в железной клетке. Благоразумный король был потрясен рвением одного из любимцев Наполеона и, когда тот вышел за дверь, иронически заметил: «Ну и канарейка!»

Армия Нея могла остановить Наполеона: она была неизмеримо сильнее. Но Наполеон хорошо знал своего боевого сподвижника и сделал «ход конем»: переслал записку с многозначительными словами: «Я приму вас так же, как на следующий день после bataille de Moskova!» (Как известно, после того самого страшного из всех больших сражений Бонапарта Ней публично весьма нелицеприятно высказался о полководческом искусстве императора. Тому донесли, но он мудро пропустил остроту маршала мимо ушей и в дальнейшем вел себя с Неем как ни в чем не бывало.) В ответ Ней передал свою записку: «Если вы будете править тиранически, то я ваш пленник, а не сторонник!» Ознакомившись с посланием, Наполеон иронично усмехнулся и, покрутив пальцем у виска, задумчиво бросил своей свите: «Похоже, что наш Les Brave des Braves совсем спятил!» Парадоксально, но в чем-то он был прав: то, как безрассудно будет воевать Ней, какие он совершит непростительные ошибки, немало поспособствует роковому исходу последней военной кампании Бонапарта. Но все это случится потом, а пока у Наполеона не было иного выхода, как любыми способами перетянуть маршала на свою сторону.

Когда обе армии встретились у Осера, Ней забыл про присягу

Бурбонам и громкое обещание поступить с Бонапартом «по-свойски». Он без колебаний выхватил саблю из ножен и воскликнул: «Офицеры, унтерофицеры и солдаты! Дело Бурбонов… погибло навсегда!» Когда кто-то из офицеров-роялистов попытался было упрекнуть маршала в нарушении королевской присяги, то услышал в ответ: «Разве я могу остановить движение моря своими руками?!» Когда Людовику XVIII доложили об измене Нея, он с негодованием воскликнул: «Презренный! У него, стало быть, нет больше чести!»

…

***Кстати** , когда Наполеон с Неем встретились, маршал попал в неловкую ситуацию. Вернувшийся император полушутливо-полуехидно спросил Les Brave des Braves: «А я думал, вы сделались… эмигрантом?» Ответ, как и в момент отречения Бонапарта весной 1814 г., был достойным и твердым: «Мне следовало бы им стать, но сейчас это – слишком поздно!» «Это верно, – добавил Ней, – что я обещал королю привезти вас в Париж в железной клетке. Но дело в том, что я уже тогда решил присоединиться к вам, и я считал, что не смогу сказать ничего лучше, чтобы скрыть мои намерения». «Не нужно извинений, – парировал император, – я никогда не сомневался в ваших истинных чувствах». Судя по тому, как развивались дальнейшие события, оба кривили душой.*

На самом деле Наполеон имел полное право сомневаться в Нее: «Ней самый храбрый из людей, но все его достоинства сводятся только к этому. Он столь же слаб, сколь и отважен. У Нея всегда была склонность к неблагодарности и к мятежу». Слишком свежи оказались воспоминания Наполеона об апрельском дне 1814 г., когда Ней – душа «бунта маршалов» – почти открыто потребовал его отречения! Разве можно верить

человеку, способному нарушить присягу, даже если это присяга Людовику XVIII? Насчет маршалов у Бонапарта вообще не было иллюзий. Превосходный знаток людей, он узнал почти все, что можно знать о человеческом поведении в дни своего отречения и ссылки, и понимал окружающих настолько хорошо, что в его сердце не оставалось места ни гневу, ни презрению. Наполеон знал, что маршалы будут верны ему только до тех пор, пока его поддерживает армия. Однако круг тех, на кого можно опереться в попытке вернуть Францию, оказался слишком узок.

Союзники готовили миллионную армию, а 211 тыс. уже двинули к границам Франции. 117 тыс. пруссаков (105 тыс. пехоты, 12 тыс. кавалерии и 296 орудий) рвавшегося в бой «старого боевого пса» фельдмаршала Блюхера и примерно 104 тыс. англичан, голландцев, датчан и бельгийцев (90 тыс. пехоты, 14 тыс. кавалерии и 196 орудий) под командованием фельдмаршала Веллингтона он мог противопоставить лишь 102 тыс. (80 тыс. пехоты и 22 тыс. кавалерии) с 344–366 орудиями. Остальные имевшиеся у него 112 тыс. пришлось распределить между проверенными генералами Ламарком, Клозелем, Декаэном, Раппом, Лекурбом и маршалами Брюнном и Сюше, чтобы прикрывать границы. Это уже были «последние солдаты последней войны» – прославленные ветераны вперемежку с безусыми, но уже обстрелянными юнцами кампаний 1813–1814 гг. (за долгие годы революционных и Наполеоновских войн мужские ресурсы Франции оказались исчерпаны). Правда, боевой дух последней армии Бонапарта был весьма высок – она, как четверть века назад, готовилась защищать Отечество от ополчившейся Европы.

Бонапарт явно ошибся, доверив Нею самостоятельное командование большой массой войск в кампании 1815 г. «Храбрейший из храбрых» был незаменим в отчаянных авангардных и арьергардных боях, но хладнокровные стратегические расчеты этому «тугодуму» были неподвластны. Недаром Бонапарт еще в 1808 г. горько признал, что Ней понимает стратегию на уровне… «мальчишки-барабанщика». Все его полководческие недостатки были заметны в кампании 1806 г., наглядно вылезли в 1813 г. и стали катастрофой для французского оружия во времена «Ста дней»! В то же время у Бонапарта были свои резоны в пользу назначения Нея на столь ответственный пост, причем резоны политические! Бывший главнокомандующий Бурбонов Мишель Ней, перейдя (по сути дела, дезертировав) на сторону Наполеона, дискредитировал правящую династию и превратился в бесценную пропагандистскую фигуру. Своим возвышением он как бы

показывал братьям по оружию, когда-то предавшим Бонапарта, что они тоже могут быть прощены и вернуться под славные знамена Бонапарта!

Принято считать, что Ней совершил ряд серьезных промахов в последней кампании 1815 г. Тогда в битвах при Катр-Бра и особенно при Ватерлоо именно его храбрость, превратившаяся в неоправданную горячность, отчасти предопределила роковой исход. Глядя, как на плато Мон-Сен-Жан под ливнем британских пуль бесцельно гибнет цвет французской кавалерии под началом «рыжегривого льва», начальник штаба Сульт обратился к Наполеону: «Ней снова компрометирует нас, как и под Йеной!» Действительно, в своей последней битве при Ватерлоо 18 июня 1815 г. Ней сражался как сумасшедший, всегда во главе ударных батальонов. Каким-то чудом он оставался невредимым: его не брали ни пуля, ни штык, ни клинок. Однако те, кто видел, как он организовывал крохотные арьергардные отряды на дороге к Смоленску, Орше и Ковно, отмечали странные изменения в его поведении. Во все время долгого, сопровождаемого боями отступления из России он оставался спокойным, холодным и выдержанным. Если он молчал, то за него говорил повелительный жест, вселяющий бодрость в слабых и отгоняющий тень смерти от глаз умирающих. При Ватерлоо же ни ободряющих слов, ни жестов Нея никто не наблюдал. Он бранился, проклинал и кромсал врагов, но никаких жестов ободрения не делал. Он бушевал, неистовствовал, выкрикивал призывы, но поддерживал своих людей только личным примером, а не словами. За два дня до битвы при Ватерлоо, у Катр-Бра, кто-то слышал, как он прорычал: «Если б только меня убила английская пуля!» Теперь, на склонах Мон-Сен-Жана, многим казалось, что он специально ищет смерти. Что это было: следствие угрызений совести или желание смерти у человека, отдавшего войне всю свою жизнь? Французские атаки следовали одна за другой, и каждую атаку возглавлял Ней. Обе армии были истощены, однако английские войска были истощены больше. Лишь по горстке солдат, окружавших знамя, можно было судить, что здесь прежде стоял полк; иными батальонами командовали теперь капитаны и даже лейтенанты.

Если не считать слабого резерва, построенного эшелонами за фермой Мон-Сен-Жан, и бригад Вивиана и Ванделера, прикрывавших левый фланг, у Веллингтона больше не имелось никаких свежих сил. Целые батальоны были уничтожены и валялись на земле. Всюду виднелись редкие линии солдат, раненых становилось все больше и больше, легкораненые под разными предлогами старались скрыться с поля боя. Положение

англичан становилось критическим. Свита Веллингтона слышала, как «железный герцог» шептал: «Дай мне ночь или дай мне Блюхера». Только в семь часов вечера Наполеон вместе с несколькими батальонами Средней (а вовсе не Старой, как было принято считать раньше) гвардии двинулся против ослабленного центра англичан. Неутомимый Ней опять возглавил атаку, на сей раз он был пешим. К этому моменту под ним было убито пять лошадей. Очевидец описывал, как он поднимался по склону: его лицо почернело от пороховой гари, один эполет был сорван пулей, форма порвана, и весь он был выпачкан в грязи. Кто-то закричал: «Вон идет Le Rougeaud!» – и даже раненые вставали и следовали за гвардией. Все понимали, что это последняя страница в фантастической эпопее Наполеона Бонапарта. Но как раз в этот кульминационный момент пруссаки Бюлова и Цитена прорвали правый фланг французов и ринулись в тыл. Огонь и атаки пруссаков вызвали во французской армии развал. Расстреливаемая во фланг артиллерией, сметаемая ближним ружейным огнем британских гвардейцев по фронту, наполеоновская гвардия таяла на глазах, и, когда на правом фланге измученная кавалерия и вымотанная пехота увидели, как начинают шататься и легендарные «медвежьи шапки», французскую армию охватила волна паники, она развернулась и началось бегство. Но и в тот драматичный для истории Франции вечер Ней был и остался Неем со всеми его достоинствами и недостатками! Понимая, что дело проиграно, Les Brave des Braves искал смерти: пять его любимых коней уже полегли под ним, а он остался жив! Безусловно, для него было бы лучше погибнуть в последней роковой битве. Под Ватерлоо Наполеон, несомненно, был не в ударе и упустил момент поддержать «храбрейшего их храбрых» атакой своих последних гвардейцев.

После поражения при Ватерлоо Ней имел шанс скрыться: дружески расположенный к нему маршал Сюше снабдил его деньгами и паспортом в ближайшую Швейцарию. Но легенда французского оружия, Les Brave des Braves не мог бежать, иначе какой же он «храбрейший из храбрых»? Роялисты арестовали Нея и заключили в тюрьму Консьержери. Сам Людовик XVIII, узнав, что Ней не согласился на бегство, будучи совершенно не мстительным человеком, ломал руки. «Как же он допустил, чтобы его поймали? Ведь мы давали ему столько шансов уйти!» – причитал король. В столице Франции царил ажиотаж: судят самого Les Brave des Braves! Лихие кавалерийские сорвиголовы гвардейские генералы Экзельманс и Орнано готовили его побег! Но власти в лице Фуше не дремали и успели арестовать Орнано и обезвредить Экзельманса.

Сформированный военным министром Сен-Сиром военный трибунал, в составе которого было немало братьев по оружию Нея – маршалы Монсей (председатель), Массена, Ожеро и Мортье, – оказался в трудной ситуации. С одной стороны, сам Les Brave des Braves, а с другой – именно он нарушил воинскую присягу, данную королю. Как быть? Военная слава Франции для них оказалась превыше всего. Мортье заявил, что предпочтет быть уволенным в отставку, Массена – что у него с Неем существует личный конфликт, а Ожеро попросту слег в постель. Старейший маршал Франции Монсей даже написал письмо королю с просьбой о помиловании человека, которому столько французов обязаны жизнью, а многие семьи – жизнью своих сыновей, мужей, отцов. За это прошение Монсея посадили в тюрьму.

Ней же совершил свою последнюю и, возможно, самую большую ошибку: боясь, что собратья по оружию сведут с ним счеты, он потребовал, чтобы его судил не военный трибунал, а палата пэров, членом которой он был. И гражданский суд палаты пэров приговорил Нея к расстрелу. Среди подписавших смертный приговор были не только представители древних аристократических фамилий, не склонные прощать безродного выскочку. Среди них оказалось пятеро недавних сослуживцев Нея: Келлерман-старший, Периньон, Серюрье, Виктор и Мармон, очевидно, имевшие большие основания свести с Неем счеты. Лишь СенСир с Макдоналдом сумели достойно выйти из этой передряги: первый проголосовал за высылку героя из страны, а второй и вовсе воздержался. Ожеро и Даву были в ужасе от расстрельного приговора. Первый, будучи уже на смертном одре, просто рвал и метал, понося всех, и себя в том числе, за случившееся. Второй выразил негодование через знаменитое письмо Людовику XVIII Желанному, и его для острастки «посадили на хлеб с водой» под надзором полиции.

...

***Кстати** , «храбрейший из храбрых» на суде и после него вел себя очень достойно. Один из его адвокатов попытался доказать, что, как уроженец Саара и Эльзаса, перешедших после падения наполеоновской империи к Пруссии, Ней не является французским подданным и потому неподсуден*

палате пэров Франции. Les Brave des Braves твердо возразил: «Я француз! И я умру как француз!» Он отказался стать на колени и не позволил завязать себе глаза, как того требовали правила расстрела. Прежде чем грянул залп, он успел выкрикнуть: «Французы! Я протестую против моего приговора! Моя честь…» По одной из версий, из 12 солдат экзекуционного взвода в маршала Нея выстрелило 11, один не целился, и пуля угодила в стену. По другой, потрясенные необходимостью убить своего любимого командира, солдаты-ветераны из расстрельной команды только ранили Нея, ни у кого из офицеров не поднялась рука добить Воинскую Славу Франции , и «храбрейший из храбрых» умер в мучениях от потери крови у стен Люксембургского сада. Так или иначе, но своему солдатскому долгу Les Brave des Braves остался верен до конца.

Интересно, что расстрел австрийцами маршала Мюрата после его неудачной попытки вернуть себе трон Неаполя прошел почти незамеченным. А вот казнь самими французами одного из своих самых славных сыновей – маршала Нея – вызвала огромное возмущение по всей стране, особенно в военной среде. Так или иначе, но Мишель Ней и Иоахим Мюрат – такие разные по характеру – закончили свой путь одинаково.

Только в 1853 г. на месте, где был казнен «храбрейший из храбрых», воздвигли памятник. Воинская доблесть Франции – Ней и Мюрат – единственные маршалы Наполеона, которые не пережили краха своего кумира и погибли красивой, *солдатской* смертью! Когда Наполеон узнал о том, как они умерли, он якобы произнес всего одну фразу: «Герои не нуждаются в надгробных речах!» Это они и им подобные (Дезе и д'Эспань, Ланн и Лассаль, Сент-Илер и Бесьер, Монбрен и Гюденн и многие другие), лихо звеня саблями и шпорами, стремительным галопом пролетели по Европе и в расцвете сил ушли в свой последний солдатский переход – в *Бессмертие* , став легендами французского военного

искусства.

P. S. В полководческом даровании Ней, безусловно, уступал и Массена, и Ланну, и Даву, и Сюше, и Сульту. Он не был стратегом и не умел согласовывать свои действия с другими наполеоновскими полководцами. Скорее, Ней был величественным исполнителем воли Наполеона – замечательным «ведомым», нежели самостоятельным военачальником, блестящим «ведущим». И тем не менее маршал Франции Мишель Ней был знаковой фигурой предельно насыщенной кровью и порохом фантастической, героической эпохи Наполеоновских войн. Иначе и быть не могло: сам Бонапарт, человек весьма ревнивый до воинской славы, назвал его Les Brave des Braves. Правда, такого эпитета он удостоился после гибели другого «храбрейшего из храбрых» – Жана Ланна. В отличие от многих маршалов, Ней мыслил только о славе военачальника, идущего в бой на десять шагов впереди самого быстрого из его солдат. Ней обожествлял храбрость, и его отношение к войне было почти мистическим. Бесстрашный, горячий, резко реагирующий на обиду, но столь же быстро прощающий все, кроме оскорблений, задевающих честь, Ней – это квинтэссенция того, что составляет легенду о Наполеоне. Когда сами французы его расстреляли – умерла и легенда…

Иоахим Мюрат «Храбрейший из королей и король храбрецов»

Был час ночи, и шел проливной, ни на миг не ослабевающий дождь, когда Бонапарт вызвал к себе молодого командира эскадрона конных егерей. Он действовал по подсказке члена Конвента Дельмаса, который запомнил решительность и бесстрашие этого офицера при защите Конвента от взбунтовавшихся горожан. Влетевший в зал капитан с потрясающими темными локонами до плеч, развевающимися над блестящим доломаном, и с роскошной саблей, малиновым звоном бьющей по тренькающим шпорам, был именно тем человеком, в котором сейчас нуждался Наполеон. Ему был отдан короткий приказ: как можно быстрее пробиться в арсенал и привезти пушки в Тюильри. Нужно было галопом пройти через город, занятый мятежниками, которые попытались овладеть артиллерией. Молодой командир, охотно, даже весело принявший этот приказ, выполнил его блестяще. Браво рявкнув: «По коням! За мной!! Вперед!!!» – в сопровождении 300 конных егерей он промчался вихрем по улицам ночного Парижа, сшибая и опрокидывая всех, кто вставал на его пути. Отбросив прибывшую раньше него в арсенал пешую колонну противника (на равнинной местности он лихо обошел вражескую толпу с флангов и порубил ее в капусту), около двух часов пополуночи капитан овладел 50 пушками и в шесть часов утра 5 октября 1795 г. доставил их Наполеону в Тюильри. Мгновенно огнедышащие жерла были направлены на мятежников у церкви Сен-Рош. Прагматичный артиллерист Бонапарт сам отдал приказ: «Огонь!!!» А удалой кавалерийский капитан вошел в историю…

Героя звали Иоахим Мюрат (25.03.1767, Лабастид-Фортюньер – 13.10.1815, Пиццо, Калабрия). Этому высокому, стройному, плечистому молодцу с изящными губами, орлиным носом и такими бездонно-синими глазами с поволокой, что на него заглядывались женщины всех возрастов и сословий, было всего 24 года. Выросший в маленьком гасконском городе Лабастид-Фортюньер, где с трех лет сажают на лошадь (вот откуда у него вольтижерское ухарство, приводившее в изумление и соратников, и врагов!), Мюрат рано начал самостоятельную жизнь. 11-му (по другим данным, 12-му) ребенку в семье то ли кабатчика, то ли хозяина постоялого двора или даже управляющего имениями Талейранов Пьера Мюра Жорди и Жанны Лубьер предстояло стать священником. Это мало устраивало резвого и пылкого молодого

человека, и он бросил обучение на кюре в Тулузском университете теологии (семинария Святого Лазаря). (Потом ходили слухи, возможно распускаемые самим Мюратом, обожавшим невероятные байки о своей лихой молодости, что на самом деле истинной причиной такого демарша послужила некая любовная история и сопутствовавшая ей дуэль.) Так или иначе, но аббатом он не стал. Зато 23 февраля 1787 г. красивый, сильный, решительный и безрассудно храбрый Иоахим поступил солдатом в 12-й Арденнский конно-егерский полк, расквартированный в Тулузе. Шикарный темно-зеленый мундир с белыми отворотами, сексуально обтягивающие его мускулистые ноги штаны-венгерки, сморщенные гусарские сапожки, длинная сабля и лихой скакун – вот что к лицу несостоявшемуся клирику! Звон амуниции и бряцание оружия, прерывистое ржание боевых коней и зовуще-бодрящие звуки горнов, воинственный вид бравых красавцев-кавалеристов и ореол их побед – вот что манило его! Именно здесь этот прирожденный любовник и дуэлянт чувствует себя «на коне»: соблазненных дам, а также проткнутых и порубленных кавалеров на его счету будет предостаточно.

Прослужив некоторое время в королевской армии и оказавшись замешанным в предреволюционном бунте против офицеров-аристократов, Мюрат был уволен и вернулся домой. (Молва гласит, что на самом деле Иоахим оказался заурядным казнокрадом, и его попросту «попросили» из армии.) Здесь Мюрата ждал отнюдь не ласковый прием: отец и раньше не жаловал выбор сына (и даже пытался добиться его отставки, но не вышло), а скандальное увольнение со службы и вовсе вывело старика из себя! Пьер Мюра перестал давать сыну деньги на… карманные расходы. Пришлось отставному кавалеристу поступить в бакалейное заведение в Сен-Сере. Иоахим не растерялся: он становится одной из популярнейших личностей в округе и уже 8 февраля 1792 г. вместе со своим приятелем Бесьером *(еще одним будущим наполеоновским маршалом)* оказывается делегирован в национальную революционную гвардию для замены мушкетеров из королевской стражи. Мюрат впервые в столице – в революционном Париже! Для него – предприимчивого и находчивого – это шанс! «С приходом революции моя судьба переменилась к лучшему, – пишет он своему любимому брату Пьеру 19 ноября 1792 г. – В моем возрасте, с моей храбростью и военными талантами я могу

Ф. С. Делпеш. *Маршал Мюрат.* Гравюра. 1830 г.

пойти дальше. Господь не допустит, чтобы я обманулся в своих ожиданиях». Иоахим настолько увлекся революцией, что даже всерьез подумывал поменять фамилию Мюрат на еще более громкую – Марат – в честь зарезанного Шарлоттой Корде «друга народа». И тут он дважды оказывается на волоске от гибели. Сначала его попытались арестовать по делу о попытке бегства Людовика XVI за границу, но он вовремя скрылся на фронте, в рядах революционной армии. Затем, после переворота 9 термидора, для всех якобинцев настают «черные дни» *(наш герой со всей истинно кавалерийской удалью поддерживал именно их).* Его разговорчивость, а точнее, болтливость сыграла с ним злую шутку: «компетентные органы» заинтересовались, зачем он хотел взять себе имя Марат? Лишь чудом Иоахим избежал гильотины!

Так или иначе, но, когда на поле боя высылали конных егерей, Мюрат мчался вперед и рубил саблей с таким азартом, что его сослуживцы быстро пришли к выводу, что не больше чем

через год или его уже не будет в живых, или же он станет командиром. Начав с квартирмейстера 21-го конно-егерского полка, через год Иоахим Мюрат уже капитан эскадрона! Его продвижению по службе не помешал даже очень короткий, но невероятно страстный роман с некой Мион Басти, о котором наш удалой кавалерист поспешил лихо… забыть.

А затем наступило 13 вандемьера! С той ветреной, дождливой октябрьской ночи 1795 г., когда быстротой и напористостью своих действий Мюрат во многом предопределил исход дальнейших событий, началась его блестящая карьера. *Звезда* по имени Иоахим Мюрат вспыхнула рядом с *кометой* по имени Наполеон Бонапарт! «Поймав за хвост жар-птицу», Иоахим стал адъютантом Наполеона, оценившего храбрость и энергию молодого офицера. Таких людей он замечал мгновенно и старался удержать подле себя. Пути их соединились надолго – почти на 20 лет, и Мюрат принял участие почти во всех наполеоновских войнах. Тщеславный гасконец сполна реализовал свои честолюбивые планы, став маршалом Франции, герцогом Клеве и Берга, а также королем неаполитанским. Более того, ему выпала особая честь подхватить знамя лучшего кавалерийского командира, выпавшее из рук полулегендарных принца Руперта Рейнского (одного из героев Тридцатилетней войны и битв в ходе Английской буржуазной революции) и Зейдлица Прусского из армии Фридриха II Великого! Войти в тройку самых лихих кавалерийских рубак Нового времени – явление уникальное!

Иоахим Мюрат, наверное, самый колоритный из полководцев Наполеона. За пять лет он прошел путь от капитана до дивизионного генерала! Бесшабашно смелый, великодушный, добрый, он был любим войсками и за картинную красоту боевого кавалериста. Одним из первых став при Наполеоне маршалом Франции, этот нахал и бахвал лично водил в атаку свои эскадроны, вооружившись лишь… золотым маршальским жезлом! Его балаганные выходки обсуждались на биваках всех армий Европы, но подражать ему не решался никто! Недаром в салонах у дам он пользовался бешеным успехом. Хвастливый Мюрат даже выгравировал у себя на сабле надпись: «Честь и дамы». Правда, в одной из столь обожаемых им неистовых… любовных схваток с «легкой кулевриной» он получил неприятный презент – галантную болезнь – от миланской красавицы мадам Рига, известной коллекционерши кавалерийских офицеров.

В знаменитой Итальянской кампании Бонапарта Мюрат, лихо рубивший врага при Дего и Монтенотте, Миллезимо и Мондови, становится бригадным генералом и командует кавбригадой у генерала Кильманна. Но нам ничего не известно об участии

Мюрата в знаменитых сражениях при Арколе и Риволи.
Потом Иоахим оказывается под началом Жубера, затем – Дюгуа и, наконец, в самом конце кампании – у Бернадота, доблестно сражаясь при Тальяменто. В Египетском походе Мюрат с его гусарами и драгунами особо отличается в сухопутной битве при Абукире. Прорубившись к турецкому вожаку Мустафе-паше, Иоахим получил от него пистолетную пулю в нижнюю челюсть. Захлебываясь собственной кровью, Мюрат рубанул басурмана по руке, отсек пару пальцев, и… Мустафа-паша опустил оружие. После того боя первую саблю французской армии больше всего волновало, не обезобразит ли его лицо пулевая рана. Оказалось, что шрам придал ему еще больше мужественности, которая так ценилась прелестницами той романтической эпохи.

…

Между прочим *, в восточном походе Бонапарта Мюрат прославился еще и умением красиво… жить. Он окружил себя восточной роскошью. Его походная палатка была изысканно убрана ценными коврами. И в этом интерьере новоявленный паладин-«простолюдин» покуривал особо благовонный табак, попивал редкие вина, дегустировал всевозможные восточные сладости. При этом он предпочитал почивать раздетым, что было весьма рискованно в условиях постоянно рыскающих мамелюкских разъездов. Как его ни увещевали соратники, вальяжный Иоахим небрежно бросал, что для него не проблема вскочить на коня в исподнем, и тогда его воины точно не потеряют его в кромешной тьме восточной ночи. Но это лишь штрихи к многогранному портрету…*

Безусловно, весом вклад Мюрата в события 18 брюмера 1799 г., когда он, Лефевр и Леклерк повели своих гренадер в

атаку на депутатов и Наполеон стал-таки первым консулом Франции! А ведь был момент – миг колебаний, – когда Бонапарта, главу военного переворота, депутаты чуть было официально не объявили вне закона со всеми вытекающими из этого последствиями! Эта стремительная «штыковая атака» Мюрата сделала его командующим консульской гвардией и… мужем бойкой, жизнерадостной и соблазнительной сестры Бонапарта, взбалмошной и циничной Каролины (1782–1839), ранее звавшейся Марией Аннунциатой. А ведь среди претендентов на руку любвеобильной сестрички Наполеона между прочим значились такие колоритные фигуры, как Ланн, Дюрок и якобы Моро с Ожеро! Да и сам Наполеон поначалу не очень-то стремился породниться с лихим кавалеристом – для зятя главы государства одного этого было мало: «Я просто не могу позволить, чтобы моя семья породнилась с такой посредственностью!» Но Жозефина (молва гласила, что она особо благоволила к неотразимому красавцу-кавалеристу) смогла оказать такое влияние на мужа (в ту пору еще ее обожавшего), что именно Мюрат стал ее родственником и отцом четырех племянников и племянниц Бонапарта – Ахилла (1801–1847), Летиции (1802–1859), Люсьена (1803–1878) и Луизы (1805–1889).

Поначалу Мюрат был до безумия влюблен в свою «драгоценную малышку Каролину». А потом чувства поутихли, и взаимная любовь превратилась в… сговор. По воспоминаниям хорошо знавших сестру Бонапарта людей, она всю жизнь ненавидела Жозефину Богарне и «все силы души, страсть и проницательность» употребила на развод своего брата с этой «старухой». Именно она поставляла ему молоденьких и доступных девушек, чтобы брат смог удостовериться в способности быть отцом. Одна из них – Элеонора Дэнюэль де ла Плен – родила мальчика по имени Леон. Но сам Бонапарт был в курсе, что его зять Мюрат тоже посещал лоно де ла Плен, причем примерно в тоже время, что и он! Так кто же отец Леона? В конце концов вдову Богарне все же устранили, и Каролина, к тому времени уже королева неаполитанская, сумелатаки влезть в доверие к новой императрице австриячке Марии Луизе и стать крестной матерью сына Наполеона. Долгие годы, напрочь лишенная совести и жадная до почестей и денег, вечно пребывающая в восторге от собственной персоны, тонкая и умелая интриганка Каролина, ловко пользовавшаяся родством со своим венценосным братом, руководила Иоахимом Мюратом. Это, впрочем, отнюдь не помешало ему уже в очередном походе в Италию в 1800 г., оказавшись в Милане, «всласть пошалить со своими старыми подружками». И так будет всю оставшуюся

жизнь: как только труба позовет лихого кавалериста Мюрата в поход, он не будет упускать шансов «облагодетельствовать» заморских красавиц, а жена – наставить ему рога. Ассортимент ее любовников будет крайне широк: от министров и генералов (среди них был и Жюно) до адъютантов. Она сможет устроиться и после смерти мужа, но никогда не будет прощена своим семейством, в том числе матушкой Летицией, за предательство венценосного брата, которому всем была обязана.

В судьбоносной для Наполеона битве при Маренго Мюрат снова в гуще схватки: его мундир весь иссечен пулями. Впрочем, Мюрат, как очень редко бывало в будущем, не стал приписывать все заслуги себе. Он по праву отдал должное молодому генералу Келлерману-младшему, который, по справедливости, был главным героем французских кавалеристов в тот достопамятный день.

После наступления мира Иоахим принимает деятельное участие в совершенствовании французской армии. Этот бесшабашный рубака показывает тонкое знание психологии боя, в частности, именно ему принадлежит идея водрузить на голову консульских (а потом и императорских) гвардейцев высокие медвежьи шапки. «Найдется ли противник, – вопрошает Мюрат, – чей моральный дух позволит ему выдержать приближение большого числа гренадер, которым такая шапка придает больший рост и самый воинственный вид?»

До сих пор неясно участие Мюрата в истории захвата, осуждения и расстрела несчастного герцога Энгиенского. По словам жандармского генерала Савари, которому принадлежало общее руководство операцией, «Коленкур устроил похищение герцога Энгиенского, но не кто иной, как Мюрат, его судил, а я – велел его расстрелять».

В войне с Австрией и Россией в 1805 г. этот прирожденный рубака хорош только там, где не надо думать, а можно лишь лихо пробиваться сквозь оборону противника! Мюрат был неспособен рассчитать и предвидеть последствия своих действий и нередко ставил остальные войска в сложное положение. Вспомним хотя бы дело под Кремсом и переговоры-перемирие с Кутузовым под Голлабруном. Мюрат являет более смелости, нежели ума. Однако это не мешает ему добиться огромной популярности в армии, где героические атаки чрезвычайно повышают его престиж. Вот под Аустерлицем он – в родной стихии! Его неподражаемое искусство поставить все на карту и… выиграть стало фирменным стилем жизни!

Именно он устроил невероятную «гасконаду» на Таборском мосту через Дунай, охранявшемся арьергардом австрийской

армии под командованием старого князя Ф. Ауэрсперга (Ауэсберга). Сильная артиллерийская батарея простреливала все подступы к нему. Австрийский генерал-майор имел категорический приказ взорвать мост при отступлении. Французов ожидал нелегкий бой. Но три военачальника – три наглых гасконца Ланн, Мюрат и Бертран (или де Бельяр) – отважились на дерзкую авантюру. Одна из версий *(возможно, наиболее «гладкая»)* гласит: в полной парадной форме троица лихих смельчаков отправилась без охраны к князю Ауэрспергу, размахивая белым флагом и крича «Перемирие! Перемирие!». Смельчаки уверенно растолкали опешивших австрийских гусар и непринужденно представились как парламентеры. Заверив австрийского командующего, будто подписано перемирие, расточая комплименты и любезности, эти парижские бонвианы настолько увлекли его живой, остроумной беседой о красоте венских и парижских дам (уж им-то, признанным ловеласам, было что вспомнить), что старый дамский угодник князь Ауэрсперг, вспомнив молодость, забыл о своем прямом воинском долге. Пока продолжалась поглощавшая все его внимание беседа, спрятанные в прибрежных кустах гренадеры Удино бесшумно взошли на мост. Стоявший вблизи австрийский артиллерийский капрал закричал Ауэрспергу, что их предают и надо взорвать мост. Он даже попытался это сделать. Маршалы выразили изумление недисциплинированностью капрала, который осмелился указывать своему начальнику. Раздосадованный князь приказал немедленно наказать его. Эта комедия длилась всего несколько минут. Когда Ауэрсперг понял, что его обманули, было уже поздно: гренадеры без единого выстрела захватили мост. Вскоре драгуны подчиненного Мюрата генерала Себастьяни без помех вошли в Вену, где их трофеями стали 500 пушек, 100 тыс. мушкетов, огромное количество боеприпасов и в придачу тонны венских кружев и кружевного дамского интимного белья! (Вена не без оснований соперничала с Парижем за право считаться европейской столицей женской моды той поры.)

В 1806 г. в войне с Пруссией Мюрат снова еще раз подтверждает, что в преследовании разгромленного врага ему нет равных: он с ходу, всего лишь с маршальским жезлом в руках, на плечах у бегущего врага берет город за городом, крепость за крепостью! После скоротечной капитуляции хорошо укрепленного Штеттина Бонапарт хвалит удалого молодца: «Любезный брат, я поздравляю вас со взятием Штеттина. Если наша легкая кавалерия так берет укрепленные города, мне придется распустить инженерные войска и отослать на переплавку наши осадные орудия».

Мюрат в авангарде наполеоновской армии в конце 1806 г. вступил в многострадальную Польшу. Его лихая кавалерия снова летит вперед: сорвиголовы Бомон и д'Эспань, Клейн и Лассаль, Монбренн и Эксельманс рвутся к Варшаве. 28 ноября 1806 г. Мюрат во всем блеске своего театрально-воинственного костюма первым появился в Варшаве. По этому случаю он облачился в польскую военную форму: зеленый бархатный кунтуш, украшенный мехом и золотыми бранденбургами (застежками), расшитые сапоги и конфедератка с драгоценными камнями, увенчанная покачивающимся на скаку белым пером. На кону судьба разодранной Пруссией, Австрией и Россией Польши. Мюрата поляки встречают как освободителя. Иоахим пьянеет от успеха, он тронут оказанным ему приемом, намеками, приятно щекотавшими его гасконское самолюбие (Мюрат всегда мечтал о короне), на то, что он наидостойнейшая кандидатура на роль главы возрожденного польского государства. Сладкоречивые польские паны только подливают масла в огонь: был же несколько веков назад королем Польши французский принц, впоследствии король Генрих III Валуа! Но у Бонапарта иное мнение, иные взгляды на польский вопрос, и Мюрату не светит польская корона. В той войне Иоахим со своими кавалеристами все время на острие копья: Нове-Място, Лапачин, Голымин, Берфрид, Деппене, Либштадт, Вольфсдорф, Хоф – вот не полный список конных сшибок Клейна и Лассаля под началом самого Мюрата.

А затем последовала тут же ставшая легендарной атака всей кавалерии Мюрата в критический для Наполеона момент сражения при Прейсиш-Эйлау! Очевидцы и участники этой героической атаки потом единодушно – как французы, так и русские – вспоминали и писали, что ничего подобного никогда не видели! Это было нечто эпическое – из времен гомеровских войн!

К 10:30 утра ситуация на заснеженном морозном поле Прейсиш-Эйлау для Наполеона сильно осложнилась. Наступавший в центре корпус маршала Ожеро уже был истреблен почти полностью, и обозначилась угрожающая брешь. На флангах тоже ничего не получилось. Нетронутыми оставались лишь ревниво оберегаемая Старая Гвардия и кавалерийский резерв Мюрата. К численному преимуществу Беннигсена добавилась потеря Наполеоном инициативы. Положение ухудшалось с каждой минутой.

Вскоре небо полностью заволокли тяжелые тучи, пошел сильный снег, и стало темно, как ночью. В двух шагах ничего было не разобрать! Воспользовавшись замешательством противника и невиданно густым снегопадом, русские сами

перешли в контрнаступление. Когда во время бушующей метели гвардейские полки русских гренадер Дохтурова, разгоряченные двойной порцией водки, сплошной лавиной двинулись вперед, опрокидывая штыками французские части и приближаясь к кладбищу, где, используя церковную колокольню как наблюдательный пункт, скрывался от морозного ветра Наполеон, он не удержался от возгласов восхищения: «Какая отвага! Какая отвага! Браво! Брависсимо!»

Т. Жерико. *Отступление из Москвы.* XIX в.

Схватка была неслыханная! В снежной пелене огромные массы людей с обеих сторон вонзали трехгранные штыки друг в друга. Около получаса не было слышно ни пушечных, ни

ружейных выстрелов: только крики и ругань резавшихся без пощады тысяч храбрецов. Солдаты падали сотнями. Груды мертвых тел загромождали центральную часть поля. А снег все не стихал.

Вскоре сам Бонапарт оказался в непосредственной опасности. Вокруг него сплошным дождем ложились вражеские снаряды и гранаты; сбитые ими ветки сыпались на голову французского императора, словно дождь; справа и слева падали замертво люди из его свиты. Редко кто из адъютантов прорывался в ставку Бонапарта. (Русская артиллерия в этом сражении по всем статьям превзошла французскую.) Наполеон стоял на том же месте, невозмутимый, спокойный. Он верил в свою судьбу: пуля для него еще не отлита. Лишь его хладнокровие удерживало солдат от бегства. Окружавшие императора пешие гвардейские роты истреблялись и тут же заменялись новыми егерями и гренадерами. Доблестные русские гвардейцы почти прорвались к его ставке. Еще чуть-чуть, и его убьют или захватят в плен… Один подогретый водкой русский гренадер был зарублен мамелюками-телохранителями у самых ног императора. Испуганные возможным пленением императора Бертье и Бесьер потянули его лошадь за уздцы. Но Наполеон наотрез отказался покидать свое место. Он бросил на грозно катящуюся к нему могучую лаву 4–6 тыс. русских гвардейских гренадер всю свою резервную кавалерию: 11 с лишним тысяч всадников Мюрата и конногвардейцев Бесьера (7 тыс. драгун, 3 тыс. егерей и 1600 кирасир).

Это была одна из величайших кавалерийских атак в истории, виртуозно запечатленная на знаменитой акварели Симеона Фора. Сам блистательный Мюрат в невероятно живописном костюме, преисполненный презрения к смерти, с хлыстом в руках, не вынимая сабли из ножен, и его многочисленная расфуфыренная свита во весь опор летели в снежной вьюге впереди своих 80 великолепно снаряженных эскадронов. Замерзшая земля звенела под десятками тысяч подков. Ни пушечный, ни ружейный огонь, ни сомкнутые ряды штыков – ничто не могло преградить французам путь. Волны набравших полный ход кирасир, драгун, конных гвардейских гренадер и егерей Дальманя, Мильо, Клейна, д’Ополя и Груши на огромных трофейных прусских лошадях врезались в центр генерала Сакена. Они все смяли, все затоптали и в бурном порыве налетели на русский резерв.

Но их напор уже ослаб: полторы тысячи лихих французских кавалеристов, в том числе д’Ополь с Дальманем, не вернулись из этой яростной атаки, и резерв остался на месте. Впервые в жизни Мюрат увидел, что против урагана его неистовых сабель можно

устоять: нужно лишь умеючи выставить длинные жала трехгранных штыков, которые вспарывают животы лошадям и вышибают всадников из седел. Конница отхлынула и под прикрытием высланных им на помощь Наполеоном мамелюков вернулась назад. Звездный час французской тяжелой кавалерии закончился.

Сеча стихла.

Стих, как по команде, и снегопад.

Так кавалерия показала Наполеону, что она может быть крайне эффективна не только в разведке, прикрытии, преследовании либо фланговом маневре, но и в лобовой атаке на центр противника, особенно если ее ведет такой непревзойденный кавалерист, как Мюрат. Именно этот могучий конный контрудар если и не решил исхода сражения, то, по крайней мере, спас Бонапарта от очень больших неприятностей – возможно, от первого поражения в его военной карьере! Беннигсен так и не разглядел слабость французского центра и упустил наилучший шанс в этом кровавом бою победить поначалу уступавшего ему численно Наполеона. Но и тот не рискнул развить успех конного рейда Мюрата, бросив на затоптанный центр врага свой последний резерв – элитную, гвардейскую пехоту.

Мюрата не оказалось под Фридландом, но при Гейльсберге он так увлекся боем на саблях с вражескими драгунами, что попал в окружение, и если бы не лихой Лассаль, то эта кавалерийская рубка могла стать для него последней!

В испанской кампании Мюрат вырубает восставших мадридцев и заслуживает похвалу Бонапарта: «Я вполне доволен решительностью, проявленной вами!» Размечтавшийся Иоахим уже примеряет корону испанских Бурбонов, но ему приходится довольствоваться троном неаполитанского короля. Эта роль понравилась Мюрату, и, если бы не требования Бонапарта содержать и поставлять ему войска, а также отдать все ранее пожалованное (10 млн франков), он был бы доволен. Наполеон на этом не успокаивается и заставляет Иоахима не использовать в своей итальянской армии те же воинские звания, что и во Франции. Особенно чины бригадного и дивизионного генералов – никто не может быть ровней высшим французским офицерам! Мюрат вынужден изобретать другие наименования. Его уже нет при Ваграме – он блюдет интересы своего покровителя в Италии. К тому же Бонапарт с некоторых пор не очень доверяет зятю – до него доходят слухи об интригах Мюрата с Талейраном и Фуше, которые стремились заменить Наполеона на троне Франции более покладистым правителем.

Тем не менее в поход против России в 1812 г. Бонапарт взял Мюрата и поручил ему все четыре конных корпуса – Нансути, Монбрена, Груши и Латур-Мобура. Мюрат, командуя авангардом, двигался во главе основных сил, настойчиво преследуя армию генерала Барклая. Не давая отдыха своим кавалеристам и лошадям, неаполитанский король как одержимый несся вперед, мечтая столкнуться с русскими. 2 июля генерал Себастиани вынужден был признаться: «Наши лошади падают от истощения, а люди не едят ничего, кроме конины; их измучила непогода». К этому стоит прибавить стремительное продвижение авангарда, который гнал вперед Мюрат. Неаполитанский король старался не замечать усталости своих кавалеристов, сильный падеж лошадей, нехватку продовольствия и фуража; его голова была полна мыслей о схватках с противником, в которых он жаждал блеснуть. Оказавшись в родной стихии, он охотился за казачьими отрядами, зачастую лично возглавляя атаки. Он по-прежнему безумно хорош в атаке, рубится с казаками *(порой издевательски хлещет их хлыстом)* , которые пытаются захватить его в плен, но судьба щадит лучшую саблю Франции: ни пуля, ни штык, ни сабля его не берут. И в то же время именно в Московском походе Иоахим запятнал офицерскую честь, беспардонно подставив под гнев императора своего подчиненного – бесстрашного бородача Монбрена. Некрасивый поступок гасконца замяли, но осадок у его свидетелей остался, и уважения к первой сабле Франции не прибавилось.

Под Смоленском Мюрат, отчетливо видя все трудности Русской кампании, попытался убедить Наполеона не идти дальше и остановиться. Император возражал, он думал только о Москве. Под впечатлением разговора с императором Мюрат погнал своего коня под огонь русских батарей. Там он спешился и остался стоять неподвижно. Окружающим стало ясно, что он отчаялся в этой войне и, предвидя ее печальный конец, ищет смерти. Мюрат продолжал командовать авангардом с прежним рвением, а порой, по словам маршала Даву, «как безумный» преследовал русскую армию.

В Бородинском сражении Мюрат, как всегда, оказывался в самых опасных местах: его видели и у Семеновских флешей, и у Курганной высоты, и на Семеновских высотах. И везде он направлял в бой свою кавалерию. Во время штурма Семеновских флешей неаполитанскому королю несколько раз приходилось спасаться в своих пехотных каре. Мюрат, подобно Нею, делал все от него зависящее, но в тот день удача была не на стороне французского оружия. Мюрат не покидал поле сражения всю ночь. Он наблюдал за ампутацией ног двух русских

артиллеристов, которую производил личный хирург маршала. По окончании операции Мюрат поднес каждому раненому по стакану крепчайшего коньяка и, опустошенный побоищем, очень медленно побрел по оврагу, вдоль которого он со своей кавалерией произвел не одну яростную атаку.

На следующий день Мюрат вновь возглавил авангард и двинулся вслед за русской армией, которая ночью оставила поле битвы и отходила к Москве. Не задержавшись в русской столице, неаполитанский король последовал за Кутузовым и к концу сентября остановился недалеко от Тарутина, куда отошли русские войска. А затем была ретирада наполеоновских войск из России, после которой от четырех кавалерийских корпусов Мюрата почти ничего не сталось.

«Храбрейшим из королей и королем храбрецов» называл его сам Бонапарт. Мюрат мог проскакать между вертящимися крыльями ветряной мельницы, не слезать с седла и не спать по нескольку суток, броситься в самую гущу врагов, в часы затишья пригласить для дружеской беседы неприятельского генерала, выехать на переговоры с противником куда угодно, не боясь подвоха, отпустить из плена воина-героя. Первым подойдя после Бородинского сражения к Москве и пообещав генералу Милорадовичу не мешать выходу русских войск из города, Мюрат сдержал свое слово. В разгар сражений он для ободрения подчиненных иногда садился пообедать на передовой линии под огнем. Готовя однажды атаку своей конницы на близлежащий город, Мюрат сказал артиллеристам: «Мне кажется, что пушки, установленные на стенах, нас могут встретить очень сильным огнем». «Не беспокойтесь, – ответил командир батареи, – если они откроют огонь, мы через 10 минут заставим их замолчать». Мюрат не на шутку рассердился: «А нельзя ли за 10 минут до того?!»

Безумные фиглярские наряды, которые маршал придумывал себе сам, делали его незаменимым на всякого рода торжествах, но шокировали парижское общество. В этом Мюрат превосходил других наполеоновских полководцев-пижонов Ланна, Нея и самого Бертье!

В свою самую знаменитую атаку под заснеженно-морозным Эйлау этот «красавец-павлин в 32-й степени» бесстрашно летел в ослепительно белом мундире с золотым шитьем, поверх которого был элегантно наброшен темно-зеленый, цвета бутылочного стекла, меховой полушубок, на голове красовалась роскошная малиновая шапка с меховой опушкой и пером цапли, на ногах алели сапоги.

Порой Бонапарт, предпочитавший неброскость в одежде,

взвивался от увиденного и грозно орал на «короля храбрецов»: «Немедленно переоденьтесь в строевую форму, а то вы смахиваете на циркача Франкони!»

Мюрат страшно обижался, но дамы по-прежнему визжали и «в воздух чепчики бросали» при виде разодетого молодца-гасконца.

Во время похода на Москву в 1812 г. за Мюратом следовал гигантский багаж, в котором нашлось место даже духам. Имелся также полный штат камердинеров, конюхов, пажей, лакеев и лучших парижских поваров. Именно тогда костюм маршала достиг апогея «живописности»: огромная шляпа с бархатными отворотами, расшитыми золотым галуном, с очень высокой белой тульей, окруженной трехцветным султаном роскошных страусовых перьев, прикрепленных большими алмазами; зеленая бархатная расшитая золотом накидка; под ней небесно-голубой мундир с золотым шитьем и такими же широкими петлицами; алые панталоны с золотыми лампасами; желтые сапоги с красными каблуками! Когда французская армия стала отступать, с началом русских морозов Мюрат отчаянно мерз в этой живописной одежде, но «форс мороза не боится», и он продолжал сохранять щегольской вид! Лишь импозантную шляпу этот герой мелодрамы заменил на шапку из черного бархата. Его позолоченная сабля и золотой ремень сверкали бриллиантами, как и пистолеты, торчавшие из усыпанной самоцветами кобуры, сияли золотом, рубинами, изумрудами и сапфирами. Когда Мюрат гарцевал на одном из 60 великолепных скакунов, взятых им с собой в поход, конь под ним щеголял попоной из тигровой или леопардовой шкуры, золотой уздечкой и золотыми стременами.

…

***Между прочим** , Иоахим не был примитивным воякой. Он тонко чувствовал живопись и, став неаполитанским королем, увлекся коллекционированием произведений искусства, его собрание украсили работы Рафаэля, Микеланджело, Пуссена и других старинных и современных ему живописцев.*

В облике Мюрата было что-то такое, что производило впечатление на каждого. Своим величественным видом он

напоминал… актера, играющего роли королей. Маршал умел красиво говорить, но порой его солдатские выражения выдавали низкое происхождение. Больше всего он любил в присутствии женщин рассказывать о своих кавалерийских подвигах, в особенности как он первым вступал в покоренные города. Любимой темой было взятие прусского Любека. Порой Мюрат так увлекался описанием кровавых подробностей, что кое-кто из жеманно-кокетливых красоток по-настоящему падал в обморок. Галантный «король храбрецов» тут же принимался собственноручно приводить дамочку в чувство, и нередко так завязывался быстротечный «огневой контакт», столь любимый дамами той поры, когда «эти душки-военные» сегодня были подле них, а завтра долг службы уносил их за тридевять земель, порой навсегда! Мюрат усвоил истинно королевскую манеру говорить, будучи вполне уверенным, что его слушают если не с удовольствием, то обязательно с почтительным вниманием.

Над ним можно было смеяться и называть его помесью павлина и клоуна, но не восхищаться им в бою было просто нельзя. Сидя в седле так, как это дано лишь немногим мужчинам, с развевающимися кудрявыми волосами, он выглядел и вел себя так, как будто только что вылетел на поле боя галопом со страниц какого-нибудь рыцарского романа XIV в. Недаром сам Наполеон так отзывался о нем: «В поле он был настоящим рыцарем и дон-кихотом!

В кабинете – хвастуном без ума и решительности!» Если с популярным литературным героем д'Артаньяном во французский разговорный язык вошло выражение «гасконада», то с выходом на авансцену Европы знаменитого наполеоновского маршала Мюрата эта идиома закрепилась навсегда!

Бессменный командир конницы, маршал немало сделал для того, чтобы она стала самой мощной в Западной Европе, причем особое внимание уделил тяжелой кавалерии (кирасиры и карабинеры), чья огромная ударная сила превращала ее в один из главных козырей наполеоновской армии. Безусловно, Мюрат был лучшим кавалерийским генералом Европы своего времени. Не зря ему, впереди всех несшемуся в атаку, Наполеон доверял руководить самыми крупными соединениями кавалерии. Это были не только дивизии, но и целые корпуса тяжелой, средней (драгуны и конные егеря) и легкой (гусары и уланы) конницы. Такой мощной и многочисленной кавалерией кроме Франции в Европе обладала тогда только Российская империя, но большую часть ее конницы составляла легкая, преимущественно казачья. Не раз Мюрату удавалось взламывать лобовыми ударами своей кавалерии боевые порядки врага, совершать фланговые обходы и

удачно преследовать отступавшего противника. Особо любил он схватки с казаками, из которых никогда не возвращался без окровавленной сабли.

Устремившись из белорусской деревеньки Сморгони «срочно по делам» в Париж, Бонапарт бросил Великую армию – 20 тыс. солдат с отмороженными ногами и руками, обмотанных лохмотьями либо кусками овчин (только у 2 тыс. офицеров и 7 тыс. солдат еще было какое-то оружие) – на Мюрата. Среди уцелевших маршалов он был самой неподходящей кандидатурой для этой очень трудной должности, требовавшей невероятной изобретательности, колоссальной выдержки, фанатичной преданности солдатскому долгу и непоколебимой веры в будущее. Воинское искусство Мюрата ограничивалось умением лихо управлять большими массами хорошо экипированной кавалерии. Он мог демонстрировать чудеса бесстрашия в наступлении, но никогда за всю свою жизнь не показал хотя бы малой толики терпения и умения принимать единственно верное решение, а его вера в счастливое будущее Наполеона уже погибла в снегах России. В ходе отступления Великой армии Мюрат с болью наблюдал, как бездарно гибнет от голода и бескормицы, холода и постоянных атак казаков его любимое детище – легендарная французская кавалерия, во главе которой он победоносно пронесся через всю Европу. Безусловно, это надломило его. Коленкур настоятельно советовал Наполеону остановить выбор на рассудительном и твердом принце Евгении Богарне, чьи военные дарования больше подходили как раз для тяжелых арьергардных боев, но Бертье, безутешный от того, что Наполеон не взял его с собой в Париж, настоял на Мюрате.

После переправы через Березину остатки Великой армии продолжали таять *(генералы Зима и Голод вместе с казаками по-прежнему крепко знали свое дело)* и окончательно превратились в толпу безжалостных, полусумасшедших индивидуалистов. Теперь всех интересовали только собственная жизнь и возможность добраться до любого места, где были бы крыша над головой, тепло и еда… тепло и еда… тепло и еда… А тут еще начались настоящие русские морозы: температура упала до 26–30 °С. Разыгравшаяся вьюга оказалась такой свирепой, что люди не видели, куда идти, и невольно шли… кругами. Ветер, как нож, проникал до костей. Люди замерзали сотнями. Огромные волчьи стаи бежали следом за французской армией.

Они кормились солдатами Великой Армии. То, что не поедали хищники, вороны и псы, покрывала своим белым саваном зима. Вьюга наметала над трупами холмики снега, и обратная дорога из России превратилась для французов в

нескончаемо длинное кладбище.

Мюрат попытается еще организовать оборону города Вильно, где были сосредоточены громадные запасы продовольствия и боеприпасов, но безуспешно. Превратившиеся в оборванцев 20 тыс. солдат, похожие на пугал, уже не желали воевать: дорвавшись до водки и коньяка, они напивались до бесчувствия и замерзали на улицах. Даже в святая святых Наполеона, бережно хранимой Старой гвардии осталось лишь 1600 боеспособных солдат! Так, капитан снайперов гвардии сумел предъявить только одного лейтенанта и одного рядового!

...

***Между прочим** , даже на гвардейцев уже нельзя было смотреть без содрогания. Кто-то шел без пальцев рук! А кто-то ковылял без пальцев ног. И наконец, кого-то вели под руки, поскольку он полуослеп в русском белоснежье либо и вовсе тронулся умом! А ведь совсем недавно именно их считали элитой Великой армии, перед которой трепетала вся Европа! Воистину, от великого до ужасного – один шаг.*

От некогда лучшей в Европе кавалерии после похода на Москву осталось лишь около 2 тыс. изможденных и обмороженных всадников на жалких клячах. У пограничной реки Неман Мюрат самовольно передал командование принцу Евгению Богарне, мотивируя это тем, что больше в Великой армии ему делать нечего.

В. В. Верещагин. *Наполеон в России. В Кремле – пожар.* 1887–1898 гг.

Маршал объявил, что спешно уезжает в Неаполь – столицу своего королевства. В письме к императору неаполитанский король утверждал, что неохотно оставляет командование и слагает с себя руководство «исключительно по причине здоровья, которое за последние пять-шесть дней ухудшилось настолько», что он «не в состоянии добросовестно заниматься административными вопросами». В постскриптуме Мюрат добавил: «У меня лихорадка и симптомы серьезного приступа желтухи». Началось все со ссоры в прусском городке Гумбиннене между Мюратом и Даву, люто ненавидевшим эксцентричного гасконца. Последний открыто, в самых простых солдатских выражениях возмутился полным нежеланием Мюрата спасать обезумевшую толпу беглецов. Даву прилюдно обозвал Иоахима

клоуном от кавалерии и пообещал рассказать императору о циничном поведении Мюрата, забывшего о своем солдатском долге – в любых условиях поддерживать честь и славу французского оружия. В ответ давно озлобленный на своего императора Мюрат завизжал: «Я болен и что тут мне, королю, делать! Провожать эту сволочь *(имелись в виду обмороженные, одичавшие остатки Великой армии)* достаточно какого-нибудь генерала! Служить далее этому безумцу невозможно! Прими я предложения англичан – я был бы таким же великим государем, как императоры России и Австрии». Мюрат первым из маршалов Бонапарта отказался ему служить. Он правильно понял, что карта его венценосного шурина уже бита, но ему было невдомек, что сам-то он сидит на троне не по милости Божьей, а лишь из-за расположения некогда всесильного «корсиканского выскочки». «Железный» маршал Даву резко оборвал «короля храбрецов»: «Императоры России и Австрии – государи Божьей милостью, а вы если и король, то единственно по милости Наполеона и пролитой французской крови. Черная неблагодарность вас ослепляет». Поняв, что Даву в своем мнении не одинок (суровые маршалы-солдаты вроде Лефевра и Макдоналда, Бесьера и Мортье разделяли его взгляды), Мюрат психанул, обложил их так, как это умеют только гасконцы, вскочил в седло и, загоняя коня, помчался в теплую и благодатную Италию. Через две недели неустанной скачки король Иоахим вернулся к себе в Неаполь. «Недурно для больного!» – с улыбкой прокомментировал Евгений Богарне, когда до него дошла эта новость.

…

***Кстати** , сразу после достопамятного военного совета в Гумбиннене, Мюрат тайно отправил двух неаполитанцев из своего штаба – герцога Карафа де Нойа и князя Кариати с поручением к всесильному австрийскому министру Меттерниху. Им поручили прозондировать почву на предмет возможности заключения с австрийцами конфиденциального соглашения, которое гарантировало бы Мюрату его корону в случае краха Французской империи.*

Наполеон, как, впрочем, и вся французская армия, от рядового до генерала, не простил своему шурину дезертирства. Даже маршал Бертье, который был сторонником назначения Мюрата на эту должность, вынужден был признать: «Неаполитанский король – человек во всех отношениях менее способный командовать армией». «Капитан стрелковой роты лучше бы командовал армией, нежели вы!» – серьезно упрекает Наполеон своего неуравновешенного зятя. Он объявил во французской прессе, что «Мюрат незаменим в атаке или когда на поле боя все ладится, но ему не хватает силы воли и твердости характера огрызаться в отступлении, самом сложном, как известно, виде боя! Столь важное дело маршалу Мюрату не по плечу! Я едва не удержался от искушения велеть арестовать его для примера!» Это было, вероятно, самым тяжелым оскорблением, которое один солдат может нанести другому.

Участник почти всех наполеоновских войн, Мюрат, несомненно, был многим обязан своему великому патрону, но и сам немало для него сделал: вспомним хотя бы вандемьерские события, или переворот 18 брюмера, или безумную атаку под Эйлау! Но он никогда не был выдающимся стратегом и даже… умным человеком. В январе 1814 г., когда война пришла на территорию Франции, Иоахим, подзуживаемый своей супругой Каролиной, решил, что пришло время окончательно отмежеваться от Бонапарта. Ради сохранения власти в Неаполитанском королевстве бравый маршал предал своего благодетеля и вступил в союз с Австрией. Наполеон писал сестре, жене Мюрата: «Ваш супруг очень храбр на поле сражения, но слабее женщины или монаха, когда не видит неприятеля. У него нет совсем моральной храбрости».

Мюрату всегда было свойственно метаться в поисках наиболее выгодных условий, особенно когда все было зыбко и неясно. В ходе саксонской кампании 1813 г. Наполеон два раза подряд разбивает союзников – под Лютценом и Баутценом, и они срочно запрашивают перемирия, чтобы прийти в себя и собраться с силами. В этот момент наш герой почему-то решает, что карта Бонапарта еще не бита, и снова направляется под знамена своего шурина-патрона-благодетеля.

Но по дороге в Дрезден Мюрат встретил курьера с секретными депешами от его личного представителя в Вене Кариати. Однако депеши были зашифрованы. Король прочитать их не мог и дал указание курьеру следовать дальше в Неаполь для расшифровки, а сам галопом помчался к Наполеону. Дело приняло комический характер. В депешах выражалось согласие Австрии гарантировать сохранение неаполитанского престола за

Мюратом, если он покинет Наполеона и выступит против него; помимо этого в депешах сообщалось, что Австрия присоединяется к коалиции и объявляет войну Франции. Не исключено, что если бы полученные известия Мюрат прочитал сразу, то, скорее всего, не поехал бы в Дрезден вообще.

В столице Саксонии он ощущает всеобщее трудно скрываемое уныние. От Коленкура до Бертье все встревожены. После решения Австрии примкнуть к коалиции против Франции последняя должна воевать против численно превосходящего противника и вести бои сразу на два фронта при теперь уже неотвратимом упразднении французского владычества в Испании. Очень многим катастрофа представляется неизбежной. И тем не менее Мюрат участвует в Дрезденском сражении, и никто еще не знал, что яростный бросок французской кавалерии в этой битве станет последней победной атакой в истории наполеоновских войн – причем не только лично для Мюрата, но и для всех ветеранов-кирасир, егерей, драгун, улан и гусар в его эскадронах. Дрезден оказался последним триумфом Мюрата, никогда более он уже не испытал опьяняющего аромата победы.

Потом еще была кровавая прелюдия перед грандиозной «битвой народов» под Лейпцигом – большое кавалерийское дело с участием Мюрата, развернувшееся 14 октября 1813 г. на широкой равнине неподалеку от Лейпцига у местечка Либертвольквиц. День был пасмурный и холодный. Дул сильный порывистый ветер. Русская конная артиллерия лихо выскочила далеко на равнину и открыла беглый огонь по кавалерии Мюрата. Тут же несколько полков французских драгун и конной гвардии – лучшей в то время кавалерии Наполеона – устремились на русскую батарею, столь рискованно вышедшую вперед.

Развернутым фронтом гусары и уланы генерала Сеславина двинулись навстречу неприятелю. Топот копыт нескольких тысяч лошадей заполнил равнину. С рыси перешли на галоп. Некоторые смельчаки вырвались вперед. Трубачи протрубили «Галоп!». Неприятельская кавалерия, тоже ускорив аллюр, быстро приближалась. Уже хорошо были видны драгуны в медных касках и конногвардейцы в медвежьих шапках, несущиеся на батарею в рассыпном строю. Русские пушки дали последний раз залп и жестоко осыпали наступавших картечью. Картечь сразила многих всадников, но французская кавалерия продолжала атаку. Еще немного, и противник возьмет батарею. Трубы русских гусар и улан заиграли атаку! Эхом отозвались голоса эскадронных командиров улан: «Пики к атаке!» И вот уже первая шеренга улан, пригнувшихся к гривам лошадей, с черными пиками в руках мчалась на неприятеля. За ней взметнулись ряды рук гусар со

светлыми клинками. Люди, охваченные пьянящим чувством атаки, разом закричали «Ура-а-а-а!!!».

Пики первой шеренги русских выбили из седел под копыта налетевших лошадей многих драгун и конногвардейцев. Враг был опрокинут, конная батарея русских спасена. Преследование противника, отступающего в беспорядке, расстроило ряды русских гусар и улан. Встречная атака польских улан отбросила их назад. На помощь русским кавалеристам двинулись прусские драгуны, уланы и кирасиры. Противник не выдержал одновременных фланговых атак союзной кавалерии и обратился в бегство. Однако тут появились новые французские конные полки.

Кровавая кавалерийская «карусель», в которой с обеих сторон с величайшим ожесточением рубилось около 15 тыс. всадников, продолжалась много часов. Только к вечеру, вдоволь намахавшись-натешавшись холодным оружием, противники разошлись по своим бивакам.

После поражения под Лейпцигом, после тайной встречи около Оллендорфа с австрийским эмиссаром Мюрат покинул Великую армию и навсегда попрощался со своим императором. Оправдывая свой отъезд, он говорил, что будет более полезен в Италии, где сумеет привести неаполитанскую армию на помощь вице-королю Евгению Богарне. Наполеон не питал иллюзий относительно истинных намерений своего зятя, однако не арестовал его и даже ни в чем не обвинял. Вместо этого он обнял готового предать его брата по оружию. Иоахим еще не добрался до Неаполя, но уже секретной депешей известил князя Кариати, что, как только прибудет в королевство, тотчас перейдет на сторону союзников. Мюрат уже твердо встал на путь предательства, с которого не свернет.

Во время легендарных «Ста дней» Наполеона, как ему показалось, сторговавшийся было с австрийцами неаполитанский король Джоакино (так теперь следовало величать экс-маршала Мюрата) попытался вернуться под знамена своего императора. Незадачливый Джоакино так рвался в бой, что даже начал 15 марта 1815 г. преждевременное и вовсе не актуальное наступление своих неаполитанцев против 40-тысячного австрийского корпуса генерала Бьянки. Его темпераментные неаполитанцы были пригодны разве что весело гулять, неутомимо любить фигуристых неаполитанок, но сражаться они не умели да и не хотели. 2–3 мая Мюрат был разгромлен в пух и прах в сражении на реке Толентино, тем самым создав для Франции угрозу с юга. Спасаться пришлось и ему. Он кинулся во Францию, под знамена человека, который когда-то, 20 лет назад, после кровавой ночи взял его с собой в фантастический полет по

волнам истории! Но после нескольких предательств Мюрата Бонапарт давно уже вычеркнул его из «списка живых». «Кормчий» не захотел снова брать на борт «крысу», которая одной из первых покинула его в суровую годину. Тем самым Наполеон поставил жирный крест на судьбе свояка.

И все же некоторые историки полагают, что именно Мюрата – блестящего мастера таранного удара «кавалерийским кулаком» – так не хватало Наполеону во время решающей кавалерийской атаки французских кирасир на английское каре Веллингтона при Ватерлоо в 1815 г. Но, предав Бонапарта в 1813 г., он заставил его сомневаться: «Я бы взял его с собой и под Ватерлоо, но опасался ропота войска, которое знало его прошлогоднюю измену. А кто знает?! Может, он и принес бы мне победу? Как никто другой он умел лихо врубаться в пехотные каре противника и сеять там панику! Три или четыре английских каре были для него не помеха». Уже будучи на острове Святой Елены, Наполеон констатировал: «Я не знал храбрее Мюрата и Нея! Но первый был благороднее по характеру, великодушен и откровенен».

Уже после фиаско Наполеона под Ватерлоо, в октябре 1815 г., Мюрат постарался вернуть себе отнятую у него неаполитанскую корону, но ничего не вышло. Лихой кавалерист проиграл, попал в плен и был приговорен к смерти. Его казнили в шесть часов вечера 13 октября, через 15 минут после вынесения приговора.

Мюрат, так обожавший по-театральному помпезные наряды, перед расстрелом предпочел одеться очень просто: белая рубашка и такие же брюки, голубой жилет и точно такой же плащ и, наконец, черные гусарские сапожки. Во дворе, куда вывели сына кабатчика, ставшего по воле госпожи Удачи королем, было столь тесно, что наведенные на Мюрата дула ружей расстрельной команды почти касались его груди! Перед лицом неминуемой смерти «король храбрецов» еще раз продемонстрировал главные свойства своей натуры: храбрость и… позерство! Он сам отдал приказ карабинерам, прицелившимся в него: «Стреляйте в сердце, но пощадите лицо! Пли!!!» Шесть пуль пробили грудь казненного, но одна пронзила правую щеку, изуродовав воинственное лицо «храбрейшего из королей».

Так закончилась одна из самых головокружительных военных карьер в истории человечества: за 20 лет Мюрат прошел путь от солдата до маршала и короля. Мюрат был истинным сыном своего времени – сложного и противоречивого. В нем причудливо переплетались доброта и доверчивость с завистью и тщеславием; искренность и наивность со склонностью к интригам; преданность Наполеону со способностью легко изменить ему. Сквозь золото позументов проглядывала неблагодарная душа, а в

красивой голове под роскошным плюмажем роились неблагородные мысли.

Наполеон и Мюрат, в полной мере наделенные обоюдной самолюбивой ранимостью, скорее всего, никогда не испытывали друг к другу какой-либо особой симпатии. Бонапарт, получивший классическое военное образование, всегда внутренне презирал тех, кто, подобно Мюрату, выбился из солдатских рядов. Сказывалось и сознание превосходства математика-артиллериста над рубакой-кавалеристом. Уже находясь на острове Святой Елены, Наполеон дал очень емкую и доходчивую характеристику своему лучшему кавалерийскому командиру: «У Мюрата было много отваги и… мало ума! Громадный разрыв между этими его свойствами и определил личность Мюрата».

Так или иначе, но на родине маршала не забыли, и спустя годы его родной город Лабастид-Фортюньер переименовали в Лабастид-Мюра.

…

***Кстати** , у Мюрата осталось два сына и две дочери. Сегодня известно уже более… 500 потомков «короля храбрецов»! Они живут не только во Франции, но и в Италии, Великобритании, Германии, Венгрии, Польше, Румынии, США. Одно время они обитали и в России, в частности в Грузии, но только до Октябрьского переворота большевиков.*

P. S. «Я никогда не видел человека храбрее, решительнее и блистательнее его во время кавалерийских атак!» – емкая эпитафия Наполеона лучшему кавалерийскому военачальнику его армии, мчавшемуся на врага с золотым маршальским жезлом в руках.

Эпилог, или Àla guerre comme àla guerre

Полководческий талант Бонапарта смог раскрыться с такой полнотой еще и потому, что он опирался в своих войнах и сражениях на генералов и маршалов первоклассного дарования – на свою «центурию», а вернее «декарию». Эти люди соединили с ним судьбу, некоторые надолго, кто-то – на время. Одни верили ему и двигались за ним, как за путеводной звездой, а другие просто вовремя пристроились шагать в ногу, сочтя выгодным погреться в лучах его славы. Для кого-то он был лишь первым среди равных, для кого-то – вершиной айсберга. Наконец, многих объединяла и несла на своих волнах неудержимая молодость, когда все вокруг кажется вечным и прекрасным.

Они жили полнокровной жизнью, сегодняшним днем – изнурительными переходами, громом сражений, любовью, наконец! Смерть стояла за их плечами; она подстерегала каждого, вырывала из рядов то одного, то другого. Первым был Мюирон, за ним – Сулковский, следом – Дезе, Леклерк, Ланн и Бесьер с Дюроком. Остальные склоняли головы и знамена, прощаясь с навсегда ушедшими товарищами. Но они были молоды, и смерть не могла их устрашить. Они шли вперед, не оглядываясь…

К этим неизбежным потерям Наполеон относился по-военному профессионально: отдавал воинские почести погибшим подчиненным и… двигался дальше, благо волна удачи несла его вперед и ввысь!!! Бонапарт никогда не забывал тех своих соратников, кто, шагая в одном ряду, волею судеб навсегда оставались на полях сражений – порой очень молодыми, порой в расцвете лет.

Примечательно, что сам Наполеон за несколько недель до смерти вспомнил только тех военачальников, чьи заслуги он особенно высоко ценил и о которых до конца сохранил добрую память: «Я чувствую, что мой конец близок и скоро я встречусь с моими храбрецами на Елисейских полях. Клебер, Дезе, Бесьер, Дюрок, Ланн, Ней, Мюрат, Массена… Мы снова соберемся вместе. Если, конечно, там, наверху, не боятся, как здесь, внизу, такого скопления военных». Скорее всего, не все в поведении Нея и Мюрата, особенно в последние годы их жизни, устраивало Наполеона, но своей геройской смертью они, по его мнению, искупили все шараханья и метания…

N. B. Вы познакомились лишь с самыми знаменитыми или лучшими из лучших маршалов Бонапарта. Если их истории вам

понравились, то, вполне возможно, вы познакомитесь и со всеми остальными маршалами Франции той поры и даже с теми, кто по разным причинам так и не успел ими стать. Увлекательнейшие, между прочим, истории, должен вам сказать…

Иллюстрации

Т. Жерико. *Гусарский трубач.* 1815–1820 гг.

А. Аппиани. *Портрет Наполеона.* 1805 г.

П. Э. Ботигни. *Париж 1793 года.* Вторая половина XIX в.

Ж. Б. Мозэс. *Битва при Флерюсе.* Фрагмент. 1837 г.

Л. Ф. Лежён. *Битва при Лоди.* 1804 г.

Н. А. Тоне. *Эпизод Итальянской кампании.* Фрагмент. 1801 г.

Т. Жерико. *Раненый кирасир.* 1814 г.

А. Ж. Гро. *Наполеон в Битве у пирамид.* 1810 г.

Л. Ф. Лежён. *Битва у пирамид.* Фрагмент. 1806 г.

Н. А. Тоне. *Триумфальное возвращение Императорской гвардии в Париж.* 25 ноября 1807 г.

Э. Детайль. *Французские драгуны с захваченным знаменем.*

Ф. Винсент, Л. Ф. Лежён. *Битва у пирамид.* Фрагмент. 1800–1801 гг.

Л. Ф. Лежён. *Штурм монастыря Санта-Энграсия в Сарагосе.* 1809 г.

Ф. Г. Г. Леполь. *Генерал Бонапарт и генерал Жубер на поле боя при Риволи.* Середина XIX в.

А. Ж. Гро. *Битва у Назарета.* 1801 г.

Л. Ф. Лежён. *Сражение при Маренго.* 1801 г.

Р. Лефевр, К. Верне. *Генерал Бонапарт и генерал Бертье в битве при Маренго.* 1801 г.

Ж. Л. Давид. *Коронация Наполеона.* Фрагмент. 1804 г.

Л. Ф. Лежён. *Наполеон на бивуаке накануне битвы при Аустерлице.* 1808 г.

К. Верне. *Битва под Йеной 1806 года.* 1836 г.

Х. К. дель Ализал. *Капитуляция французской армии, окруженной испанскими*

А. Ж. Гро. *Наполеон в битве при Прейсиш-Эйлау.* 1808 г. *партизанами у города Байлина.* 1864 г.

Л. Ф. Лежён. *Битва на Москве-реке.* 1812 г.

Э. Крофтс. *Наполеон Бонапарт.* 1888 г.

А. Ж. Гро. *Портрет Мюрата, короля Неаполя.* 1812 г.

В. В. Верещагин. *С оружием в руках – расстрелять!* Фрагмент. 1887–1895 гг.

П. Деларош. *Наполеон в Фонтенбло после отречения.* 1845 г.

М. Жерар. *Луиза Антуанетта Ланн, герцогиня Монтенбелло, с детьми.* 1814 г.

Ж. О. Д. Энгр. *Каролина Мюрат, королева Неаполя.* 1814 г.

Т. Жерико. *Трубач уланов.* Первая половина XIX в.

Т. Жерико. *Офицер конных егерей.* 1812 г.

В. В. Мазуровский. *Кто кого.* 1912 г.

Э. Детайль. *Виват, Император!* 1891 г.

К. Мотте. *Наполеон прощается с маршалом Жаном Ланном.* 1858 г.

Ж. Д. О. Энгр. *Наполеон получает ключи от Вены.* 1805 г.

Э. Детайль. *Кавалерийская атака.* 1902 г.